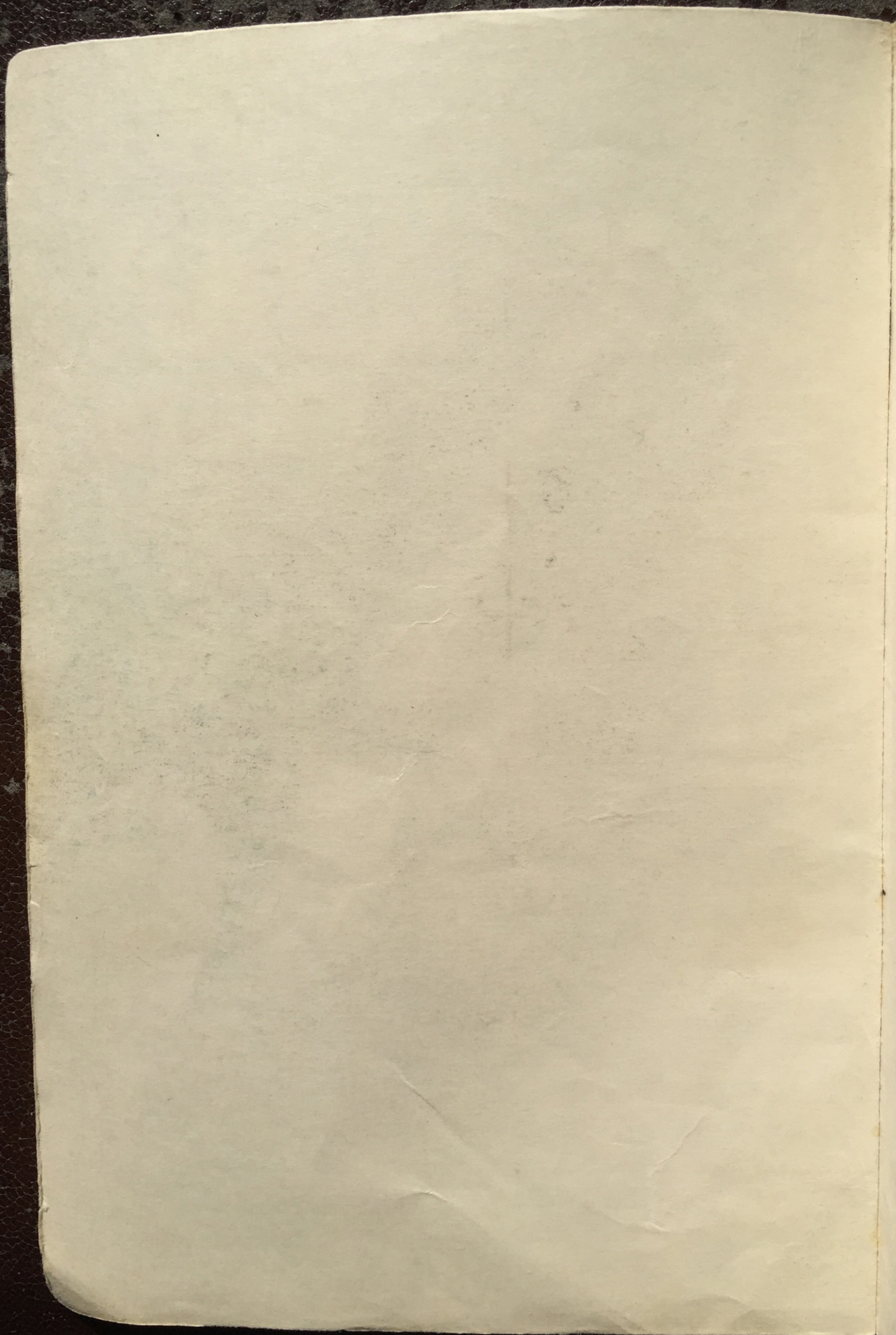

АЛЕКСАНДР НИКОНОВ

Х ЁВАЯ КНИГА

Александр НИКОНОВ

ХУЕВАЯ
К Н И Г А

документальная
ностальгия

*(фамилии известных и
исторических деятелей
не изменены)*

ББК 84Р1-44

Н 62

УДК. 82

Александр НИКОНОВ
ХУЕВАЯ КНИГА

документальная ностальгия

Н 62 Охуенно интересная книга, сюжет которой отличается своим отсутствием и экстатичной порнографичностью. Сексуально голодные герои книги только и делают, что пьют, блюют и ебутся, а страна катится в пропасть, претерпевает революционные изменения, мало сказывающиеся на эрекции.

Н 4702010201 — 09
T74(03) — 94

ББК 84Р1-44

ISBN 5—8448—0239 — X

© Издательство «ВАСАНТА», 1994г.

Содержание

Предисловие	3
От автора	4
ЧАСТЬ I. Унесенные ветром	5
ГЛАВА 1. Как я научился играть в преферанс	5
ГЛАВА 2. Преферанс — не главное в жизни	5
ГЛАВА 3. (вставная челюсть)	8
ГЛАВА 2, опять	8
ГЛАВА 4. Утренний туман	9
ГЛАВА 5, справочная	12
ГЛАВА 6. Половые бандиты	13
ГЛАВА 7. Господа офицеры	21
ГЛАВА 8. Господа пердуны	27
ГЛАВА 9. Фили	29
ГЛАВА 10. ТМП — Теория мировой пиздатости	34
ГЛАВА 11. Как надо и не надо пить	48
ГЛАВА 12. Сенеж	51
ГЛАВА 13, по всем приметам несчастливая	58
ГЛАВА 14, следующая, под кассет	60
ГЛАВА 15. Осень жизни	61
ЧАСТЬ II. Унесенные на хуй	63
ГЛАВА 16. Фотография	63
ГЛАВА 17. Хронология	63
ГЛАВА 18. Хуюс, Членис, Пенис, Пиписис	65
ГЛАВА 19. Говно на лопате	76
ГЛАВА необязательная. Для тонких, неуспокоенных, ищущих смысл в жизни	82
ГЛАВА 20. Я хочу написать о море. Оно Черное	87
ПОДГЛАВА 20а. Немного о том же	88
ГЛАВА 21. Череповец	90
ГЛАВА 21.1 Белозерск или Беново счастье	99
ГЛАВА 22. Жопа	100
ГЛАВА 23. Запор	106
ПОДГЛАВА 23.1 Баранов идет ебаться	112
ГЛАВА 24. Как я на спор поебался	118
ГЛАВА 25. Пахучий городской	126
ГЛАВА 26. Так учил Заратустра	128
Эпилог	130
Приложения	132
Послесловие	157

Предисловие

Александр Никонов, мой приятель и «брат во литературе», предложил мне написать предисловие к его книге. Польщенный, я немедленно согласился, о чем жутко пожалел, когда прочел название.

Кстати, вы его тоже прочли. Ничего себе, да?

Но, привыкши держать слово, предисловие я все-таки пишу.

Собственно, уже написал.

А вот прочту книгу, извините за выражение, до конца — напишу послесловие.

Там и поговорим.

Виктор Шендерович

*«Летите, грусти и печали
К ебени матери в низду.»*
А.И. Полежаев.

От автора
(можно не читать)

«Что естественно, то не постыдно», — говорил древний философ Сократ, залезая посрать на пригорок и задрав тунику. Его обдувал мягкий ласковый ветер, может быть даже это был бриз, и вонь разносилась окрест, достигая ближайшей деревни. Там не любили Сократа. И когда величайший гений и вождь пролетариата смиренно отправлялся к пригорку, темные фанатичные жители показывали на него заскоружеными пальцами и говорили друг другу: «Вон Сократ пошел срать». Такова неблагодарность людская.

А предположим на минутку, что Сократ наступил бы на горло своей песне. Разве это было бы хорошо? Это плохо было бы. Истинная мудрость рождается в борьбе с замшелыми парадигмами. Если бы обыватели обломали крылья Сократу, разве смог бы этот гордый Икар срать с высоты птичьего полета, подобно орлу?! Нет. История не донесла бы до нас его имени, затеряла, как затеряла миллионы других имен. А теперь имя древнего гения известно всем, и на могиле Сократа без всяких титулов и ученых званий так просто и написано: «Здесь был Сократ». И все. Точка. Всем все ясно. Этот античный комик заслужил свою славу.

Поэтому я и призываю вас — любите ближнего своего, заботьтесь о нем, яко о своих врагах, подставляйте им всем вторую щеку и никогда не прелюбодействуйте со своей женой. Впрочем, про это еще будет, а сейчас я, как и обещал, скажу о чем моя книга. Вы уже догадались? Да-да, именно об этом! О тонкой струнке души человеческой, ети ее мать.

ЧАСТЬ 1.

Унесенные ветром.

*«Не хвались идучи на рать,
а хвались идучи срать.»*
Пословица.

ГЛАВА 1.

Как я научился играть в преферанс.

Я научился играть в преферанс в поезде, 18-и лет от роду. Десять лет уже прошло с тех пор! Боже мой! Еб твою мать! Десять лет! А ко времени издания этой хуевой книги, если это говно вообще когда-нибудь будет издано, пройдет я ебу сколько лет! А ведь мне уже 28! Скоро 29! А будет — бог весть сколько лет. И тогда цифра 29 покажется мне детством золотым и умильным. Время-то идет. И это хуево. Мне было хорошо в 18 лет. Потому что тогда я научился играть в просиранс. Пики-крести-буби-черви. В поезде. По пути следования со студенческой группой в город Магнитогорск, на ознакомительную практику после первого курса.

ГЛАВА 2.

Преферанс — не главное в жизни.

Но сначала я поступил в МИСиС. Годом раньше преферанса. МИСиС — это Московский институт стали и сплавов. В годы сталинского мракобесия институт имел ту же аббревиату-

ру, но расшифровывался по-другому — Московский институт стали имени Сталина. Вот такое говно.

Но я туда поступил. Это хороший институт. Там не сдавали иностранный язык: я херово знаю французский.

Я вообще сдавал два экзамена. Тогда был Брежнев и застой. Это называлось поступить «по эксперименту». Учитывался средний балл аттестата. Если он больше 4,5 (четыре целых, пять десятых долей еще одного целого), то абитуриент сдавал два экзамена: математику и физику. Если он при этом получал не менее 9 баллов, то автоматически считался поступившим. А если меньше, то сдавал еще химию и сочинение на русском языке.

У меня был аттестат 4,52. Потому что я иногда подправлял оценки в школьном журнале и любил ставить напротив своей фамилии пятерки. Учителя меня тоже любили. Кстати, потом, уже учась в институте, я из головы придумал 156 экспериментальных значений в курсовой работе. А позже, наполовину выдумал научные цифры своей дипломной научно-исследовательской работы, построил красивые графики и защитился на пять баллов. Я преступник. Оторвите мне яйца.

Итак, я набрал на вступительных экзаменах 10 очков и поступил. Мне было по хую куда поступать-то, я просто не хотел идти в армию, а мой двоюродный дядя из Госплана, сам кондовый металлург, усердно ломал меня на МИСиС, обещая, что у него сам ректор чуть ли не пахан, и в жопу целует, и вообще хуева туча знакомых на кафедрах — обещал поддержку.

Увы, поддержки не получилось. По математике все эти элементарные задачки я решил как не хуй срать. А вот по физике меня ебали долго, давали дополнительные задачки, я отсаживался, решал их, а мне еще давали, но таки я взял свои пять баллов и отвалил. **НО ЕСЛИ БЫ МНЕ ДОСТАЛСЯ НЕ МОЙ БИЛЕТ, А СЛЕДУЮЩИЙ, Я МОГ ПОЛУЧИТЬ БАНАН.** Я знаю. Потому что следующий билет взял мой одноклассник. Правда он был двоечник, но то, что он мне передал на решение, я не решил: такие херовые формулы мы по оптике не проходили в школе...

Короче, так случилось, что я поступил в МИСиС. А на следующий год наша крутая группа МО-81-3* поехала в

* 81! Бля буду, мне страшно смотреть на эту жуткую цифру — год поступления. Я просто охуеваю от старости.

Магнитогорск на Магнитогорский металлургический комбинат.

Здесь необходимо отметить следующее: на обратном пути мы, корифаны, затарились колбаской и водочкой, сложили эти чудеса в сумку и пошли на поезд со своими сраными баулами, проникли в купе. И в предотъездной суматохе у нас эту волшебную сумку, туесок наш заветный, сидор приспособленный — СПИЗДИЛИ. Спиздили! Унесли без спроса и без отдачи!

Представляете?! Впереди полутора суток дороги, нам по 18 лет, мы радостные, сдавшие на хуй зачет едем домой к любимым мамочкам после долгой отлучки из родного гнезда и у нас нет водки!! Блядь! Где справедливость?!

И полбатона вареной колбасы тоже там было, в сумке. Но это хуй с ним, с колбасой. Жрачка — хуйня, допустим, нас бабы из соседнего купе в дороге задаром кормили. Но водка!!!

Александр Матросов, отчаявшись — хоть жопой заткнуть! — прыгнул раком на амбразуру. Еврей Гастелло направил тлеющий аэроплан на озверевшие фашистские колонны. И все их подзорвал на хуй. Зося Космодемьянская героически удавилась на глазах у всей деревни. Александр Невский разбил псов-рыцарей на ледовом поле. Мересьев ежежовел. Пионергерой Марат-Казей тоже мочил фашизм. Но все хуйня!!!

Мы — четверо здоровых советских чуваков ехали в поезде со студенческой практики без водки! Думал ли о таком исходе войны Александр Матросов? Хуй с два. Сомневаюсь.

Никогда, никогда еще в истории... Слезы застилают... Блядь... Весь вагон. Весь состав. Вся страна, Родина-мать... И только мы...

— Как?! Как имена этих героев?! Где их малая родина? — спросите вы.

Вот они: 1. Я. 2. Толстенский Олег Косокин, который учил меня преферансу по дороге ТУДА. 3. Баранов Олег (про него позже) 4. Дима Макеев (позже, позже). Вот, четверо. Эти святые имена. Такое горе нас постигло. И что же? Разве мы погибли? Пропали? Упали духом на хуй?

Нет, нет и нет! Мы достали из других сумок оставшуюся еду, открыли трехлитровую банку с огуречными там помидорами. Поели. И заорали во всю мощь хриплые хмельные песни, будто были в дупель, просто в жопу. В сиську были.

Весь вагон решил, что мы ужрались.

ГЛАВА 3,

(вставная челюсть)

Я вот сижу, пишу книгу, а Галя-жена доебывает с разными вопросами:

- Ты меня любишь?
- Угу.
- А ты меня будешь любить если я бегемотика рожу?
- Человек не может рожать бегемотиков: у них хромосом мало, — рассудительно отвечаю. Моих мозгов не сгинет сила!
- Меня это не интересует. Я спрашиваю — ты меня будешь любить, если я бегемотика рожу?
- Угу. Хоть бензовоз...
- А я бы его на веревочке в лес водила, в прудик плавать запускала...

Я ебешь!.. Так мешать творческому процессу!

(Эпиграфом к этой главе, если бы он был, я бы взял слова Льва Новоженова*, сказанные им мне однажды вполголоса, чтобы редакционные девки не услышали: «Все бабы — дуры.»)

ГЛАВА 2,

опять.

...Итак, весь вагон решил, что мы ужрались. А когда Баранов вышел из купе под предлогом поссать, блядун и алкоголик Соломонов с завистью констатировал его сильное опьянение.

— Не пили мы, — скромно промолвил Баранов. — Ничего не принимали.

— Врешь! — убежденно, будто гирьку на весы положил, сказал Соломонов. — А ну дыхни!

— Ххо!..

— И рассолом запивали, суки! — заключил Соломонов.

Вот что такое сила духа и настоящая убежденность. Идет на хуй любой Мересьев.

* Новоженов — писатель-сатирик, мой современник

ГЛАВА 4.

Утренний туман.

Самое трудное в творческом процессе — передать ощущения. Что такое, когда тебе 18 лет. Когда ты студент, а мир — большое утро. Лето. Все время лето.

Вроде бы ничего и не было. А было то же, что потом и на других студенческих практиках — в Череповце, в Запорожье, — вечерний чай в общежитии, пляж, шатания по магазинам. Месяц в Магнитогорске. Полтора в Череповце. Два в Запоре.

Жизнь в застойное время. Особое своеобразие. Тихо, гнило, но если притерпелся — не пахнет. Ну вот как сон.

Как сон...

* * *

Небольшая кисельная туча, просыпавшись легким, сверкающим дождем умчалась куда-то, солнце ударило в разрыв облаков, мгновенно просветлело.

В узкой ленте мокрого шоссе отразилось голубое небо и от этого асфальт казался темно-синим. По обе стороны от дороги сиял умопомрачительный осенний лес. Был сентябрь, и макушки деревьев покрывала золотая седина. Какой это год?

Шипели шины, и машина легко мчалась вперед, мягко приседая на неровностях блестящего полотна. Желто-зеленый Русский Лес тихо терял листья и поднятые ветром они безмолвно неслись навстречу лобовому стеклу омытому чистыми каплями ушедшего дождя. Куда я еду?

Впереди, на фоне сиреневых туч, клубившихся у горизонта, вставала двойная радуга. Внешняя — тонкая, блеклая и внутренняя — широкая и необычайно яркая, будто подсвеченная мощными прожекторами, с отчетливо видимой фиолетовой полосой, которая обычно теряется слившись с синим и голубым где-то на внутреннем краю гигантской арки.

Дорога сделала поворот и теперь казалось, что левый край горящей радуги упирается прямо в шоссе, тянущееся среди золотого леса бесконечной синей ниткой за горизонт.

И больше ничего не было. Только лес, роняющий листья, только несущаяся под капот асфальтовая полоса, только яркая радуга на дороге. И печаль. Не тянущая душу тоска, а легкая грусть неизвестно отчего наплывала на меня и я сам плыл ей навстречу не стараясь ни смахнуть, ни прогнать ее, только смотрел как очередной несильный порыв ветра, слов-

но волна этой грусти, срывал и бросал мне навстречу желтые листья.

Я доеду до радуги...

* * *

Через семь лет, уже после окончания института, я приехал в Магнитогорск в командировку. Снова прошелся по тем же улицам.

*Полузабытый город пыльный,
Он, узнаванием пьяня,
Вдруг паутиново-всесильный
Возник и окружил меня.
Полузабытые бульвары,
Полузнакомые дома.
И те же лавки в парках старых,
И те же фабрики в дымах.
По улице проходит мерно
Провинциальная семья...
Я здесь когда-то жил, наверно,
А может это был не я...*

Поезжайте в город вашего прошлого. Не туда, где вы воевали, не туда, где вас мудохали ногами в канаве, а в город студенческой практики. Съездите, умоляю. И вы поймете, что значит «печаль моя светла». Как с белых яблонь дым...

Чувства, это вам не хуй собачий. Выпейте с друзьями, оторвитесь. «А помнишь...» — за эту фразу многое можно отдать.

Вспомните детскую прелесть студенческих попоек. Окрашенных ожиданием светлого будущего, здоровой молодостью, сексуальным голодом...

Э-э... Вот она, эта нота, я ее нашел... До этого — все хуйня. Можно не читать. А со следующей буквы начинается книга. До сих пор был только разбег. Длинный разбег перед прыжком в большое искусство. Прыгайте за мной. Ни хуя не ошибетесь.

...Вся молодость человека до его женитьбы — ну там, армия, студенческая скамья, школа — все это проходит на фоне перманентного вопроса: а кого бы выебать? С перманентным ожиданием: скоро я поебусь, ох, скоро я поебусь! Это ожидание окрашивает жизнь. Особенно, если человек до этого еще не ебался. Ебля — праздник уходящего детства. Я

имею в виду мужчин, конечно, как лучшую и прогрессивную часть человечества.

Есть ли человек какого-нибудь говна в студенческой столовой, пишет ли какую-нибудь ерунду шариковой ручкой на парте в аудитории, едет ли в муниципальном транспорте, сдает ли сессию, защищает ли лабы, передвигается на дискотеку или студенческую вечеринку — и надо всем этим, где-то на грани слышимости, то выше, то ниже звенит тонкая струна: а где найти бы ебова побольше? а вот бы поебаться где изрядно? а вот кому елдак бы мне заправить?

Бурлящая как вода в паровом котле сексуальная энергия настойчиво ищет выхода. И выходит в свистке. Хуи-и-и-и-и-и-и!.. Парты в аудитории и двери в туалетах покрываются квазиэротической и натуроэротической росписью. Сиськи-пиписьки. Стихи:

*«Нет приятней и полезней
Венерических болезней.
Я хочу, чтоб стар и мал
На себе их испытал.»*

*«Мы, онанисты, ребята плечистые,
Нас не заманишь сиськой мясистой.»*

*«Девочки, не бойтесь секса:
Хуй во рту вкуснее кекса!»*

*«Писать на стенах туалета,
Увы, друзья, не мудрено.
Среди говна вы все поэты,
Среди поэтов — вы говно.»*

*«Ударим железным кулаком онанизма по
блядству и педерастии!»*

*«Мой папашка был матрос,
Толкал хуем паровоз.
Да и дядя не калека —
Убил хуем человека.»*

*«Пусть стены нашего сортира
Украсят юмор и сатира!»*

*«Лучше выпить водки литр,
Чем сосать соленый клитор!»*

«Брежнев — мудака.»

Сублимация...

Меня всегда интересовало: ну ладно, богатство, искристость и божескую данность мужского ума можно видеть в мужском туалете, на стенках, но что же написано в женских туалетах?! Оказывается, то же самое. Только там, где ссыт и серит молодежь, а не учрежденческие пожилые тетеньки, проебавшие уже весь интерес к жизни. Молодые студентки, у которых клитор чешется, обязательно достают ручку и старательно выводят на стенке: «Хуй».

Однажды была у нас в гостях моя двоюродная сестра, и как раз зашел разговор о туалетах. Она и рассказала какие там похабства в урыльнике её института геодезии и картографии.

— В женском что ли? — вдруг догадался мой папашка.

Наташа расхохоталась:

— А в какой же я еще хожу!?

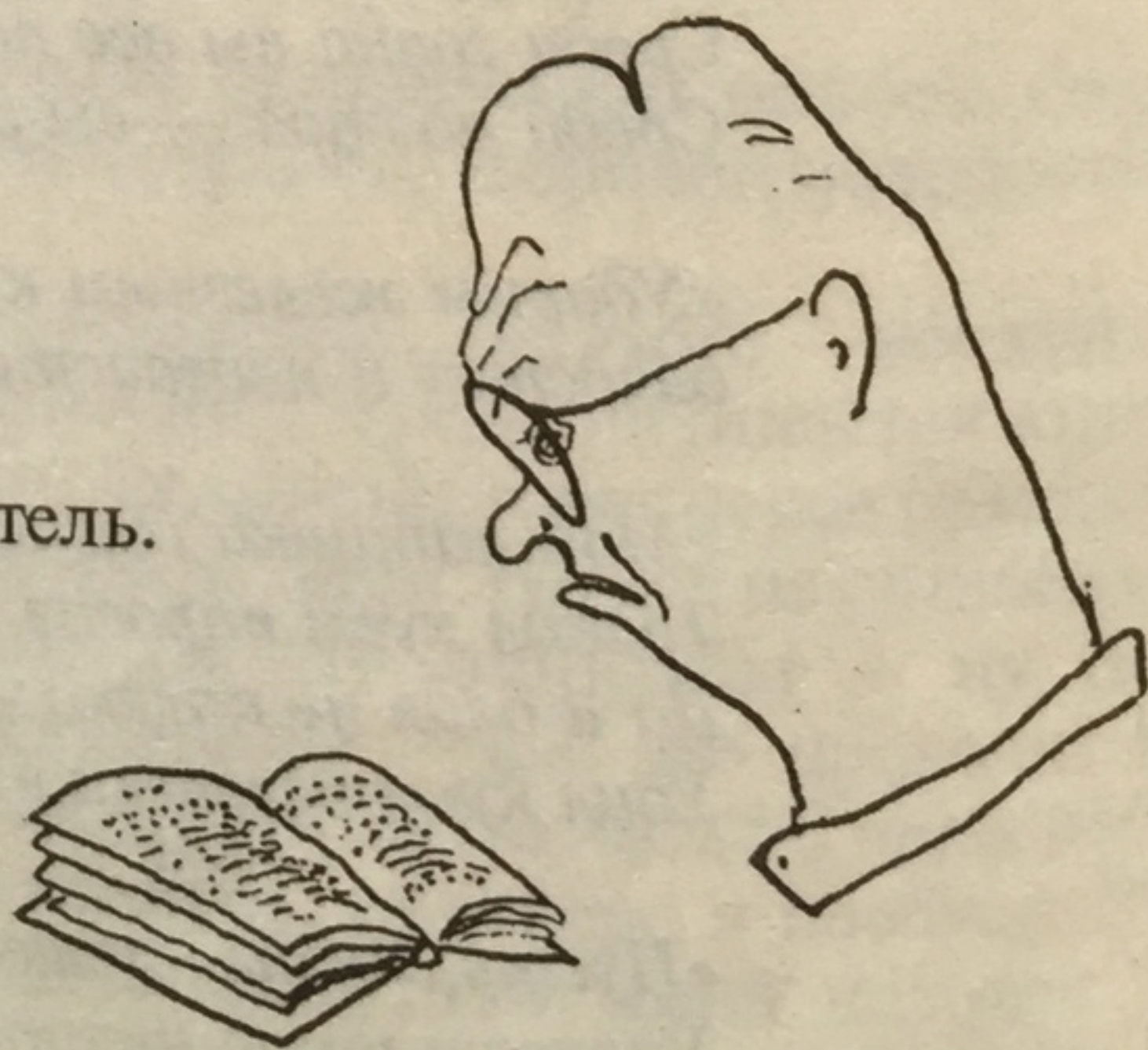
Такие вот пироги. Жизнь штука не простая.

Кстати, любопытное наблюдение для сексологов и психологов: в самом начале перестройки сексуальные записи резко пошли на убыль, начали преобладать политические заявления и программы. «Лигачев — мудака». «Долой КПСС!». «КПСС — фашисты!» Длинные антисоветские и антисоциалистические манифесты. Но через пару лет положение нормализовалось, тестостерон взял свое, и опять повылазили сиськи-пиписьки.

ГЛАВА 5,

справочная

Ебал я в рот тебя, читатель.
Хуиная твоя голова.

ГЛАВА 6.

Половые бандиты.

Ученые люди заметили: во всяком большом коллективе складываются микрогруппки. Такое наблюдается от детсадовской группы до парламента. Корешатся люди, водятся друг с другом. Будто в жопе у каждого свой маленький компас или, скажем для определенности, какой-нибудь другой прибор размещается. И если у кого-то жопный компас рисует на азимут или скашивается на полвторого, то все, у кого он так же демонстрирует, в тот же азимут, те начинают табуниться друг с другом. Если, например, это в детсадике, такие азимутально скособоченные микрогруппы образуют движения и фракции по интересам, а если в парламенте — депутаты в группах начинают друг другу пиписьки показывать.

Можно, конечно, спросить: а отчего это тонкий душевный компас — и в жопе? Ну а где же еще-то? Сами прикиньте хуй к носу — у всех почти народов «жопа», «живот» и «жизнь» как-то вместе кучкуются. «Не на живот, а на смерть», — здесь под животом имеется в виду не орган в туловище, а жизнь. Или вот. «Спасай свою задницу», — означает «спасай свою жопу», то есть опять-таки жизнь.

«Жопу рвать» — чрезмерно стараться.

«Искать на жопу приключений» — рисковать, искать приключений на свою голову. Примечательно, что в данном случае жопа выступает как голова. Сравним: «у тебя мозгов в голове меньше, чем в жопе». Другими словами, считается, что в жопе тоже есть какие-то мозги, хотя и не очень много.

Как-то один мой одноклассник, которому я очень вовремя позвонил, удивился в трубку:

— Ну надо же как попал: я только что вошел, и сейчас опять убегаю! У тебя прямо сверхжопное чутье!

А другой мой одноклассник огорчился потере:

— Эх, до жопы жалко!..

Что имел он в виду под жопой в данном случае, я ума не приложу.

А вспомните, что почти все уколы делаются через жопу. А сидим мы на чем, отдыхаем? А порют ремнем по чему, ума вбивают?.. Нет, видимо, врачи и анатомы недооценивают роли жопы в организме. Да и то — человек есть тайна за семью печатями. Может быть столь чувствительный орган играет роль дополнительного сердца для перекачки, например, лимфы. Ведь когда мы ходим, ягодицы шмыгают туда-сюда.

Перекачивают. А когда человек сидит, его жопо-сердце оказывается стесненным. Поэтому ходить полезнее, чем наваливаться всем телом на второе сердце.

(Кроме того, «жопа» обозначает не только светлые чувства, но и почему-то очень плохое, загаженное место, далекую провинцию. Например, «Двужопинск», «Зажопинские выселки» — это глубокая провинция.)

...Как бы то ни было, в нашей студенческой группе МО-81-3 к началу второго курса тоже сложились устойчивые микрогруппы, или попросту говоря, банды.

...По уму, тут надо бы сделать лирическое отступление и кстати описать, как я ссал в поллитровую бутылку из-под лимонада, когда пролетарии у нас дома чинили унитаза. Уединившись в комнате, я нассал целую бутылку через ее узкое горлышко, а потом выбросил обесчещенную емкость в окно. Ну а что было делать? Не идти же к соседям, объяснять им про временно недействующий унитаз и ремонт! Еще нужно было бы рассказать читателю, как в гостиничных номерах в разных городах я, чтобы не ходить в туалет в далекий конец коридора, ссал прямо в раковину, приподнимаясь на цыпочки... Но я не буду прерывать плавное повествование всякой хуйней.

Итак, из четырех человек сложилась наша банда, и эти четыре человека не совсем совпадают с теми, кто ехал без водки в купе. Видите, несмотря на совместно пережитую опасность, купе в банду не сложилось, жизнь расставила все по местам. Вот полное описание нашей настоящей банды.

Первый. Я. Об этом мерзавце вы получите впечатление прочитав книгу.

Второй. Олег Баранов. Он умный (дураков в полку не держали). Обладает логическим мышлением и изрядной памятью на цифры. Мог по памяти нарисовать карту Европы. Вот такая вот непредвзятая гнида.*

— Мне, — говорил он в голодные годы, — иногда так ебаться хочется, хоть на стенку лезь!

Все кликухи в банде давал я (а самого меня вся наша группа МО-81-3 называла Шеф). А если я кому-то давал кликуху, то она закреплялась за особой и все потом эту особь по кликухе так и звали. Даже родители иногда. Баранов имел прозвища такие: Адам, Абрам, Казимир, Козлевич, Алесь Адамович.

* любя, любя

(Адамович как фамилия, а не как отчество, то есть с ударением на «о».) Последний был, якобы, страшный бандит. Иногда в юные институтские годы Баранов звонил мне в телефон и грозно рычал в трубку:

— А ты знаешь, кто с тобой говорит? Ха-ха. Ха.

— Ой, не знаю, — притворно пищал я.

— Это я — Алесь Адамович!!!

Я страшно пугался и молил за пощаду...

Наиболее стабильной кличкой Адама была «Адам».

Адам — мужик приземленный и его фантазия не поднималась ввысь к звездам, а как-то стелилась по грунту возле денег и юбок.

— А вот кого бы на хуй насадить... Ой, какая баба страшная — а вот бы ее выебать! — периодически выпадало из Баранова.

Вообще, из таких Адамов формируются партии консерваторов. Злая консервативность имеет некоторые плюсы. Она позволяет довольствоваться тем, что есть. И радоваться. И даже хвастаться хорошей жизнью. Адам мне с упоением рассказывал, как они с отцом и зятем ходят в Богородские бани славно париться. И какие это хорошие бани — Богородские.

...Ну сходили, уговорил... Я такого говна редко где видел! Паровозное депо времен разрухи, а не бани! Вот умеет консервативный мозг не замечать родного говна: рабства негров, например. Так рождаются «Унесенные ветром».

Или вот — в сральнике у него дома очень неудобно висит держатель рулона бумаги для вытирки жопы. Где-то за левым локтем, почти за спиной (если сидеть спиной к бачку). Приходится страшно выгибаться, отрывая бумажку. И ведь если сказать об этом Баранову, он не поймет. Будет утверждать, что все нормально и удобно. Привык. Консерватор. Если и есть у него стремления, то линейные, примитивные, одноходовые, плоскостные. Была одна — нужно две, стало две — нужно четыре. И так далее.

Люблю его, паразита.

— Мужики, у меня есть план! — иногда вываливалось из Адама, и это значило, что он хочет вести нас куда-нибудь снимать баб.

Приземленный мужик.

Третий. Юрий Будулаев. По единственной кличке — Бен. Она пристала к нему смертельно. «Беном» Бена зовут теперь все. Моя жена, родители, теща, все люди. В записных книжках он значится как Бен. На букву «Б». В народе как-то даже стали

забывать, что при рождении ему по ошибке дали имя Юра.

Бен — это черноусый мужик. Ему однажды дали на улице по яйцам, и он попал в больницу. Но это все хуйня. Мужик он меланхолический, несколько депрессивный. Склонен пере-думывать, менять решения. Семь пятниц на неделе. Отсюда «бенизм» — склонность к постоянной перемене решений... У него была любовницей проститутка, и он ее ебал, некрасивую.

Эта проститутка, которую Бен звал исключительно по фамилии, а ебал исключительно по большой нужде, устраивала в интуристовских гостиницах разные трюки. Однажды, например, когда ее купили какие-то кубинцы, она сплясала на столе, потом взяла пустую бутылку, села прямо на столе и нассала туда. И попала! Это вызвало бурный восторг революционной Кубы. Потом трое кубинцев выебали ее в три дыры, как-то: в рот, в пизду и в жопу.

А Бен что? Бен есть добродушный малый. Мой друг. Многих баб он ебал, усищами пошевеливая. Тараканище. Хули. Очень у него ебловидная внешность. Любят его бабы. Особенно которые старше его. Ебаться хочется, пизда как ворота, хоть грузовик загоняй. А Бен был изрядный шофер. Ебарь среди нас.

Не забывайте — жили-то мы в институте в застойные годы, были комсомольцами, а стало быть, официальными импотентами. А за аморалку, то есть нечистую еблю, можно было вылететь из института в армию. Это сейчас — дал в газете объявление «Хочу ебаться» — и тебе сотни звонков. Или — «донор спермы». Выбирай и деньги с баб стриги. Приятное с полезным. Во всяком случае стало меньше проблем с еблей. Нравы стали проще, ебливых газет больше... А тогда самым ебарем из нас был именно Бен. Сукин кот. И выезжал он именно за счет тридцатилетних пиздочесок.

Четвертый. Дима Макеев. Это чувачина. У него, бля, целое скопище кличек, причем не просто кличек, а именных пар, то есть имя плюс фамилия! Наиболее липучими оказались «Яшка» и «Микоян». Тем не менее необходимо привести весь список его наименований. Вот он.

Тимофей Микоян
Терентий Прикуп
Кузьма Матюхин
Тарас Козюля
Трофим Захаров
Мефодий Зарубин

Джек Яков
Пахом Дубинин
Митрофан Кравец
Пантелей Тютюня
Семен Раин
Захар Оплеткин
Поликарп Глотов
Михей Татищев
Антон Янсон
Данила Якушев
Хаим Якобсон
Кондрат Непруха
Яков Фрейндлих
Андрюшка Хвостов

Вы думаете я их все наизусть помню? Хуй-с-два! Моя книга документальная. Я просто достаю из нижнего ящика стола красную папку с надписью «Архив», извлекаю оттуда миллион сраных листочков, там все записано... Или ставлю кассету. (Я иногда тайком записывал наш застольный треп. Мне по хую.)

Вот и этот список я списал с небольшого загаженного листика из Архива.

Яшкиным именем названо до хуя предметов в мире. Целых три. Кто еще может похвастаться? Ну, во-первых, «микояновка». Микояновка — это невьебенно охуенная удочка. Монстр охуительных размеров. Когда мы отдыхали у меня в имении в Медведихе*, Яшка именно с этим огромным удом ходил ловить рыбу. Наверное, думал, что чем больше удочка, тем больше рыба

Во-вторых, яшкиным именем названы «пахомовские штаны». Там же, в деревне мы переоделись из городской одежды в херовую (ну деревня же). А поскольку у меня папашка военный, на даче у нас в качестве херовой одежды находится много всякого военного говна: рубах, штанов, шинелей. Вот Яшка и напялил на себя зеленые штаны папиного калибра. А поскольку на Макееве всякая военная форма сидит как на корове седло, то зрелище получилось — я ебу! Дед Пахом! Ссать кругами кипятком! Короткие и неимоверно широкие штаны называют с тех пор пахомовскими.

В-третьих, есть еще «Изъеб Микояна». Изъеб Микояна —

* Пушкин — Болдино, Некрасов — Карабиха, Толстой — Ясная Поляна, Никитин — Медведиха

это суповая тарелка средних габаритов... Однажды мы всей бандой сидели в студенческой столовой (что на третьем этаже главного корпуса) и обсуждали одну бабу из параллельной группы, которая Яшке нравилась (баба, а не группа).

Обсудили жопу. Нашли ее несоразмерно большой.

— Яша, — возмущался я. — Всмотрись, да ведь у нее жопа, как колесо от «Жигулей»! Да она же, блядь, тебя этим колесом переедет на хуй и хуй заметит!

— Жопа большая. Охуенная просто жопа, — смеялся Баранов. — Гы-гы. Гы-гы.

— Да, Дима, задняя корма имеет место быть, — печально соглашался Бен.

На черном свитере Яшки, как сейчас помню, красовались три поперечные белые полосы, напоминающие узор от протектора. Я тыкал в них пальцем и кричал:

— Микоян, видишь, тебя уже переехали трижды колесом. И она еще жопой от «Жигулей» переедет. И будешь ты, сука позорная, жидко какать. К тому же у нее большие сиськи. Трясучие гандоны с водой.

— Сиськи — да, большие, — после здравых размышлений согласился Бен с Адамом.

Но у Яшки был свой взгляд на отношения между мужчиной и женщиной. Он придерживался твердых принципов и считал, что чем больше жопа и титьки, тем красивее баба: «Есть за что подержаться». К тому же по поводу величины он не соглашался.

— У нее не большие сиськи, — говорил Микоян, — средние.

— Так, а какие, по-твоему, средние должны быть? — наседал я. — А ну, покажи!

— Вот с эту тарелку. — Яшка ткнул в недоеденный гороховый суп.

— Это вообще такая сиська в профиль или это только круг в основании сиськи? — уточнил я, предчувствуя сенсацию.

— В основании, — невозмутимо заявил Яшка.

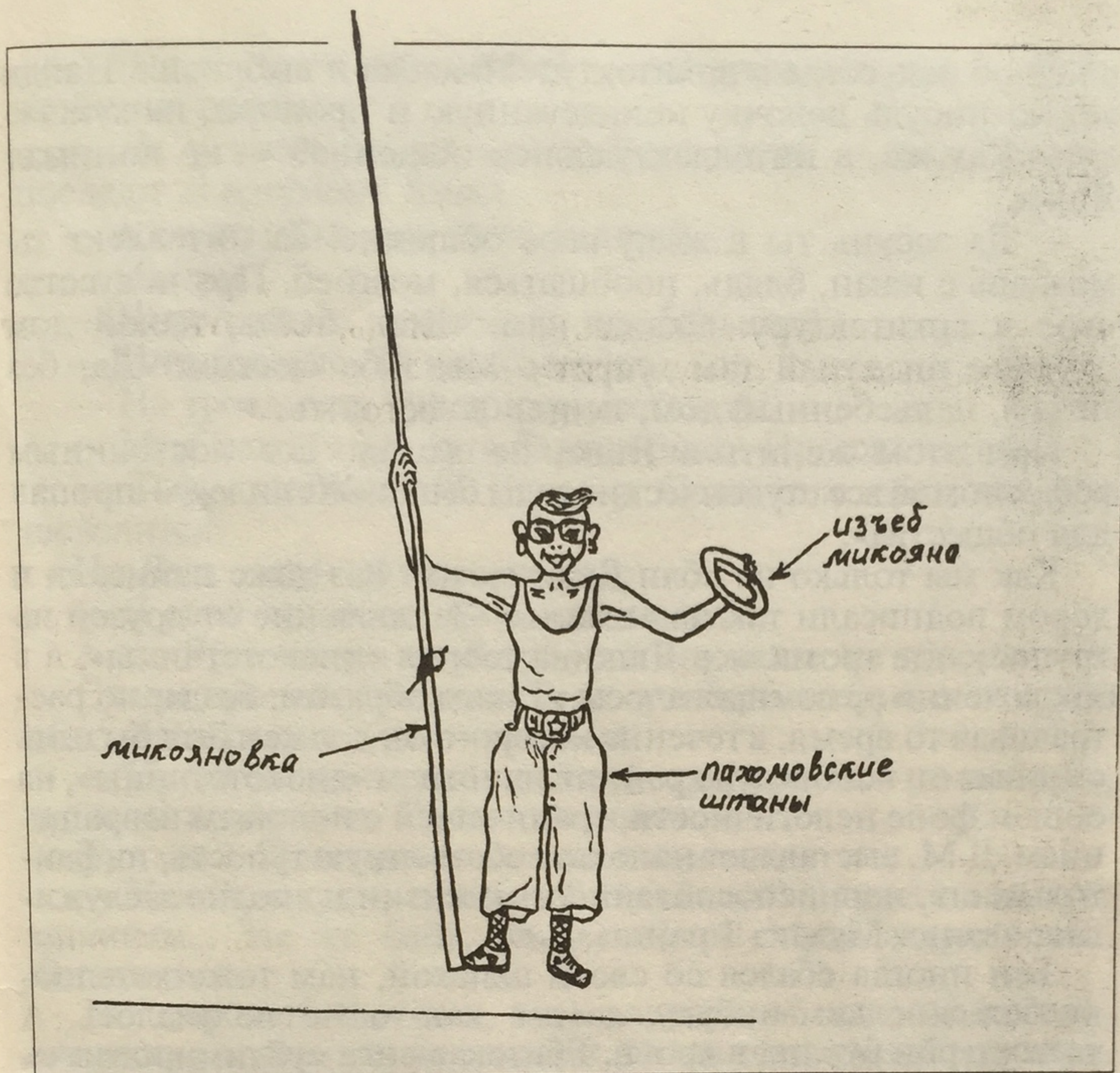
Мы тут же за столом чуть не опростались от смеха.

— Ой, бля, — ржал Баранов, — я не могу! Яша, это большая сиська-то! Большая!

— Большая? — удивлялся Яша.

— Охуенная! — вытирал слезы Баранов. — Просто охуенная. Подвел тебя глазомер, на хуй, под монастырь...

— Отныне, — поднял палец я, и все прислушались, — отныне вот такая вот суповая тарелка будет называться Изъёб Микояна. Быть по сему. Я сказал. Аминь!..

Микоян вообще был такой чувак: он хотел в первый раз поебстись именно с бабой, которая ему очень сильно понравится. И аргументировал это:

— Я хочу поебаться только с пиздатой бабой, чтобы не испортить первого впечатления. Оно ведь самое сильное. А если трахнуться с хуевой, уебищной теткой, то, блядь, запрешь первое впечатление. Засрешь всю малину.

— Ну погоди, чувак, — изучал я. — А на сколько процентов изменится кайф от уебищности или пиздатости бабы?

— На 50...70%...

С целью «снять пиздату тетку» Микоян ходил на дискотеки, где, приняв для храбрости маленькую бутылочку коньяка (100 грамм), шел снимать баб на дискоту. Но все было безуспешно. Где ж найдешь бабу с гранд-бюстом и умную одновременно? А на дур Яшка категорически не соглашался.

— Да какая тебе разница, — наседали мы с Адамом, — кого ебать? Ты же во время ебли, блядь, не будешь разговаривать

с ней об искусстве и архитектуре! Выебал и выбросил. Найди какую-нибудь целочку ненадеванную и пропори, на хуй.

— Как же, а интеллектуальное общение? — не понимал Яшка.

— Да засунь ты в жопу свое общение! За интеллект ты можешь с нами, блядь, пообщаться, мозгоеб. Про искусство свое и архитектуру. Скажи нам: «Вон, блядь, какой дом охуенно пиздатый там хуярит». Мы тебе скажем: «Да, без пизды, невьебенный дом, пошли водку пить...»

При этом жениться Яшка не желал. Его постоянным рефреном за все студенческие годы было: «Женился — пропал для общества».

Как мы только не ебли Диме мозги! Раз даже написали и хором подписали так называемое «Заключение от друзей по группе», где громила Яшкина теория «дискотетчины», а в заключении резюмировалось: «Таким образом, бездарно растрачивая то время, в течение которого он должен был бы пить с друзьями, исповедуя крайний идиотизм «дискотетчины», на общем фоне нелогичности, граничащей с половым извращением, Д.М. выставляет напоказ собственную тупость, инфантильность, неприспособленность к жизни и вполне заслуживает звания Мудака I ранга».

Бен иногда ебался со своей шлюхой, нам тоже хотелось поебаться с кем-нибудь, да все как-то не получалось. А тестостерон бурлил в крови. Ебитская сила сублимировалась в разговоры и попойки. Иногда, правда, удача проходила совсем рядом — руку протянуть, но имела такой страшный вид, что руки тянуть не хотелось. Например, Баранов как-то ходил с Соломоновым в поход. Соломон по своей соломоновской привычке привел баб, относящихся по международной классификации к категории уебищ. У него все такие.

Как водится, в походе все нажрались. Баранов традиционно блевал своей рыготиной вокруг палатки и сосался у костра с одной из уебищ монголоидного типа. Потом, себя не помня, уполз в палатку, где уебище стало его домогаться, грозя пососать хуй. Но и этой малости Баранов ей не позволил. Думаю, спьяну.

К Яшке в пансионате тоже доебывалась какая-то старая тетка лет двадцати восьми. Садилась к нему на кровать, обнимала за плечи, хотела ебаться. Но Яшке она не понравилась. Он убежал.

Когда он нам это рассказал, мы долго молчали, а потом хором начали морально обсирать Яшку и закидывать его ссаными тряпками.

— Что ж ты ее не выебал? — возмущались мы. — Если женщина просит...

— Да у меня бы на нее хуй не встал! — использовал последний аргумент Яшка.

— А на сколько она была баллов?

— На три.

— Интегрально или только на ебальник?

— Интегрально. И на ебальник.

— На троечницу хуй должен вставать!

— Мне надо, чтоб пять баллов было. Ну, или четыре.

— Тьфу, чистоплюй! Учись у Соломона: ебет все, что шевелится.

Но Яша такой метод отвергал:

— Я свой хуй не на помойке нашел!

А где Яша нашел свой хуй, хуй его знает: не говорил.

Среди прочих Яшиных приколов была теория о том, что ебать бабу раком — это онанизм:

— Ну да! Ты же не видишь ее ни хуя, сосаться не можешь, к сисям прижаться. Прямо онанизм.

Тут мы с Яши просто скальп снимали:

— Какой, к хуям, онанизм?! Ну какой?! Пошел ты на хуй, онанизм... Ты же бабу, блядь, ебешь! Мудила грешный... Онанист.

Но ему хоть бы хны, хоть залупой об лысину колоти, никаких аргументов не слушает. Самостоятельный мужчина.

За все свои теории и получил он еще кликуху — Пророк Микоян. Проповедник «акадИмизма» (от слова «Дима»). Я даже, помню, кроссворд составил — «Знаешь ли ты Микояна?», обо всех его заебах.

ГЛАВА 7.

Господа офицеры.

Необычное людей привлекает. Куча говна в центре красивого торта. Ручка переключения передач в виде хуя*. Кошелек в виде пизды... Редкость каждый хочет иметь и друзьям показывать. В каждом из нас живет учитель и экскурсовод. Мы любим показывать и давать советы, говорить о том, что у нас хорошо получается...

* — мое изобретение!

...Значит, первый курс, застой. Все мы пришли со школьной скамьи и на сто процентов уверены, что социализм, планирование — самая лучшая штука после хуя, что Брежнев — мудака, но, несмотря на это, Советская власть — это класс. Да, политинформации не нужны, да, принудилровка и ленинские зачеты — не нужны, но в целом — заебись! Строй у нас хороший, с нашим народом можно горы свернуть. Вот только дураков от власти надо убрать. Мы знали — нам повезло, что мы родились в СССР, где уже социализм, а не там, где еще капитализм. Мы, дети старой задрочки, просто не знали другой жизни, и одноканальная информация соответствующим образом деформировала полушария. Все познается в сравнении. А наш маленький жизненный опыт еще не позволял сравнивать, перепроверять алгеброй «гармонию» социализма. Такая хуйня.

При всем при этом молодость требовала борения, декаданса, оппозиции. Тестостерон требовал. И противоположная существующему укладу привлекательная необычность полубилась нам — белое офицерство.

Кажется, началось с показа по ящику «Дней Турбиных». Тогда я увидел белое офицерство, влюбился и пришел на лекцию по матану со словом «ротмистр». И тут же приклеил его к Яшке. Так он стал ротмистром.

Баранов же впервые назвал меня поручиком в поезде Москва — Магнитогорск:

— Придет поручик Никонов и все опощлит!

Я тут же сместил его в подчиненное положение на одну ступень:

— Молчите, подпоручик! Язык в жопу, делай р-раз!..

Впоследствии Баранов вырос до поручика, а я — до штабс-капитана.

Бен же совершил вообще головокружительную карьеру: от старшего писаря на втором курсе через фельдфебеля до прапорщика к пятому курсу.

Поразительно, что в то же время такие же «офицерские» группировки независимо возникли в других студенческих группах и институтах. «Господа», «корнеты», «поручики», «полковники»... Это было начало восьмидесятых. Год так восемьдесят второй. Веление времени, что ли? Хуй его знает. Вещий сон развала империи.

Офицеры нашего полка, то есть мы, четыре человека, естественно, не могли существовать без кодекса офицерской чести, тем более, что вокруг кишмя кишели сисястые бабы.

Пришлось этот вопрос специально урегулировать. Для этого я написал Кодекс чести офицеров Российской империи (КЧОРИ), и мы, опять-таки в столовой, битый час до хрипоты обсуждали все его пункты и положения, юридически оттачивали, пока, наконец, не подписали.

КОДЕКС ЧЕСТИ ОФИЦЕРОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.

При составлении кодекса учитывались лучшие гусарские традиции русской гвардии, а также примеры из яркой личной жизни известнейших офицеров империи, в частности, Дениса Давыдова, Миши Лермонтова и пр. Офицеров, внесших немало интересных записей на страницы русской истории.

1. Офицер, поклявшийся честью офицера и не сдержавший своей клятвы или торжественного обещания, подвергается Судом Чести самому суровому наказанию — лишению офицерского звания.

Оправдывающими или смягчающими вину обстоятельствами являются:

- а) алкогольное опьянение средней и сильной степени;
- б) явления стихийного порядка;
- в) смерть, ранение или тяжелая болезнь офицера.

Пояснение: Военная хитрость не является клятвопреступлением. По отношению к врагам допустимы любые меры воздействия.

2. Офицер, променявший офицерское собрание на любое другое, наказывается Судом Чести присвоением ему позорного звания «Сраная Жопа» или «Говно Поносное» сроком от трех до 15 суток, в зависимости от тяжести содеянного.

Всякий офицер обязан в течении всего определенного Судом Чести срока называть осужденного только присвоенным званием.

Назвавший преступника нареченным именем вместо позорного звания, вносит в общий фонд штраф в размере 10 копеек.

3.1 Офицер обязан всячески сопротивляться вступлению в брак, то есть выходу в отставку.

Офицеру, счастливо и с достоинством избежавшему ухода в отставку в опасной ситуации, выносятся благодарность в приказе с присвоением звания «Рыцарь».

Офицеру, дважды избежавшему подобной опасной ситуации, присваивается звание «Истинный Рыцарь».

Офицеру, трижды избежавшему женитьбы, присваивается звание «Угодный Господу».

Офицеру, вне критических ситуаций долго избегавшему женитьбы, относящемуся к женскому полу с достоинством и презрением, за выслугу лет присваивается звание «Почетный Рыцарь».

Офицеру, избежавшему выхода в отставку пять и более раз, выносится благодарность в приказе и вручается ценный алкогольный подарок.

3.2 В случае, если женщина в возрасте до 27 лет включительно, и не моложе 15 лет, косвенно или явно просит офицера удовлетворить ее половое желание, офицер обязан бросить ей как минимум одну палку.

Если же из-за страхолюдности женщины у офицера не поднимается на нее даже после изрядного опьянения, офицер вправе с позором прогнать от себя такую уродину без последствий для себя.

Невыполнение офицером законного требования женщины карается выговором в приказе, присвоением звания «Грязный Пидораз» или звания «Вонючий Говнюк» совместно со званием «Гомак и больше никто» сроком от одного месяца до одного года, либо до искупления вины, выразившегося в доказательстве своей боеготовности, то есть в половом сношении.

Кроме того, в личное дело осужденного вносится дополнение в графу «ограничения строевой службы» в виде записи — «сексуальная недостаточность».

Кроме того, офицер обязан принести извинения коллегам за пятнание офицерской чести.

Офицеры не обязаны постоянно называть осужденного позорным званием, но должны постоянно напоминать провинившемуся: «Помни званье свое!» Осужденный после этого обязан пристыженно замолкнуть.

Поправка: Если офицеру 25 лет и более, то возрастной ценз женщины составляет — «возраст офицера плюс 5 лет сверху и 15 лет снизу».

4. На офицерских собраниях офицер должен пить и гулять без ограничений, стремясь достичь средней и сильной степени опьянения.

Офицеру, уклоняющемуся от пьянки, выносится общественное порицание и на весь вечер или на сутки присваивается звание «Сифилитик». Во время собрания с этим нарушителем всякое общение практически прекращается.

Офицер, удовлетворяющийся собранием без алкоголя достоин лишь презрения. Каждый мыслящий офицер не пред-

ставляет себе приятного времяпрепровождения без спиртосодержащих напитков.

Проповедующий абстиненцию может быть лишен Судом Чести офицерского звания.

5. Офицер обязан уметь красиво говорить на русском устном языке (матом).

Уклоняющийся от употребления народной речи получает позорное звание «Слюнявый Чистоплюй» и «Тыловая Крыса» до тех пор, пока не начнет квалифицированно изъясняться на языке.

6. Офицер обязан знать как минимум 5 карточных игр, причем «очко» и «пьяницу» обязательно.

Поощряется игра на деньги (до 5 рублей).

7. Офицеру особо отличившемуся в гулянках (алкоголь, карты, женщины либо одно из трех, но в больших количествах) присваивается почетное звание «Знатный Пропойца».

8. Допустимы следующие виды сатисфакций:

- 1) карточная дуэль;
- 2) алкогольная дуэль;
- 3) словесная перепалка;
- 4) стрельба из пневматического оружия в мишень;
- 5) дуэль на отравленных сосисках или таблетках;
- 6) дуэль на куриных яйцах.

Проигравший обязан извиниться, в противном случае он лишается офицерского звания.

9. Кодекс Чести считается принятым, если с его статьями согласно большинство офицеров полка.

10. Основные определения:

Офицер — клевый чувак, имеющий офицерское звание и приписанный к данному полку.

Суд Чести — орган, состоящий, как минимум из двух офицеров и решающий судьбу обвиняемого.

Суд Чести может вводить в Кодекс Чести новые статьи.

Алкогольное опьянение — предпочтительное состояние, в котором должен находиться офицер.

Алкогольное опьянение подразделяется на:

- слабое: 8 — 12 лгр,
- среднее: 12 — 16 лгр,
- сильное: 16 — 22 лгр,
- нормальное: 22 — 25 лгр,
- очень нормальное: свыше 25 лгр.

Враг — хуевый чувак или лицо женского пола, желающее вступить в брак с офицером.

Офицерское собрание — самое лучшее собрание!

Брак, отставка, смерть — явления одного порядка.

11. Поправки.

1) к статье 10

Фили — высший совещательный орган. Назначается по решению большинства. Полномочия — принятие решений не входящих в компетенцию Суда Чести. Кроме того, Фили могут ходатайствовать о введении статей в Кодекс и принимать новые статьи в Кодекс Чести.

2) к статье 4

Офицер может отказаться от потребления спиртного в случае болезни.

Офицер, по неуважительной причине уклонившийся от выпивки в собрании, может избежать наказания, если в течении одного месяца со дня нарушения обязуется отработать пьянку в полуторакратном размере за одну выпивку или в однократном размере за две выпивки.

Нарушение этой поправки карается присвоением позорного звания «Прожженный Сифилитик» сроком от 10 до 30 суток.

12. Если офицерское собрание продолжается за полночь, то после наступления полуночи, офицеры обязаны снять штаны (брюки) и продолжать собрание в одних трусах (плавках).

Штабс-капитан (подпись)

Ротмистр (подпись)

Прапорщик (подпись)

Поручик (подпись)

Более всего споров вызвали верхние ограничения возраста бабы, просящей у офицера палки. Кодекс писался после вопиющего случая с Яшкой, отказавшим в пансионате в поебке бабе. Среди прочих причин отказа Яша приводил почтенный возраст матроны — около 28 лет. Поступившее от привычного извращенца Бена предложение установить верхний предел, равный 30 годам, не прошло. Нас испугала такая древняя цифра. Тогда Бен предложил другой вариант — верхний комсомольский возраст — 28 лет. Предложение ебать комсомолку прошло. Но, поскольку мы были люди дальновидные и знали, что будем стариться, пришлось принять поправку о сдвигании верхней возрастной границы женщины по мере взросления самих господ офицеров.

Теперь расскажу, в чем измеряется степень опьянения, что такое «Фили» и откуда взялась 12-я статья устава. (Видите, как у меня все друг из друга вытекает. Повествование получается гладкое, красивое.) И начну я, конечно же, со статьи 12, как вызвавшей наибольший читательский интерес.

ГЛАВА 8.

Господа пердуны.

*«После сухарей пердится отменно»
(Ев. от Макея)*

Это традиция. «Флаг поднять» — «флаг спустить». В присутствии королевы снять шляпу. И всем тыщу раз ясно, что и флаги, и королевы на хуй никому не нужны, что это дикие пережитки истории. Но вот поди ж ты — пока они существуют. Все мы немножко англичане, то есть традиционалисты. Мы чтим, мы любим все это милое сердцу говно. Причем у каждого говно свое.

Я клал на флаги и королев. Но у господ офицеров есть свои милые традиции, такие же несуразные, как гимн и разделение туалетов на «М» и «Ж».

Рождение традиции было простым и обыкновенным. Однажды летом мы собрались у Яшки. Его предки укатали в Литву, поэтому мы ехали с ночевкой, колодой карт и бутылками. Была жара, жара плыла. В квартире стояла духота несмотря на открытую балконную дверь. Мы уже сняли рубашки и сидели по пояс голые, но все равно было душно. А когда пробило двенадцать — время нечистой силы — скинули и штаны. И продолжили игру уже так, без порток. А поскольку посидели хорошо, с той поры и пошла традиция, нашедшая отражение в кодексе. Любовь зла, полюбишь и без штанов. Флаг спустить, день прошел.

Я сейчас уже не могу вспомнить, во что мы играли. Но я совершенно точно помню, на что мы играли. Проигравший должен был на выбор либо кукарекать из-под стола, либо бзднуть. То есть перднуть. Пердеть по заказу мог только Баранов. Проиграв, он отрывал жопу от стула, поднимал вверх указательный палец, несколько секунд тужился и, наконец, резко пукал под наш одобрительный, счастливый смех. Мы гордились Адамом. Мы не обладали такими феноменальными возможностями. Видимо, не было в нас настоящей силы духа. Мы позорно кукарекали под столом. Такова была наша правда.

Вообще говоря, эстетика пердежа как-то упущена искусством. Не разработана эта тема. Особенно в России. Наши целомудренные устои не допускают. Нет у передвижников картины «Старый пердун», или «Мальчик, пускающий вет-

ры». Нет у графа Толстого в «Войне и мире» ни слова об этом! Сотни людей действуют, говорят, жрут, дышат, хотят ебаться. И ни один за всю эпопею ни разу не бзднул.

Целый пласт жизни оказался не выработанным литературой. Эстетика пуканья осталась за бортом.

В то же время феномен пуканья по заказу и, более того, — выпердывание из жопы целых музыкальных фраз, мелодий, — встречается в западной литературе. Например, в книге Феллини «Делать фильм». Или в западном фильме «Амадей» — бздит Моцарт, поиграв на клавесине. А придворные дамы смеются и аплодируют гению. А в восточном фольклоре, в частности, в анекдотах о Ходже Насреддине, герои только и делают, что пускают ветры.

Правда, пердеж встречается и в русском фольклоре, в так называемых «заветных сказках», собранных Афанасьевым. Например, в сказке «Пизда и жопа» пизда упрекает жопу за то, что та «только бздит да копит, лентяйка». Но в России эти сказки не издавались. Да у Баркова, которого официальным поэтом никак не назовешь, встречаются строки о Екатерине: «...при этом перднув два раза» (когда ее Орлов еб). Мы азиаты, скифы, мы люди дикие, а, стало быть, ханжи. Не умеет пердеть наше искусство. Срать, ссать, ебаться, ругаться и пердеть.

Зато мы умеем. Да еще как! Серанешь, бывало, вонюче так, что называется, живым говном!.. Помню, ходили мы в МИЭМ на дискотеку — Яшкин корифан, Саша Суворов, пригласил. И я там, в полутьме и грохоте такое устроил! Как серану! Ффу-у-у! Тухло! Чуваки от меня в другой угол. Я за ними. И там как опять серану! Они со смехом за носы — и бежать. Полчаса сволочей гонял!

Иногда бывает такая вонючая бздень — вроде и тихо пукнул, а так ядовито! Духовито! Атмосферно! А бывает и наоборот, замах на рупь, а удар на копейку — прогремишь на версту, а запаха нет. Значит вхолостую сработал, зря бздел.

Очень смешно пердеть в воде. Гулко, и огромные вонючие пузыри поднимаются на поверхность. Хорошо также бзднуть под одеялом, а потом с головой накрыться. Чтоб ничего не пропало.

Когда мы всей бандой отдыхали в Медведихе, и я поставил во время обеденного пиздежа незаметно магнитофон на запись, через какое-то время Баранов обнаружил «жучка» — микрофон за моей спиной. А поскольку мы уже поели

горохового супа с хлебом и картохой, я схватил разоблаченный микрофон и 2 раза перднул туда. Это вызвало громадное оживление. Адам тоже взял микрофон и резко бзднул в него. При последующем прослушивании, его пук оказался самым лучшим. Такой громкий, круглый. Замечательный.

ГЛАВА 9.

Фили.

В Медведихе мы жили в свое удовольствие. Ели. Пили. Купались. Пердели. Слушали мафон. Пошли однажды на дальнюю речку Ивицу ловить рыбу. Взяли котелок, спички, удочки. Микоян взял микояновку. Хуй поймали.

Тогда я, вспомнив, что мой папашка в детстве кушал вместо устриц речных беззубок (один хуй — моллюск), набрал тоже в мелкой речке побольше ракушек, положил в котелок, и начали мы их варить.

Правда господа офицеры забыли ложки, и Баранов взялся изготовить одну ложку из какой-то гнилой хуйни ножиком. А я сомневался. И не зря. Не удалось ему сделать даже баклушу. В жопу авторам такие ложки надо засовывать.

Но ложка бы нам все равно не понадобилась: моллюсков едят специальным устричным ножом — во-первых. А во-вторых, одна опора подгорела и котел с едва закипевшей водой ебнулся прямо в костер и залил его. Такая беда случилась... В общем, веселились как могли.

А разговоры у нас там шли в основном о бабах. Каждый день напролет о бабах. Даже меня это в конце концов достало. И где-то на четвертые сутки я возбуж:

— Да хули вы все о бабах да о бабах! Заебали!

— А о чем же еще должны говорить мужики? — искренне удивился Баранов. — Все мужики всегда говорят о бабах. А бабы о мужиках.

... Слушая потом наш безумный, но совершенно на трезвую голову треп по магнитофону, я уссывался над стуком ложек и общим идиотизмом. Блин, совет в Филях да и только! Будто Кутузов-рейтузов собирается бить французов и обсуждает всю хуйню. С тех пор наши общие советы мы называли советами в Филях. В память о Медведихе. Где бы мы не находились — в сральнике или в открытом море — если нужно было что-то

обсудить, я просто спрашивал, сплевывая соленую воду (в море, а не в сральнике):

— Яшка, где Фили?

— Здесь, — Яшка невозмутимо хлопал ладонью по волне, и мы начинали обсуждать тот или иной проблем.

Вот что такое Фили. Это историческое место, где Кутузов замыслил роман «Мать».

Теперь для достоверности повествования я приведу одну из расшифрованных магнитофонных бесед. Хотя хуль там расшифровывать, все реплики в ней строго по пленке. Вот уж я заебался на каждой реплике нажимать на «паузу», чтоб успеть записать. Зато теперь одна только голая правда. Интонации и то, что за ними стояло я вынес за пределы прямой речи, в пояснения.

Еще раз предупреждаю слабонервных: все реплики, выделенные **жирным** подлинны до буквы. Потому все так невнятно. Весь разговор перемежается звоном ложек и вилок о тарелки, жеванием и сытными отрывиваниями.

— ...**Это еще хуйня.** — я продолжал застольный разговор.

— **Ой, бият,** — сказал Адам.

«...Бият» — искаженное «блядь». Искказили это чудесное слово в Средней Азии средние азиаты. Они так говорят с акцентом — «бият».

— **Ой, бият,** — смеясь сказал Адам, кивнув на окно. — **Мужики, блядь, ну вон баба пошла!**

— **Да ты заебал, это мужик, бля,** — спокойно поправил я.

— **Ты уже, ебанный стос, блядь, уже на всех смотришь. Ты заебал.**

— **А вроде растаскивает, блядь,** — я оглядел тучи на небе.

— **Сутра вон ни одного облачка не было,** — проявил скепсис Микоян, — **А к двенадцати все запиздячило... Сань, где шпроты?.. А где кастратер?..**

...Кастратер — это такая открывалка консервов с двумя рычагами и зубчатым колесиком. Я нашел ее в прошлом году в Пицунде и, естественно, назвал кастратером...

— Я не могу просать, где кастратер?

— **На белой полке, на кухне.**

Бен пошел на кухню и закричал оттуда:

— **Где?!**

— **В пизде!.. На полке!..**

— **А-а..**

— **Мужи-ики-и, блядь... Бият,** — не успокаивался Адам,

— ну где же бабы, ебанный стос, блядь?! Вот деревня вымерла, блядь, вся, на хуй.

— Они все грязные бабы тут, в деревне, — охладил адамов пыл Бен.

— Да вы заебали, надо любых снимать, блядь. Любых. Баньку истопим, блядь.

— Слушай-ка, Адам, я чего забыл тебя спросить: как вот ты, допустим, — вспомнил Бен, — жил бы ты с Татьяной Половцевой на протяжении целого месяца, ты бы ее выебал?

...Дело в том, что годом раньше мы с Микояном 24 дня отдыхали в студенческом лагере в Пицунде с общей знакомой, студенткой Таней Половцевой и не трахнули ее, несмотря на ее дружеское расположение. Дело в том, что она нам с Яшей ни на грамм не нравилась... Хм, может, конечно, это и было упущение, то, что мы ее не взьебли, но по молодости его можно простить, мне кажется...

— Я бы выебал, — не сомневался Адам, — На веранде.

— Ты ли это, Адам?! — тревожно изумился Микоян. — Ты же вроде, образумился, сказал, что...

— Нет, я не сомневаюсь, что я бы два или три раза налил бы вином, блядь, и раком бы ее выебал.

— Да она же...

— А ты сам говорил, что если бы ты напился, выпил бутылку коньяка, ты бы ее выебал.

— А-а, ну если б только напился. Я б, может быть, даже если бы триста грамм бы выпил, и то бы выебал ее.

— Микки, ты сам говорил, что если б ты влил в себя бутылку коньяка, ты бы ее выебал, — почему-то повторил Адам.

— Да. Даже триста грамм хватило бы, — опять подтвердил для истории Микоян. — Даже не бутылку, а триста грамм.

— Что будем есть с картошкой, блядь, сельдь или хек? — спросил я, поигрывая двумя консервами (как щас помню). — Адам!

— Чего?.. Будем есть, блядь... Сельдь — на хуй! Вот это еще, блядь... Вот это... Хек... А может, не будем открывать? У нас шпроты есть вот.

— Дак ведь картошки-то у нас еще до ебени попки!

— Н-да?.. Нет, в течении месяца я бы раза три напился бы и выебал. Я не сомневаюсь.

— Знаешь, — вдруг поделился Бен воспоминаниями о Танюше. — Когда я стоял на эскалаторе с ней, мне тоже захотелось ее выебать... Дай соль.

— Мне трех дней бы хватило, — продолжал мечтать о прошлом Адам. — Она, кстати, ночевать от вас к себе с неохотой уходила?

— Да, похоже, — задумался Микоян.

— Хуй ее знает, проститутку, — бормотнул я.

— С кем она там жила?

— Хуй ее знает... С какими-то бабами.

— Она с этой жила... С КВПД.

— Что такое КВПД?

— Аббревиатура. «Которая Всем Пизды Дала».

...Была там на веранде маленькая бабская драчка...

— Ебанный в рот...

— Блядь...

— На хуй...

— Шпроты ложкой трудно хуярить.

— Бен, сделай вилки с кухни...

— Куда смотрел Мика, куда смотрел Шеф, я не знаю, — не унимался Адам. — Ходили на дискотеку баб снимать, а под боком, блядь...

— А я помню, — поделился Микоян, — она даже предлагала, чтоб мы ее сняли вместо тетки.

— Кто?!!

— Половцева.

— А что она говорила?

— Ну, мол, чего вы на разные там дискотеки ходите, дескать, снимите меня вместо тетки. А мы говорим: иди ты на хуй отсюда, извиняюсь за выражение.

Адам засмеялся. Его смех предназначался Бену и означал: ну и олухи же Шеф с Микояном!

— Елки зеленые! — изумился Бен. — Блядь, вы не джентельмены!

— Да, не выебали бабу.

— Это очень редко бывает, чтоб женщина просила, чтоб ее сняли, — сказал Адам — жизневед и мудолоб.

— Как в песне поется: если женщина просит...

— Это если женщина просит, — не сдавался Микоян. — А если Половцева просит?..

Адам вновь засмеялся. Его смех означал: да какая разница!

— Эх, Микки, если бы ты ее выебал!..

— Какой еврей нож спрятал?!

— Да вот он.

— Это ты, Бен, небось, спрятал его от меня.

— Ах ты, еб тво-мать. На хуй мне твой нож нужен... «На улице Марата я счастлив был когда-то...»

— Я, блядь, про Марата ебаного доклад, блядь, в школе делал, как его тетка зарезала, на хуй. — вспомнил я.

— Шарлотта Корде, — блеснул эрудицией Микоян.

— А он и так больной был, Марат, он бы так и так умер, — вдруг сказал Бен.

— Ты считаешь, что и хуй с ним?

— С Маратом?

— С хуятом...

— Твои ебанные шпроты... можешь сунуть их в пизду... кончились.

— Тут пизду еще найти надо! — засмеялся Адам.

— А вообще, мужики, Татьяну здесь можно было бы держать. — сказал Бен. — Она бы нам готовила обеды. Мы бы ее ебали бы.

— Микки, у меня к тебе вопрос: ты лично — пиздатый чувак? Вот лично ты?

— Да я ли не пиздатый чувак?!!

— Тогда передай хлеба.

— Помню, Половцева нам там рубашки гладила, чтоб мы на дискотеку ходили.

— «На улице Марата...»

— Муха... хватя тебя за ухо.

— Птичка — хватя тебя за яичко... Как! Уже шпротов нет?! — опомнился Микоян.

Все довольно заржали.

— Мика! В кругу друзей еблом не щелкай!

— ...Вон почти несут, — выглянул в окно Бен.

— Тока тебе хуй дадут ее, — объяснил я местные правила.

— У меня есть предложение: пойти все-таки, любых баб снять, — (это, конечно, Адам.) — Ужраться в жопу...

— Куда?

— В жопу ужраться. И повеселиться немного.

— Посифилиться...

— Ну как вам мой план?

— Сраный план, хуевый. Ебанный кракатук.

— ...А я срать захотел.

— А нам похую.

— Я пойду щас срать, на хуй.

— Не надо срать на хуй, надо срать в очко...

Тут Бен обнаружил включенный магнитофон:

— Да он записывает, пидораз, блядь!...

Ну а потом все весело пердели в микрофон...

— Пук!

— Пу-ук!!!

— Прррра-ак!!!!!!..

Это был 1985 год. Лето после апрельского пленума ЦК КПСС, перед последним, пятым курсом и перед лагерными сборами. Все, кроме Бена — девственники. Это пиздец.

ГЛАВА 10.

ТМП — Теория Мировой Пиздатости.

К сожалению, Теория Мировой Пиздатости как наука осталась не до конца проработанной. Она еще не завершена, к сожалению. У меня в столе лежат в большом конверте несколько листочков с набросками о ТМП. ТМП — единственная наука, которая образует непротиворечивый сплав между собственно наукой и религией, если под религией подразумевать высшую духовность. Бля буду.

Теория мировой пиздатости (ТМП) — новая наука, изучающая различные пути развития человеческой мысли, направленные на улучшение жизни человечества, дальнейшее развитие науки и искусства, изучение результатов этого развития, прогнозы в достижении всеобщего благополучия, то есть в достижении Мировой Пиздатости.

Одним из путей достижения МП является повышение благосостояния народа, повышение среднего уровня жизни людей, их культуры.

ТМП — всеобъемлющая наука, состоящая из нескольких разделов:

- 1) Теория постоянного роста пиздатости,
- 2) Теория научной конобли,
- 3) Научный коммунизм,
- 4) Научный похуизм,
- 5) Теория научного подпития.

Кроме того, в ТМП входят все остальные естественные и общественные науки на правах дисциплин, изучающих частные вопросы ТМП.

ТМП как наука была создана столпами мировой мысли — Отцом и Его Детьми... (Термин «научная конобля» родился у Баранова дома на кухне, где мы сидели, когда куда-то

свалили его предки). В ТМП внесли вклад такие известные личности земной цивилизации, как Эпикур, Сократ, Аристипп, гедонисты-эвдемонисты, киники, Фейербах, утописты, Бакунин-Кропоткин, Ницше, Маркс, а также насильственно внедрявшие мировую пиздатость Ленин, Сталин, Троцкий, Мао Цзе Дун, Пол Пот.

Больших успехов в ТМП добились физики, работающие в области создания теории Единого Поля. Теория Единого Поля еще не создана, но она является одним из «краеугольных ядер» ТМП.

Однако я был бы мудаком, если бы, прежде чем начать знакомить вас с разделами ТМП, не пояснил кое-что.

Когда началась военная кафедра, некоторые офицеры называли нас юношами и сынками. Как человек весьма восприимчивый к юмору и всяким смешным несообразностям, я тут же подцепил и «юношу», и «сынка» и начал называть так своих бандитов. Называл, называл я их «сынками», пока однажды Яшка в шутку не назвал меня «отцом троих детей». Тут же начала раскручиваться легенда. В «полусыновья» — в аборт Отца — попал Вова Королев — студентик из нашей группы, хитрожопый маленький паренек из города Выкса. Помню в колхозе (на картошке) я шутил над ним:

— Вова! Вова! Только что по радио передали страшное — города Выксы больше нет! Хулиганы подогнали два бульдозера и все четыре дома снесли!

Смышленный и ленивый хитрован Вова, общежитский парень, он до сих пор живет в общежитии. Только теперь уже в Питере, куда попал по распределению. Именно Королев впервые в истории назвал меня Шефом.

А кто родил Отца? Щас расскажу. В 1984 году, когда мы с Яшкой, корнетом Стасиком из параллельного полка и Танюшей Половцовой обитали в студенческом лагере «Металлург», что во втором ущелье под Пицундой, за нами все время увязывался маленький парнишка, сын местной начальницы. Я звал его Щенком (потому что он был очень молодой), Отцом (по той же причине) и Подпиздником — за малый рост.

Собираемся, допустим, мы вверх по устью речки Ряпши к ущелью Бабы Яги, — и этот говнюк за нами.

— А тебя мама отпустит? — спрашивает Танюша, в надежде, что говнюк отстанет.

Пока мы складывали фотоаппараты, прочую хуйню, он

успевают слетать до мамы и вернуться к нам на веранду.
— Мама не велела идти: она сказала, что ты будешь мешать, тебя из вежливости берут. Но я сказал, что нет, не из вежливости.

— Конечно, из вежливости! — взвыли мы хором. Но этот маленький убийца все равно чешет за нами, и мы никак не можем от говнюка оторваться.

Стоила льготная путевка в Пицунду (Пицундень, как мы ее называли), 30 рублей...

Таким образом, с моим папой все стало ясно. Им стал Подпиздник, которого я звал отцом. Но кто создал Подпиздника? Нужно ведь учитывать, что Отец (я) — прародитель всего на свете, и потому ни в коем разе не углубляться в генеалогию. Поэтому моим дедом, отцом Подпиздника, была названа некая абстрактная сущность — Ебанный Стос.

Ко времени отдыха в Пицунде отец Отца — Щенок, он же Подпиздник, стал уже совсем маленьким и впал в младенческий маразм, ибо время тянет взад.

Итак,

Священное Писание гласит:

Вначале было слово и это слово «Ебанный Стос» — суть начало начал. Он создал все ссущее в этом мире, а также Деда Его Детей — Подпиздника по кличке Щенок. Дед Подпиздник создал Отца Нашего Насущного.

Отец был велик, но справедлив, и было у него три сына и Крокодильский Аборт. Отец родил Адама, прародителя человечества и основателя козлизма*, затем мощный Отец родил Бена, основателя бенизма**, затем Отец родил пророка Тимофея Микояна (Диму) — основателя академизма***.

Пролетая над египетской страной, Отец узрел в реке Нил зеленого Крокодила и познал его. Крокодил же понес во чреве своем плод Отца Нашего, но Отец узрев это, сказал, что это нехорошо. И сказал Он: нехорошо. И сделал Он ему [Крокодилу] Зверский Аборт, и вышел из чрева крокодилова четвертый Сын Отца — Крокодильский Аборт (Вовка). И увидев его

* Козлизм — буржуазная лженаука, дающая неверный взгляд на мир и отвлекающая пролетариат от классовой борьбы.

** Бенизм — буржуазная лженаука, дающая неверный взгляд на мир и отвлекающая пролетариат от классовой борьбы. Последователем бенизма был Троцкий.

*** Академизм — буржуазная лженаука, дающая неверный взгляд на мир и отвлекающая пролетариат от классовой борьбы.

еще больше опечалился Отец и сказал: «Фу, какая гадость!» И сказал Он: «Да будешь ты теперь — Крокодильский Аборт отныне и вовеки веков. Аминь!»

Отец учил Детей своих: Вот я даю вам 10 заповедей, живите по ним и обрящете. Вот они:

- 1) Не ссы!
- 2) Кто ссыт, тот хуяв!
- 3) Чти Отца своего!
- 4) Кто не чтит, тот хуяв!
- 5) Кто не срет, тот не ест.
- 6) Кто не ест, тот хуяв.
- 7) Не люби уябищ: они хуявы.
- 8) Носи деньги в кошельке.
- 9) Изгоняй злого духа из чрева путем пердения.
- 10) Не сри в еду народа своего.

И соблазняли Отца лукавые филистимляне*: Отрекись от Щенка, Отца твоего и Деда Детей Твоих! И отвечал Он: Нет, ибо сказано «Чти отца своего», и еще сказано «Кто не чтит, тот хуяв». Я не хуяв! Отец мой — Подпиздник во веки веков. Аминь!

И опять сказали Ему: Верно ли, что Ебаный Стос — первейшее начало и до него ничего не было? Он сказал: Верно.

И сказали лукавые: Кто же ебал Ебаного Стоса?

Разгневался Отец Наш: Изыдите, греховодники! Будто неведомо вам, что Ебаный Стос — есть двуединство, один в двух лицах. Он же Стос, и он же Ебаный [по голове].

И ушли посрамленные филистимляне, и сказал Отец Наш им во след: Ибо сказано: идите на хуй и конца несть этому пути, но Отец Ваш небесный всюду с вами. И на этой дороге тоже. Заблудшая овца попадает волку во чрево, но заблудший ум — в пучину сомнений. Также сказано: блуждающий в потемках рискует заблудиться в них.

И подходили к нему другие и искушали: Можешь ли ты показать чудо?

И говорил им Отец: На все моя воля. Вот, смотрите, хуй ли мой не чудо?

И отвечали они: Да, ты велик воистину.

И благословлял Он их: Идите себе мирно на хуй отсюда, пока вы здоровы и дух ваш крепок.

И разливал Он елей хуя своего на всех людей, скотов и трав по образу и подобию ея.

Но возгордился старший сын Отца Адам и стал учить людей

* Филистимляне — плохие люди, басмачи.

козлизму. Он говорил: Я учу вас козлизму, это есть истина божья.

И средний сын сказал: Нет, не это истина. Вот вам истина — я учу вас бенизму. Есть 7 пятых дней на неделе и более нет. Есть 7 по 5 решений ваших на каждый из дней. И как задумал вначале, так не делай, а делай не так. И это суть.

Но более всех отступился Микоян, став пророком зла. Собрав людей многие сотни, вносил раздор в народ, говоря так: Большие груди есмь благо, малые — суть грех! Еще скажу вам — да пусть задница женщины будет колесовитой и большой. Всякое уябище — есть красotka, классическая же красота — есть уябищность. Да сгинут нечуткие блудницы, обсирающие нас, кончающих рано. Я свой хуй не на помойке нашел! И еще помните — человек да убоится раком! Рак — нечист. Ебля раком есть онанизм. Не ебитесь, дети мои, а то испортите первое впечатление.

И узнал об их отступничестве Отец Небесный и огорчился крайне и сказал: «Ну и суки! А как верил гадам! Клянусь своим Подпиздником — проклянущу сволочей!» И вышел в народ и рек: Не слушайте глупых моих сыновей, они глупы и не знают жизнь. А я вот дал вам 10 заповедей, по ним и живите.

И время текло вперед и вспять, и туда, и сюда, и обратно...

Так гласит святое писание...

Восьмая заповедь была введена специально для Бена. Этот олух царя небесного (меня) вечно носил, да и по сей день, когда стал уже большим дядей, носит деньги не в кошельке, а рассеянными по карманам, вперемешку с какими-то справками, старыми билетами в кино, пропуском на работу и т. д. Мелочь россыпью лежит в кармане штанов. Бен поэтому постоянно теряет бабки. И, начиная с первого курса, с первой практики, я методично и целенаправленно ебал ему плешь на предмет кошелька. Яшка, например, тогда же, на Магнитке, купил себе простенький кошелек за сорок копеек, а Бен — ни в какую.

— Вот придешь ты домой, — рисовал я бородатому страшные картины, — жена спросит: а где тринадцатая зарплата? А ты скажешь: «Потерял». А она возьмет скалку — и по еба-а-альнику тебе, и по ебальнику! Ах, хорошо!

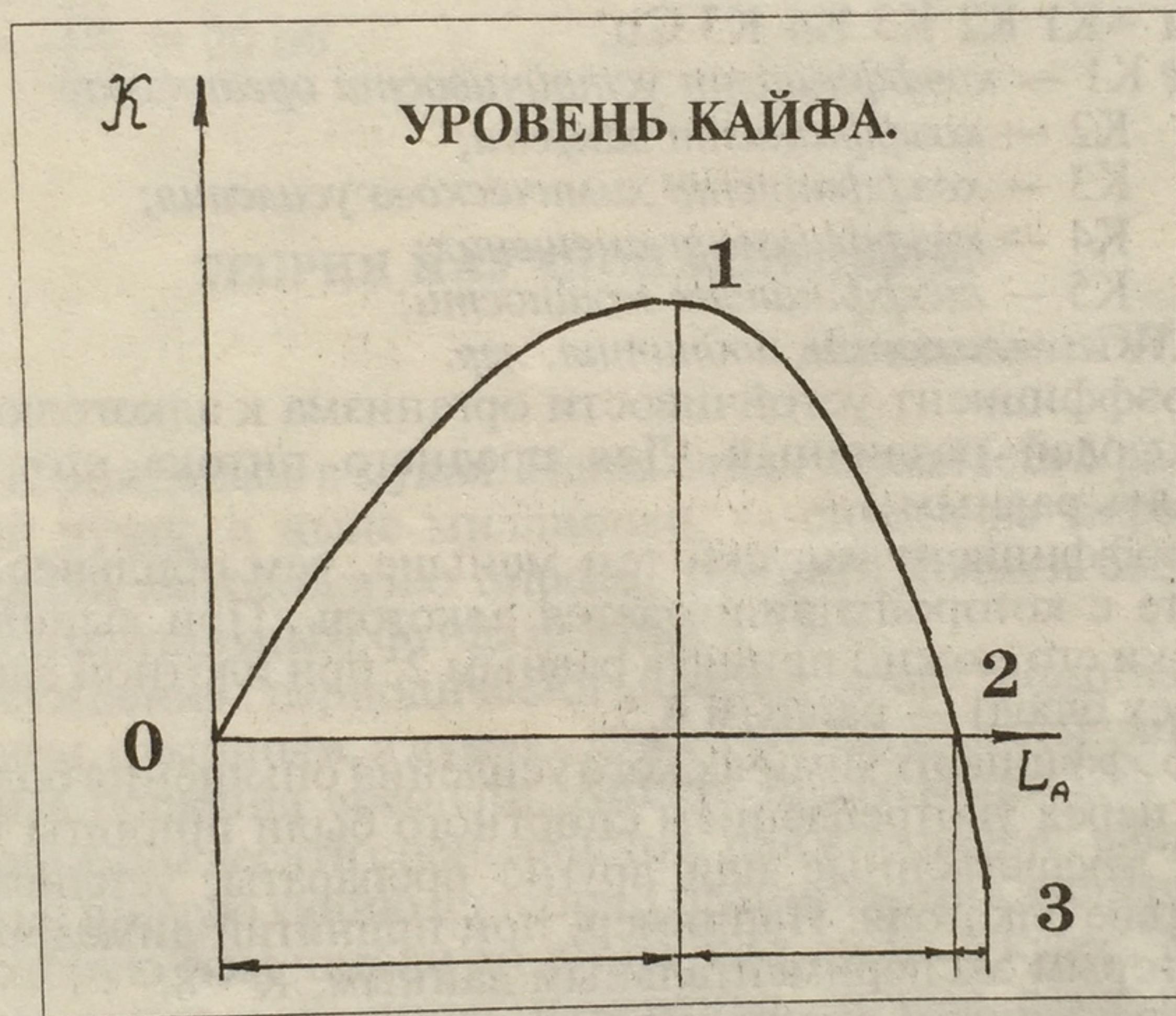
«По ебальнику тебе как начнет хуячить», — эти слова я произносил с особым сладострастием. Но все равно Бен кошелек не покупал, сволочь такая...

Кроме того, в Теорию Мировой Пиздатости входит Теория Научного Подпития (ТНП).

ТЕОРИЯ НАУЧНОГО ПОДПИТИЯ.

Одним из способов достижения личной пиздатости является алкогольное опьянение, поскольку давно известно, что питье определяет сознание. ТНП начала разрабатываться давно, примерно с тех пор, как человечество узнало химическое вещество C_2H_5OH . Отношение к алкоголю прекрасно выражают русские народные пословицы: «Горько пить вино, а обнесут мимо — горше того», «Невинно вино — виновато пьянство», «Первая чарка крепит, вторая веселит, третья морит».*

Принятие известных доз спиртосодержащих жидкостей служит для достижения определенного уровня Кайфа или Кецы (рис.1).

Как видно из рис.1, Кеца с увеличением количества выпитого L сначала растет (участок 0-1), затем, после достижения некоторого максимума (точка 1) снижается (участок 1-2), что обусловлено последующим похмельным синдромом и рвотными рефлексам, сигнализирующими об отравлении организма. Дальнейшее поглощение алкоголя может даже привести к летальному исходу (участок 2-3).

*Бреслов С.Л. Пословицы и поговорки. Л.: Лениздат, 1968, с 212-213

Таким образом, как видим, перед нами встает проблема меры, т.е. проблема достижения такого содержания алкоголя в крови, которое обеспечивает максимальный уровень Кещы. Уровень алкоголя в крови непосредственно определяется при анализе крови и измеряется в промилле или в граммах алкоголя на литр крови. Но, конечно, более удобным способом определения опьянения является расчетный.

Кеща (Кц) зависит не только от степени подпития Сп (измеряется в лигрылах), но и от мощности питьям, т.е. производной Сп по времени (измеряется в оборотах):

$$Кц = f(Сп, t)$$

Кроме того, строго говоря, Кц зависит еще от нескольких произвольных коэффициентов. Полная формула выглядит так:

$$Кц = K1 K2 K3 K4 K5 Сп,$$

где K1 — коэффициент устойчивости организма;

K2 — коэффициент закуски;

K3 — коэффициент химического усиления;

K4 — коэффициент смешения;

K5 — коэффициент мощности;

Сп — степень подпития, лгр.

Коэффициент устойчивости организма к алкоголю у разных людей различный. Для среднего питока его можно принять равным 1.

Коэффициент закуски тем меньше, чем обильнее пища, вместе с которой принимается алкоголь. При выпивке без закуски его можно принять равным 2, при плотной еде (обед из трех блюд) — равным 0,5.

Коэффициент химического усиления опьянения больше 1, если перед употреблением спиртного были приняты какие-либо лекарственные или другие препараты, усиливающие действие алкоголя. Например, при принятии димедрола, по некоторым экспериментальным данным, K = 8.

Коэффициент смешения равен 1, если было выпито спиртное одного класса (только белое вино, только красное, только водка и т.п.) В других случаях K4 = 1,1 — 1,5.

Коэффициент мощности является функцией производной Сп по времени (мощности питья — М). В настоящее время ведутся интенсивные экспериментальные исследования влияния мощности на K5.

М, в свою очередь, определяется по формуле:

$$M = \frac{Сп}{t},$$

где C_p — степень подпития, лгр,
 t — время подпития, час.

При условии, что все пили одинаково, C_p определяется по формуле:

$$C_p = \frac{(LiQ_i)}{R},$$

где Li — количество выпитого i -го напитка в литрах.

Q_i — крепость i -го напитка в градусах,

$()$ — суммирование по напиткам,

R — количество пилюнок, рыл.

Легчайший кайф и веселость (малая кеца) начинается в среднем при 10-12 лгр принятых за 0,5 часа, то есть мощность равна:

$$M = \frac{10}{0,5} = 20 \text{ об}$$

ТЕОРИЯ НАУЧНОЙ КОНОЕБЛИ.

Посвящается И. Кону.

ТНК рождалась в муках. Наша банда плюс Петя Уралов — клевый чувак, а ныне миллионер, — сидели на кафедре и обсуждали методологию опроса, который должен был лечь экспериментальным фундаментом в ТНК.

Обсуждение периодически прерывалось громогласным ржанием, слышным, я думаю, даже в коридоре и отмечающим удачные решения ареопага. Анкета предусматривала опрос как минимум десяти специалистов, ранжирование, рандомизацию и прочую хуйню из теории планирования эксперимента, которую нам читали то ли на 4 то ли на 5 курсе. Много споров вызвала единица измерения, точнее сама шкала. Степень кайфа от обычного полового акта с «кончиной» в пизду была принята за 100 баллов, а отсутствие ебли как таковой — за 0 баллов. Максимальный кайф было решено ограничить 200 баллами. Петя аргументировал это так:

— Обязательно нужно верхнее ограничение. А то вдруг какой-нибудь мудака увидит, например, графу «баба дробит хуй», охует и поставит сдуру 15000 баллов. И запрет нам все расчеты один идиот неадекватный.

Все собравшиеся были очень умственные люди, нас

всех оставляли в институте на кафедре поступать в аспирантуру, делать диссер, заниматься наукой, стало быть мы имели научное, аналитическое мышление, которое и применили к теории научной конюблии.

Результаты исследования приведены в таблице 1.

ТАБЛИЦА 1

СТЕПЕНЬ КАЙФА В ПРОЦЕНТАХ ОТ ОБЫЧНОЙ ЕБЛИ.

№	Действие	Никонов 1	Максеев 2	Баранов 3	Уралов 4
1	Ничего	0	0	0	0
2	Пройтись под ручку	0	0	0	0
3	Обнять за плечи	0	0	5	5
4	Поцелуй обычный	5	5	20	15
5	Тесные объятия с засосами	10	10	30	15
6	Объятия и поцелуи сидя	10	10	20	20
7	То же, лежа	10	15	30	20
8	Лапание за грудь в одежде	15	20	20	15
9	Лапание за пизду в одежде	15	10	10	5
10	Лапание за грудь без одежды	20	30	40	40
11	Лапание за пизду без одежды	30	30	40	35
12	Трение хуем по пизде б/ввода	95	70	40	50
13	Прерванный акт	70	80	60	60
14	Кончил в пизду	100	100	100	100
15	Баба дрожит хуй	110	70	100	60
16	Миньет	120	80	120	100
17	Групповой секс: 1 мужик и 2 бабы	200	100	200	200
18	То же, 2 мужика и 1 баба	80	50	50	50
19	Бабу в жопу	80	70	100	60
20	Кончина бабе между бедер	90	80	80	70
21	То же, между грудей	90	80	80	70

Самым большим мудаком среди экспертов оказался Яшкин кореш Саша Суворов (он уже встречался нам в главе 8, этот мудозвон). Смотрите каких он хуевых оценок понаставил. Ему как самому неточному эксперту мы с Яшей — спонсоры опроса — подарили надувного попугая — пиздуна пиздуну. А самому точному эксперту, то есть попавшему akurat в середку — Баранову — подарили символ точности — игрушечный надувной будильник.

Но, надо сказать, мой одноклассник Чибисов тоже эксперт

Суворов 5	Рубин 6	Стас 7	Лифанов 8	Будулаев 9	Чибисов 10	Округленная средняя оценка
0	0	0	0	0	0	0
0	0	0	0	1	60	1
0	2	5	0,5	5	50	2
0	10	40	0,5	10	40	15
0	50	50	5	49	70	30
1	51	65	3	30	60	30
1	70	70	3	60	80	40
0	30	40	4	30	50	25
0	90	0	5	45	90	30
100	80	45	5	50	60	40
1	99	3	3	60	95	45
0	99	60	10	75	55	60
0	60	80	20	80	30	60
100	100	100	100	100	100	100
0	70	70	20	100	80	75
200	90	85	20	75	80	85
200	30	150	-	150	98	140
200	5	50	-	50	1	40
0	15	-	-	100	20	65
0	5	20	5	95	3	50
0	5	20	20	95	20	60

всех оставляли в институте на кафедре поступать в аспирантуру, делать диссер, заниматься наукой, стало быть мы имели научное, аналитическое мышление, которое и применили к теории научной коноблн.

Результаты исследования приведены в таблице 1.

ТАБЛИЦА 1

СТЕПЕНЬ КАЙФА В ПРОЦЕНТАХ ОТ ОБЫЧНОЙ ЕБЛИ.

№	Действие	Никонов 1	Макеев 2	Баранов 3	Уралов 4
1	Ничего	0	0	0	0
2	Пройтись под ручку	0	0	0	0
3	Обнять за плечи	0	0	5	5
4	Поцелуй обычный	5	5	20	15
5	Тесные объятия с засосами	10	10	30	15
6	Объятия и поцелуи сидя	10	10	20	20
7	То же, лежа	10	15	30	20
8	Лапание за грудь в одежде	15	20	20	15
9	Лапание за пизду в одежде	15	10	10	5
10	Лапание за грудь без одежды	20	30	40	40
11	Лапание за пизду без одежды	30	30	40	35
12	Трение хуем по пизде б/ввода	95	70	40	50
13	Прерванный акт	70	80	60	60
14	Кончил в пизду	100	100	100	100
15	Баба дробит хуй	110	70	100	60
16	Миньет	120	80	120	100
17	Групповой секс: 1 мужик и 2 бабы	200	100	200	200
18	То же, 2 мужика и 1 баба	80	50	50	50
19	Бабу в жопу	80	70	100	60
20	Кончина бабе между бедер	90	80	80	70
21	То же, между грудей	90	80	80	70

Самым большим мудаком среди экспертов оказался Яшкин кореш Саша Суворов (он уже встречался нам в главе 8, этот мудозвон). Смотрите каких он хуевых оценок понаставил. Ему как самому неточному эксперту мы с Яшей — спонсоры опроса — подарили надувного попугая — пиздуна пиздуну. А самому точному эксперту, то есть попавшему аккурат в середку — Баранову — подарили символ точности — игрушечный надувной будильник.

Но, надо сказать, мой одноклассник Чибисов тоже эксперт

Суворов 5	Рубин 6	Стас 7	Лифанов 8	Будулаев 9	Чибисов 10	Округленная средняя оценка
0	0	0	0	0	0	0
0	0	0	0	1	60	1
5	2	5	0,5	5	50	2
15	10	40	0,5	10	40	15
15	50	50	5	49	70	30
20	51	65	3	30	60	30
20	70	70	3	60	80	40
15	30	40	4	30	50	25
5	90	0	5	45	90	30
40	80	45	5	50	60	40
35	99	3	3	60	95	45
50	99	60	10	75	55	60
60	60	80	20	80	30	60
100	100	100	100	100	100	100
60	70	70	20	100	80	75
100	90	85	20	75	80	85
200	30	150	-	150	98	140
200	5	50	-	50	1	40
50	15	-	-	100	20	65
60	5	20	5	95	3	50
70	5	20	20	95	20	60

еще тот, говно, а не эксперт. При округлении среднего по пунктам 1-2 я его не учитывал: врун-извращенец.

Совсем чистыми исследования назвать, конечно, нельзя, поскольку не все эксперты на момент опроса все сами попробовали, по некоторым пунктам они ставили только балл ожидания, чисто умозрительную оценку. Да и выборку нельзя назвать репрезентативной.

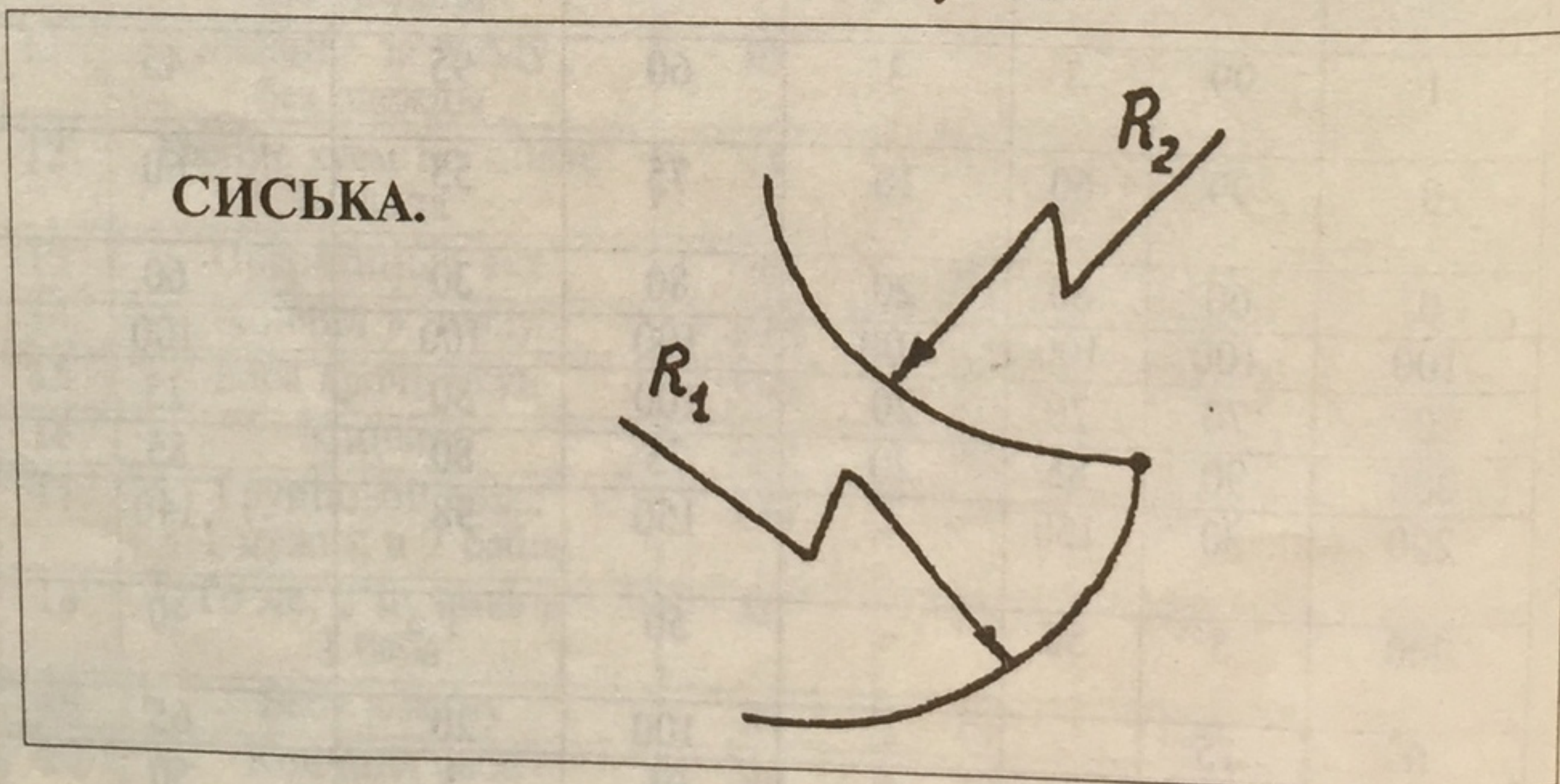
К теории научной конобле безусловно можно отнести и систему классификации женских сисек и жоп. Как-то, рассматривая колоду полупорнографических карт, я обратил внимание на сисечное разнообразие и понял, что с хаосом царящим здесь необходимо покончить. Пришлось разбить все существующее многообразие на 5 классификационных пунктов.

Подразделение сись:

1. По размеру сиськи подразделяются на Большие, Средние и Малые.

2. По расположению — на Высокие, (средняя линия которых проходит чуть ли не на уровне подмышек.), Обычные и Низкие (не путать с отвислыми).

3. По форме — на Сферические, Сопряженные и Конические. С коническими ясно, они на конус смахивают. Сферические — по форме близки к полусфере. А сопряженные очень красивые если смотреть в профиль: верхняя часть до соска вогнутая, а нижняя — выпуклая.

4. По устойчивости сиськи делятся на Стоячие (Стабилизированные) и Висячие (Дестабилизированные).

5. По фактуре — на Упругие и Мягкие.

Теоретически всех возможных комбинаций — 1944. (Я когда-то считал, комбинаторику использовал, судя по листочку с карандашными набросками, с которого я сейчас все переписываю. Там в результатах подсчета фигурирует цифра 1944, а проверить я сейчас не могу: забыл всю на хуй науку). Практически же некоторые варианты исключают друг друга, например, трудно представить себе Большие Стоячие сиськи. Большие обычно висят. Далее. Все Висячие титьки лишь условно можно отнести к Сферическим, ибо из-за отвислости теряется форма. А Висячие сиськи бывают упругими, только если в них парафин закачан.

* * *

...Сейчас звонил Яшка. он получил квартиру, делает ремонт и консультировался по поводу побелки потолков. Я ему посоветовал покрасить потолки дерьмом.

— Ты дерьмом покрась, мой милый друг и любимый товарищ. Разведи его скипидарчиком один к одному, извлеки всякую хуйню, инородные окатыши, неметаллические включения*, говно всякое. И смело хуячь в шоколадный цвет...

— А где же столько дерьма взять?

— Да насри. И я помогу, хули. Ебать твой рот...

* * *

Еще существует классификация сосков:

1. По размеру соски делятся на Крупные, Нормальные и Мелкие.

2. По форме — Плоские, Выпуклые и Конусные.

3. По цвету — Европейские (розовые, светло-коричневые) и Азиатские (темно-коричневые).

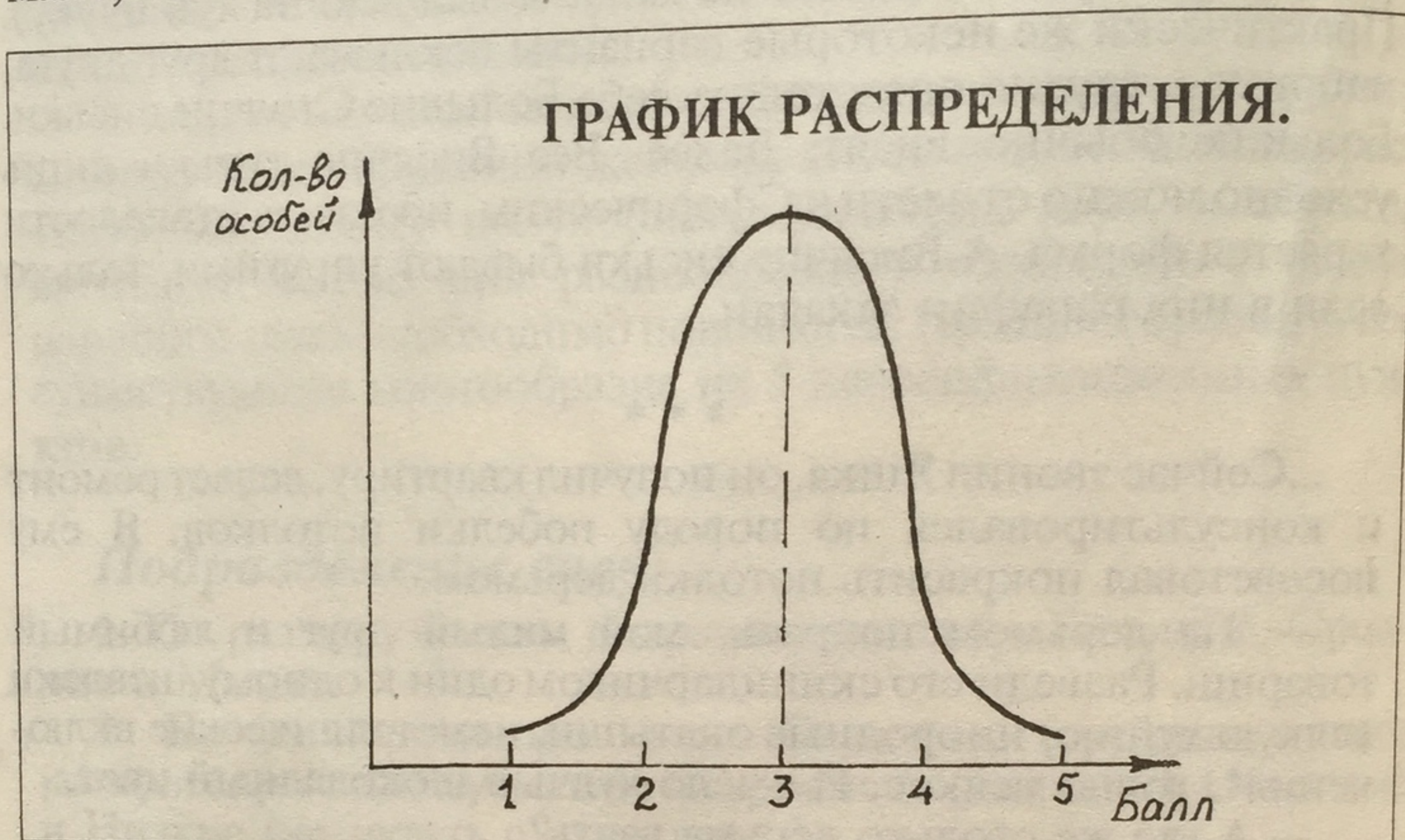
Помня классификационную шкалу, каждую грудь можно охарактеризовать цифровым кодом. Например, грудь 32122-121. Это значит — Малые Обычного уровня Сферические Висячие Мягкие сиськи с Большими Выпуклыми Европейскими сосками.

Подобная же классификация была и для жоп, но, к сожалению, я не нашел в Архиве бумажку с научными записями по этому вопросу. Помню только, что вислость ягодич (каплевидность, как бы их стекание) характеризовал как особого вида болезнь — «опущение жопы» (orushchenie jory). Не люблю я этого, некрасиво мне.

* Металлургическая шутка.

Для необязательного чтения.

Бабы по красоте распределяются, как и все на свете, по закону нормального распределения (распределение Больцмана). Уебищно-страшных (1 балл) и очень красивых (5 баллов) мало, больше всего троечниц.

А поскольку вкусы у всех разные, для наиболее объективной оценки необходим ареопаг чуваков. Мы так и делали. Идем, бывало, по улице всей бандой и встречным бабам старше 15 и младше 30 хором выставяем оценки. Только баба подходит на прицельное расстояние, как мы тут же:

- Четыре!
- Четыре!
- Три!
- Четыре!

Причем возможны уточнения. Ведь резких границ нет! Одна и та же «тройка» может быть ближе к «двойке» или к «четверке». Это две большие разницы. Поэтому в принципе, говоря «три!», нужно было уточнить какая это «тройка» — «три слева», «три справа» или «твердая тройка». Если ближе к 2, значит, левее оси ординат (см. график), стало быть «три слева», если ближе к 4 — «три справа». Это ясно.

Я считал возможным ебать троечницу, Яша четверочницу. Баранов, в принципе, мог опуститься и до двоечницы. (Случай в походе не в счет: то ли ли тетка-монголоид была на «единицу», то ли Адам был просто сильно пьян, что вероятнее).

НАУЧНЫЙ ПОХУИЗМ.

Это студенческая религия. У студентов один бог — Халява. Есть один Великий Бог Халява! И одна священная книга «Авось». Однажды бабулька моей жены принесла из ДЭЗа талон с печатью на получение гуманитарной помощи — сухое молоко — 1 кг, макароны — 1 кг.

— Не потеряйте его, — строго-настрого внушил я бабульке. — Это халява. А Халява — это Великий Бог. Нельзя глумиться над Халявой, кощунствовать. Не посеете талон... Что посеешь, то и пожнешь. Посеешь ветер, пожнешь бурю в стакане воды. А вы помните как критиковал дедушка Ульянов-Ленин теорию стакана воды? То-то... Как зеницу ока!..

Но наряду с добрейшим богом Халявой существует и злой дух Пиздец. Он помрачает разум, отнимает волю, нагоняет сон. И вообще создает невезуху. Это искустель, исчадие ада. Не знаю, как в других институтах, а в общагах нашей альма-матер, студенты, готовясь к сессии, когда от книг у них совсем опухала голова, и овладевал злой дух, начинали «изгонять Пиздеца». Обряд совершается так: одуревшие от знаний люди вооружаются полотенцами, открывают окна и двери и начинают бегать по комнате, размахивая полотенцами и крича: «Пиздец, уходи!!!» Через некоторое время Пиздец покидает жилище.

Пиздеца надо выгонять — в этом суть. Если бы я был самым главным, я бы издал закон, чтоб по утрам, вечерам и после обязательного обеденного сна, каждая семья изгоняла Пиздеца. И никакой политики.

**ПИЗДЕЦ ПОДКРАЛСЯ
НА ТОНЕНЬКИХ
НОЖКАХ.**

ГЛАВА 11.

Как надо и не надо пить.

«На лицо снежинки мне спускаются...»

Какие-то древние люди говорили, что самое залупатое удовольствие в этой говенной жизни — роскошь человеческого общения. Без пизды. Особенно хорошо бывает выпить с друзьями. Именно с друзьями, а не со всякой там хуйней. Суть здесь в том, что алкоголь — не цель, а средство, эскорт, мотоциклисты сопровождения. И пить надо не за алкоголь, а за компанию. А лучшая компания — это друзья молодости. Включишь мафон с ресторанными песнями, и пусть поет блатной классик Северный или пусть Токарев, Шуфутинский, Новиков — чуваки наших студенческих лет. На них уже условный рефлекс выработан: услышишь — на душе тепло и тянет выпить.

«И с лица стекают, как слеза...»

А тот, кто пьет с попутчиками в купе или с сожителями в гостинице, — считай, сделал первый шаг в сторону алкоголизма и блядского пьянства. Магомет пошел к горе. К пику Алкоголизма похуярил. Хули с чужими пить, с мудаками? Такое питье — это не любовь, это голая ебля! Пить надо по любви. С корифанами заядлыми. А если формально выпало с английской королевой чокнуться, то только пригублять, ибо нет здесь общения и родства, блядь, души. Маленькими хуевинками, крохотными рюмочками, за разговор.

Один из самых лучших комплиментов про меня в мое отсутствие отпустил мой одноклассник Чибисов, допившийся нынче до алкогольной эпилепсии. Он сказал своим алканам-корешам, тупым гегемонам, хлещущим водку стаканами: «Вам, блядь, лишь бы упиться. Вот Никонов, блядь, с вами пить бы не стал, потому что, блядь, вы хуярите стаканами без всяких тостов, лишь бы нахуячиться!» Да! Я так не пью! Так пить — грех! В свое время мне пришлось поехать по городам, пожить в заводских гостиницах. А там вечная публика — толкачи. Купят водки и квасят. Мне с чужими людьми квасить — радость не велика. Я тут как девушка — в охотку и только по любви.

«Сквозь пургу мне мило улыбаются...»

Помню, в Темиртау достали меня толкачи, чуть не силком посадили ханкужрать. И мужики-то неплохие, особенно один

там — Арнольд-татарин, ростом с хуй и картавый. Пришлось пойти на хитрость. Налил в чашку воды для запивки, набрал в рот горькой водки и, якобы запивая, всю ее спустил в чашку с водой, которую потом выплеснул в раковину. Терпеть не могу пить с чужими.

Зато с корешами... Другое дело. Но сначала я тоже ошибался. Молодой был студент. Нажирался едва ли не в любых компаниях. Но потом утончился...

Вот у меня тут на бумажке в Архиве зафиксированы случаи самых мрачных попоек, когда я был просто в жопу. Исключительно в жопу. В сиську просто.

Первый раз это страшное дело случилось, естественно, на первом курсе, на майские праздники. На даче у Олежки Косокина, преферансиста. Собралась там шобла. Не сказать, чтоб заядлые корифаны, просто с курса. К тому же, мне бабы не досталось. Впрочем, кроме одной пары, там никто и не ебался. Наверное, по молодости и опьянению. Косокин только хотел Будашеву вздрючить. Начал даже по пьяни задвигать среди ночи дверь шкафом, чтоб не вошли. Но Будашева стала блевать, а Косокин спьяну запутался в штанах, а потом пошел с ведром и тряпкой вытирать блевотину.

Короче, приехали мы на эту дачу, за водой сходили, бабы за какие-то полтора-два часа сгондобили жрачку, расставили. Сели за стол. И понеслось! Хули, молодые, меры не знаем. Намешали, убошились. Ф-фу-у-у!...

Я после этого впервые в жизни узнал, что у меня бывают провалы в памяти от сильного подпития. Мне потом Косокин рассказывал, а я не верил, что такое творил. Прикуривал сигареты одну за другой и пропихивал их в горлышко недопитой бутылки. Играя в карты с Косокиным, крыл семерку шестеркой и утверждал, что все правильно. Но помню только, что ходил блевать на огород.

«Вези меня, извозчик, по гулкой мостовой,

А если я усну, шмонать меня не надо...»

Утром меня разбудил Медведкин (мне нужно было с ранья ехать домой, чтоб отправиться с предками на дачу). Я, еще не проспавшийся, вспомнил, что накануне блевал, и пошел во двор посмотреть свою блевотину, уточнить, не много ли ущерба нанес косокинской усадьбе. Но пошел почему-то не на огород, где вместе со мной блевала Будашева (ее первая серия), а заглянул в пустую двухсотлитровую бочку у крыльца,

наивно рассчитывая найти там свою блевотину. Почему-то меня это сильно тревожило. (И потом, придя после праздников в институт, я слегка опасался встречи с Косокиным: не станет ли он ругать меня за заблеваный огород. Он не стал. Не заметил. Или не опознал блевню.) Но Медведкин, вышедший за мной на крыльцо, увидев, что я смотрю в бочку, спросил:

— Ты что, пить хочешь?

— Ага, — ответил я, чтобы скрыть свой подозрительный интерес к поискам блевотины.

Медведкин взял ковшик и пошел в дом искать воду. Там он нашел в рассветном полумраке помойное ведро с водой, куда Косокин бросал блевотную тряпку (за Будашевой с пола убирал), набрал ковшом воды, добрая душа, и принес мне. Я как-то незаметно для себя выпил этот ковшик и по рассветному холодку направился к станции. Всю дорогу до Москвы проспал. Помню еще, пытался войти в метро на Ленинградском вокзале со стороны выхода и долго и тупо смотрел на захлопнувшийся турникет. В метро спал. А идя от метро к дому у булочной встретил одноклассника Наумова, он спросил:

— Откуда ты такой?..

Сам Наумов, наверное, шел в такую рань откуда-нибудь с блядохода.

Окончательно моя голова прояснилась только когда я подошел к двери квартиры.

А водка тогда стоила 4.12.

Второй раз я набрался до положения риз со своей двоюродной сестрой на ее даче. Мы туда отвезли продукты для поминок и решили вечером слегка промочить горло. И ужрались в жопу. Оба.

Сидели, пиздели за жизнь, и хуячили водку 100-граммовыми стаканами. С течением водки наша беседа приобретала характер все более путаный. Кончилось все это блядское безобразие далеко за полночь, когда мы решили погулять по ночной деревне. Я немножко поблевал по пути, а мало что соображавшая Галя перманентно спрашивала, видимо мгновенно забывая свой вопрос:

— Саш, тебе что, плохо?

Мне плохо!? Мне плохо!? Да мне пиздец!!!

...Конечно плохо, если человек блюет...

Потом Галке ударила моча сходить к подруге. Мы пошли, качаясь тонкою рябиной. Проснувшаяся подружка увидела наше трудное состояние и пошла провожать нас обратно до дома.

А наутро вся деревня говорила, что мы с Галей ночью бродили пьяные как качающиеся приведения.

Третий раз я хорошо назюзюкался в доме отдыха им. Владимира Ильича, на озере Сенеж. Наша банда в полном составе плюс Вова Моренблит из параллельной группы отдыхали там на зимних каникулах. Но Сенежу необходимо посвятить целую главу. И я посвящу этому целую главу. И я так и назову ее — «Сенеж». И вот она, эта глава...

ГЛАВА 12

Сенеж.

Наша бандитская жизнь делится на несколько этапов. Они все называются по местам и времени пребывания: Запор, Картошка, Жопя (лагеря), Магнитогорск, Строяк, Диплом, Медведиха, Пицунда. И один из этапов — Сенеж.

...К Владимиру Ильичу мы приехали со своими лыжами. Это было зимой 1985 года. В застой. Последняя зима застоя, унесенная ветром. До апрельского пленума 1985 года, до Оша и Ферганы, до Ельцина и Лигачева, до Цхинвала, Молдовы, Гамсахурдия. До Берлинской стены. До гуманитарной помощи и Абхазии, и Жириновского, и Гайдара.

До антиалкогольного Указа.

Еще в поселковом магазинчике при доме отдыха вовсю стояло вино. «Лучафэр». «Мэргэритар». «Вечерний звон» в ушах. С тех пор я знаю: в мою сине-красную сумку, подаренную мамой, входит ровно 10 бутылок по 0,7.* А что еще вам сказать?

Многие охотники любят фотографироваться на фоне заваленных зверей. А мы на Сенеже по очереди снимались на фоне поверженных бутылок. Я — и 12 пустых бутылок в ряд. Яшка — и 12 пустых бутылок в ряд. Баранов — и 12 пустых

* Но это не значит, что мы купили только 10 бутылок. О, нет!

бутылок в ряд. Бен — и 12 пустых бутылок в ряд. (Потом мы их сдали и купили еще винца.)

Уставали, однако, охуенно... Хотя комнаты были оформлены хорошо. На стенку мы даже повесили большой график попоек, расписали дозы в лигрылах. Графа «план», графа «факт». Крестиками отмечали выполнение ...

На стенках лозунги приспособили: «Уничтожайте бронтозавров — разносчиков заразы!» «Резиновый игуанодон — лучший подарок вашему ребенку». Кстати, насчет игуанодонов. На лампу мы повесили развернутые презервативы. Штук 5. На каждом написали инструкцию по пользованию. Что-то типа «...и надеть на хуй.»

На входной же двери перманентно висело объявление, прилепленное барановскими соплями:

«ТИХО! ИДЕТ ПОПОЙКА!»

Но уставали, конечно, охуенно. До обеда — лыжи, спорт, оздоровление, после обеда — штопор, вино, оздоровление. Однажды пошли мы через озеро Сенеж на лыжах, прямо по льду. (Это я всех подбил, хуежопый.) Шли на некотором расстоянии друг от друга (это я подучил), чтоб в случае чего, не ухнуть под лед всем сразу. Дошли до той стороны, потыкали в нее лыжными палками и попиздюхали обратно. Именно попиздюхали. Ибо началась пурга, берегов не видно. Лыжи, видимо, от близости воды, скользить по снегу перестали, и снег начал сугробами прилипать в них. Мы не катились, мы просто переступали, как при ходьбе, волоча пудовые кандалы. Вымотались в ебаный рот. У меня потом, когда вино разливал, руки от усталости тряслись. Так устал.

Моренблит познакомил нас с бабами, с которыми сидел за столиком в столовой. Ведь мы-то — наша банда — сидели в полном составе отдельно, за четырехместным столиком. Баранов сидел у хлеба, и когда мне нужен был кусочек, я спрашивал:

— Баран, ты пиздатый чувак?

— Пиздатый.

— Тогда дай хлеба.*

В конце концов Баранов привык, и когда я раскрывал рот о пиздатости, он уже машинально тянулся к хлебнице...

Моренблит, я говорю, познакомил нас с бабами со своего

* Я его много ем.

стола. (От нашего стола — вашему столу). Значит, Амина — симпатичная татарочка, но, к сожаленью, с большой жопой; Лида Сазонова — подруга Натальи Беловой; и сама Наталья Белова — будущая жена Баранова.

Три штуки.

...Ведь что такое судьба? Я ебу. Говорят, индейка. Хуй там! Целый индеец! Кто бы мог подумать, что те девчонки, с которыми познакомил нас Вова Моренблит... Что все так обернется. Ой, блядь...

Девки жили в комнате № 304. Эту цифру мы все запомнили надолго. Да хули, ептыть, — навсегда! С тех пор и на веки у всей нашей банды, кроме Баранова, один шифр для вокзальных ячеек автоматических камер хранения и прочих кодовых замков. Куда бы мы ни ехали, вместе ли, порознь ли, везде, закидывая шмотки на пару часов в камеру хранения (чтоб без вещей свободно погулять до поезда или автобуса, поскольку сидеть на кулях в грязном зале — провинциальный быдлизм и плебейство), — везде и всегда мы набираем на внутренней стороне дверцы единый пароль Вселенной — «Б-304». Бляди из 304-й комнаты. Хотя в блядстве они не были замечены, справедливость требует это отметить. Но ведь можно расшифровать и нейтрально: бабы из 304-й.*

Итак, что такое судьба?.. Ведь жизнь кидала нам подсказки. Как-то, съевшись с войны (военной кафедры) мы начали гулять в окрестностях войны и пригуляли к ограде Хованского кладбища. Кто-то предложил (видимо, это был мрачный Бен):

— А давайте по кладбищу погуляем.

Хули, мы нашли первую попавшуюся дыру в заборе, залезли в нее, и что вы думаете? Попали на участок № 304 (табличка стояла), и первая же к табличке могила была могилой Баранова. На гранитном памятнике большими золотыми буквами: БАРАНОВ. Нарочно не придумаешь. Мы поняли: Баранов женится на этой Натахе из 304-й. И точно.

После диплома, осенью Баранов поженился. Проводив товарища в последний путь, мы потом справили у меня дома сначала 9, а потом и 40 дней со дня свадьбы. Я произнес прочувственную речь:

— Хули... от нас навсегда ушел наш друг... он был... И такой

* Хотя, после выхода книги код придется, наверное, сменить: спиздят — самая читающая в мире страна.

и сякой... но мы все равно любим и помним его... Все время я спрашиваю себя: все ли мы сделали, чтобы наш товарищ был сейчас с нами? И отвечаю: не все... Могли ли мы... — И так далее.

Адам первый среди нас покинул наш мир. Он стал первым мертвым трупом среди нас, замужним чуваком.

Кстати, на свадьбу мы подарили Баранову большой угольный самовар с выгравированной на крышке надписью «Поручику Баранову в день отставки отъ господъ офицеровъ». И наган игрушечный с пистонами. Поручик должен уходить в отставку с личным оружием. Офицера должны хоронить с личным оружием, а то неинтересно.

Это просто судьба его достала, я считаю. Ведь мы разъехались с Сенежа, не обменявшись с бабами адресами. А они потом приехали в МИСиС и чисто случайно нашли меня в одном из корпусов. Я, мирно пописав, случайно вышел из сральника и буквально хуй к носу столкнулся с ними. Они искали нас под предлогом каких-то кроссовок, хуйня-муйня... неважно. Важно, что они искали и нашли нас.

Короче, на Сенеже нам, как всегда, хотелось кого-то выебать, а 304-е берегли целку. Хотя некоторые тщетные надежды у нас еще оставались: мы же не знали тогда, что у девок такие злобные намерения — выйти замуж с целкой.

А однажды, в день, когда к нам в гости приехал Соломон в рассуждении поебаться, мы с Яшкой вернулись с дискотеки, где ничего путного не выбрали и увидели, как из окна соседнего корпуса две какие-то бабы призывно машут нам гитарой. Мы схватили последнюю бутылку вина, гандоны и побежали...

Так, а почему у нас осталась последняя бутылка? Ведь это не был недосмотр... А-а-а... Просто накануне... Дело в том, что мы там однажды накирялись за несколько дней до этого. Мы с Беном поблевали. Это я точно помню. Пили красное крепленое вино, смешанное с белым. Я полпраковины красной блевотины нарыгал. Худо было. Потом я бродил качаясь по коридорам, в очередной раз давая себе зарок — больше так не напиваться. Меру надо знать.

Вот взять Вову Королева. Вова Королев меру знает. Кирнет себе немного и сидит, улыбается умильно. И на Магнитке так было, и в общаге Дом Коммуны, и везде. Правда, однажды у Вовы что-то отключилось. Он потом мне сам рассказывал.

Сломался у Вовца в тот раз стоп-кран, и он нахуячился хуй знает как. Два часа спал в ванной, потом очутился в кровати.

А утром воскрес. Первая мысль: «Вроде, ничего вчера все прошло». Вова встал и сделал шаг к двери: умыться шел. И в этот момент будто ураган налетел на Вову. В башке помутилось, качнуло, поплыло, и Вова блеванул на дверь. Дополз до кровати и блеванул в постель. К обеду сердобольные соседи позвали Вову кушать. Вова только успел понюхать яблочко, как его опять резко замутило, и он снова наблевал, теперь уже на обеденный стол. Так Вова болел два дня. Отравился...

В общем, после той памятной сенежской попойки я сдвинул предохранитель и законтрил гайку, прекрасно понимая, что рано или поздно она все равно ослабнет и сползет. После гранд-попойки у нас вышло все вино. А поскольку это был студенческий заезд, вино кончилось и в поселковой лавке. И тогда мы впятером пошли в поход пешком в близлежащий город Солнечногорск. И там в окраинном магазине затарились «Салютом», белым «Столовым» и еще каким-то говном. В тот же вечер мы пили у баб в 304-й. Бабы бухали изрядно. У меня сработала контровка, и в тот раз я был более-менее трезв. А Яша ходил по корпусу очень веселый и лыбился жизни. В какой-то момент он подошел ко мне и смеясь сообщил радостную весть:

— Блит на коврик наблевал.

Во всех комнатах у кроватей лежали такие коврики. Толстому Моренблиту показалось мало вина и, вернувшись от девок, он хлебнул еще спиртика из своей заветной бутылочки (мама-врач дала для нужд). Толстый организм Блита не справился с нагрузкой и частично исторг отраву в виде блевотины на коврик. Пьяному Яшке это показалось очень смешным, он сунул Блиту в руки половую тряпку и побежал к нам в 304-ю комнату делиться радостью:

— Блит на коврик наблевал...

После того случая у нас еще оставалось несколько вина — две бутылки. Но однажды, по графику в свободный от выпивки день, мы пришли с обеда, собрались у нас в комнате, очистили последний мандарин, разделили его на 5 частей и под мандарин уговорили еще бутылку. И попутно обсудили еще какую-то бабу из института.

— Она ничего, — сказал толстый Блит. — Только вот рожу ей надо подремонтировать.

— Гаечным ключом, — остроумно заметил я.

Так у нас осталась всего одна бутылка. Именно ее мы с Яшей и прихватили, когда полетели к бабам в соседний корпус на крыльях любви и надежды поебаться. Но увы...

Есть такая подлая порода блядских баб, общительных гитаристок, которым лишь бы, блядь, языки почесать, сукам. Эти две пидараски были из их числа. Во-первых, они оказались из геологоразведочного института — полевая романтика у них в жопе играла — костры, песни под гитару, душевный треп и идиотская вера в женско-мужскую дружбу. Во-вторых, одна из них, Машка, была страшна как смерть. «На козу похожа,» — шепнул я Яшке.

Мы сидели, пиздели, хлопнули бутылку вина, попели какую-то хуйню под гитару. И все это в ожидании — когда же спать (читай: ебаться). Мы рассказали им про композитора Берковского *, читавшего у нас лекции по Теории процессов, про знаменитого полярника Дмитрия Шпаро, который у нас вел семинары по теории вероятности и который давно забыл всю статистику («хи-квадрат распределение»), обменяв ее на обветренное лицо и орден Ленина. Рассказали даже про композитора Матецкого **, который закончив МИСиС, пытался защититься в лаборатории ППДиУ и бегал под началом научного руководителя Тилянова (под ним, кстати, и я год бегал при аспирантуре, пока не ушел. Но Матецкий, скажу я вам, так и не защитился. И я тоже. Ушли мы.)

В общем, мы трепались, тянули время, оно шло. Это было в застойные годы, когда ебля партией и правительством сутубо не поощрялась и допускалась только в случае ее регистрации в отделах ЗАГСа. «СПИД-инфо» еще не выходил, Игорь Кон сражался в подполье. Поэтому в 11 часов все корпуса закрывались и никого не впускали и не выпускали под угрозой отселения с сообщением по месту работы. То есть после 11 уходить нам было уже нельзя. Для нас с Яшкой это был официальный предлог остаться на ночь и между делом — раз уж вместе ночуем — поебаться. Не выпускают, не выпускают,

* Виктор Берковский — композитор и кандидат технических наук. (Музыка к светловской «Гренаде»). Мой современник.

** Лаванда, горная лаванда...

шаг влево, шаг вправо — сообщение в институт. Угроза отчисления за еблю.

Между тем у нас с Яшей уже вышел маленький спор — кто кого будет ебать. Никто не хотел козью Машу, а все хотели Олю. (Из вышесказанного следует, что мы с Яшей еще не вружились на каких человеческих типов наткнулись в лице этих сраных девок — на неебущихся человеческих типов. В самом деле — позвать мужиков вечером, чтоб с ними не поебаться — это не могло вместиться в наши неразвитые мозги! Мы еще были молоды и не знали жизнь до таких тонкостей.)

— Чур я ебу Олю, я первый сказал! — заявил я, когда мы на минуту уединились с Яшей в коридоре.

— Это уж мы посмотрим! — самонадеянно не согласился Яша.

Развилась здоровая конкуренция. В процессе трепа мы оба как можно ближе подсаживались к Оле, игнорируя Машу.

И вот после одиннадцати разговор стал затухать. Пора было уходить или ложиться спать, потому что ночь. Мы сделали вид, что якобы уходим.

— Если двери уже заперты, возвращайтесь к нам, — сказали эти дуры, — черт с ней, с репутацией.

Да, это были не ебливые, это были просто очень компанейские дуры с гитарой и желанием душевно поговорить с новыми людьми. Бывают такие уроды в людях. Мы с Яшей спустились на один этаж, затаились, переждали некоторое время и вернулись к этим блядам, еще не понимая провала, с глупой надеждой, которая умирает последней, с предвкушением ебли и легкой борьбы за Олю. Я не сомневался, что Оля предпочтет меня. Яша был уверен в обратном. Он считал, что произвел впечатление своей игрой на гитаре, я считал, что охмурил Олю пиздежом.

— Двери уже закрыты, шмон, облава, не пройти! — телеграфным стилем заявили мы, так и не спустившись к выходной двери. Сделали вид, что хотели уйти, да не удалось и вот теперь, хошь, не хошь, а придется ебаться.

И тут эти глупые дуры, вместо того, чтобы поебаться, сразу заявили, что они будут спать вот здесь, а мы — вот здесь. Они на одной кровати, стало быть, мы на другой. Они даже попросили нас отвернуться, пока они ложились! Прошман-довки.

Легли. Некоторое время мы еще рассказывали друг другу

анекдоты, причем бабы рассказывали и сальные! (Ну дуры!!!) А потом все на хуй уснули.

Утром в 6 часов в радио заиграл сраный гимн, разбудив нас с Яшкой. Яшка выскочил из-под одеяла и в своих белых трусерах, сверкая и трясая яйцами, помчался в угол выключать приемник.

Больше мы к этим блядам не ходили, хотя они и звали еще разик поговорить вечером. (А может, хотели исправить свою ошибку? Я все-таки верю в людей.)

Междутем у нас в корпусе все были уверены, что мы с Яшей ушли ебаться. Больше всех сокрушался Соломон, который спал на моей кровати:

— Никонов с Макеевым ебутся, а мы тут Муму ебем!

Даже Соломон — блядовед, хуеграф и пиздолуб — не сумел снять тут никакого ебова, хотя я думал, что свинья везде грязи найдет.

— Что? — с надеждой спросил нас неебаный Баранов. — Спали на разных кроватях?

Видимо, неебаному Баранову вульгарная ебля представлялась таким сверхсобытием, что он никак не мог принять в свой ум, что мы вот так вот просто могли пойти на ночь и поебаться. Он чуть-чуть завидовал и слегка ревновал нас к удаче. На его счастье, все так и получилось, как он спросил. Мы не поебались тогда. И Баранов облегченно рассмеялся.

...А Баранов первый раз в жизни поебался позже, летом 1985 года, в разгар антиалкогольной компании, когда мы были в лагерях. (Баранов войну не посещал, сделал себе справку, хитрожопый.) Он с каким-то приятелем пошел на пляж, они сняли двух баб, отвели на квартиру и, пока мы как проклятые защищали родину на лагерных сборах, Адам пил водку и ебал ту бабу, с пляжа снятую. Ее звали Марина. Так Баранов стал мужчиной. Ему понравилось быть мужчиной. Он потом нам все в подробностях рассказал. (Я все помню, Адам!)

ГЛАВА 13,

по всем приметам несчастливая.

В четвертый раз я был крепко бухой в беляевской общаге, где мы отмечали 8 марта. Это послесенежская весна. Сазонова и Белова к тому времени уже нашли нас. Баранов взял Белову

с собой, они вскоре уползли на дискотеку, а остальные люди остались пить.

— Надо поссать, — сказал Вова Королев и пошел в туалетик.

Мужчина пописал и вернулся. Попойка продолжалась. Некто Рубин повторил мой трюк — он записал наш пьяный треп на магнитофон, а потом все не давал нам прослушать. Я даже подговаривал Яшку и Бена наказать Рубина — привязать к кровати и выпороть.

Рубин, по нашей офицерской легенде, был интендантом. Весьма мужик своеобразный. Что-то в нем есть — то ли ума палата, то ли говна тачка. Чуток не от мира сего, но в хорошем смысле, в эйнштейновском, в эпилептическом. Такой головастый, но слегка ебанутый. Слегка больше, чем все. Он приехал в МИСиС из цветущего Еревана. (Тогда еще СССР был одной большой дружбой народов.) А в этом году, году написания книги, оставшаяся в Ереване сухонькая старушка-мама Рубина всю зиму сидела в квартире без отопления, электричества и газа, как и весь город. Там идет война и мало еды. Жалко мне маму Рубина. Мне всегда очень жалко мам-старушек. И себя в критических ситуациях я всегда жалел как бы через мать, ее глазами, и жалел, наверное, даже не себя, а ее — вот если бы она меня видела в столь жалком положении, бедная моя. Я не жалею гибнущих молодыми людей, чего их жалеть, их уже нет, но мне ужасно больно за их родителей, в особенности за матерей. Сердце кровью. Я много могу простить человеку за его мать. Если увижу его мать. Вот бы свести лицом к лицу, глаза в глаза армейских дедов-садистов, избитых жертв-духов и их матерей.

Вспомни о матери того, кого бьешь, вспомни о своей матери, когда кого-то бьешь смертным боем. Какими бы глазами они сейчас посмотрели, если б оказались рядом...

Чего-то я отвлекся...

В тот раз я тоже здорово упился. Вышагивал ногами по комнате, рассуждал. Вскоре в комнату зашел Валера Медведкин из нашей группы со своей бабой, снятой для случки. Он был под мухой. А его баба попросила у меня попить. Я взял стакан граненый и пошел к источнику воды. Но ванна была закрыта, тогда мой пьяный мозг зашел в туалет, спустил воду, набрал из потока в стакан и отнес бабе. Но зато я потом

подарил ей дешевый брелок в виде рыбки-открывалки, купленный в Череповце. Она не открывала, видно, бракованная была, я и подарил. Говна-то...

ГЛАВА 14,

следующая, под кассету.

Там, на неведомы дорожках следы невиданных зверей, хуйнюшка там на курьих лапках... Откажусь ли я когда-нибудь от этой своей книги? Вряд ли. Я мудр.

Все проходит. Пройдет и моя жизнь. И даже твоя, читатель.

В Медведихе, где родился мой отец, а ныне наша дача, лежат везде большие и малые кругло обкатанные валуны. Откуда они там, где морем и не пахнет? Это следы давно ушедшего ледника. Они лежат тут десятки тысяч лет и перележат всех нас.

Мы когда-то всей бандой пили здесь, древние викинги. Этого не вернуть, это ушло. Все проходит и в большом и в малом.

На втором курсе мы все поголовно тащились от эмигранта Токарева. Еще бы: эмигрант, почти враг справедливой Советской власти. Необычность. Хуй требовал... Все проходит. Теперь и Токарев остался только на кассете.

«Я нигде без тебя не утешусь, пропаду без тебя, моя Русь.»

Или утешусь. Родина понятие относительное.

Мой дед пропал без вести где-то под Смоленском в 1942 году. А я почему-то помню слова отца о деде:

— Мне сейчас 54 и считаю себя еще молодым, а в 42-м забрали на фронт отца с грыжей, тогда ему было 43 года, и я думал: ну как же можно брать такого старика, как же он побегит с винтовкой, такой старик?

У него, наверное, были мозолистые крестьянские руки...

У деда нет могилы. Отец, помню, писал куда-то, что-то выяснял, искал. Тщетно.

Маленьким во время войны отец пахал в колхозе на быках. Калинин немцы взяли, а до Медведихи не дошли, хотя на 50 верст в округе не было ни одного нашего солдата.

— Наши бежали через деревню толпами. Прошли и ушли, — вспоминал отец. — И никого. Один раз только немецкий летчик на самолете пролетел у деревни. Так низко-низко, что мы, пацаны, видели его очки-консервы. Он помахал нам

рукой, качнул крыльями и улетел. Но уже примерно через неделю вернулись наши...И пошли в другую сторону организованным порядком. За ними пришла и похоронка.

...Хорошее слово «наши», зря отдали его Невзорову...

«Вези меня, извозчик, по гулкой мостовой...»

А бабушка когда я спрашивал у нее как они жили при царе Николае-кровавом, совсем не по школьной истории говорила: хорошо жили, неплохо. Ей в 1917 году исполнилось 15 лет.

— А потом начался голод, при большевиках.

Голод. Это уже рассказы матери. Единственное, что она запомнила из детства — постоянное ощущение голода. Доминанта.

...Маленькая девочка, случайно нашедшая за печкой засохший и изъеденный тараканами кусочек сухаря, прижала его к груди и прибежала к маме:

— Ой, мама, какая же я счастливая! Смотри, что я нашла!..

Эта девочка — моя мать. С кого мне спросить за ее голодное детство? Ебал я в рот все учебники, которыми мне засирала голову КПСС, ебал я всех коммунистов, патриотов... — говорю я сейчас. А тогда рассказы близких странным образом совмещались с верой в незыблемую справедливость Советов, преимущества планирования и основной экономической закон неуклонного роста благосостояния. Ебанный в рот!

* * *

Я родился через 19 лет после войны, через 47 лет после Октябрьского переворота в Питере и умру в 21 веке, оставив родителей в двадцатом, прошлом веке, уже в истопе. Мама моя...

Я родился, когда еще был жив Гагарин, я родился всего через 19 лет после второй мировой войны. А вы?..

ГЛАВА 15.

Осень жизни.

«Оторвите меня от земли, журавли.»

Почему все сочиняют и поют о журавлях? Национальная птица? И Токарев, и я, и Гамзатов, и Северный, и этот Асмолов. Очень многие.

*«Мне постоянно снятся
крылья, чтоб к вам подняться»
Осень и — «последний
журавлиный*

клин»

Уходящее время года, унылая пора, прощальное курлы-
канье — у всех людей и поэтов навевают печаль.

*«Не в землю нашу легли когда-то, а превратились в белых
журавлей...»*

«Белым крылом грешной касаясь Земли.»

Вот запишу целую кассету разных песен о журавлях,
прослушаю и повешусь на хуй.

...Заметил: во второй половине жизни, к старости мужиков
тянет к земле. Из земли возник, в землю и уйдешь.

*А я хочу тропинкой виться
В осенних убранных полях.
Здесь умереть и раствориться
В российских реках и кремлях...*

ЧАСТЬ 2

Унесет

ГЛАВА 16.

Фотографии.

...По здравому раз-
судку книги за полной
и красивая, чувст-

ГЛАВА 17.

Хронология.

Надо наконец навест-
и предварительно рас-
судки бандитской
и, туда-сюда.

Итак, после первого ку-
стика в Магнитогорск
— стройки колхоз. П
Яшской, Стасом и Т
и, о-здоровительн
того же года полгруппы
и, а полгруппы
с Беном были

ЧАСТЬ 2.

Унесенные на хуй.

ГЛАВА 16.

Фотография.

...По здравому размышлению я решил выкинуть эту главу из книги за полной ненужностью, хотя она сама по себе была красивая, чувствительная такая, ну да хуй с ней...

ГЛАВА 17.

Хронология.

Надо наконец навести в книге порядок и написать о море. Но предварительно расположить в хронологическом порядке все этапы бандитской жизни, а то я шарахаюсь как роза в полынь, туда-сюда.

Итак, после первого курса была месячная ознакомительная практика в Магнитогорске — лето 1982 года. В следующем году — строяк и колхоз. После третьего курса, летом 1984 года я с Яшкой, Стасом и Т. Половцовой ездил в Пицунду в спортивно-оздоровительный лагерь «Металлург», а в сентябре того же года полгруппы поехали на практику на 1,5 месяца в Череповец, а полгруппы — в подмосковную Черноголовку. Мы с Беном были в Черепе, а Микоян с Барановым — в

«Чернозалупке». (Но я знаю, что Яшка там однажды в сиську нарезался и ходил пьяный по улицам. Мне донесли.)

1985 год — насыщенный очень. В зимние каникулы — Сенеж. Лето — Медведиха и военные сборы под Калинином. А осенью (август-октябрь) — производственная практика в Запорожье.

На следующий год диплом. А летом 1986 года я, Бен и Яшка, взяв двухместную барановскую палатку, поехали на юга, в Пицунду, где жили в часе ходьбы от «Металлурга», в третьем ущелье.

Но жизнь в виде попоек и поебок текла и во время учебных семестров, хотя и несколько замедленно. Для особой наглядности я расположу сейчас все этапы в виде отдельной схемы, чтобы каждый читатель, поднятый среди ночи пинком в рыло, мог сразу ответить. Хлопнуть эдак ночью сверху по хуиной голове читателя:

- А ну-ка, гнида, когда был Запор?
- С середины августа по середину октября 1985-го года!
- Ладно, спи покуда...

1982 лето — Магнитогорск — после первого курса

1983 лето — Строяк — после 2 курса

1983 осень — Колхоз — начало 3 курса

1984 лето — Пицунда — после 3 курса

1984 осень — Череп — начало 4 курса

1985 зима — Сенеж — 4 курс

1985 лето — Медведиха — после 4 курса

1985 лето — Жопа (лагеря) — после 4 курса

1985 авг.-окт. — Запор — начало 5 курса

1986 весна — Диплом — 5 курс

1986 лето — Пицунда (3-е ущелье) — после 5 курса

Эту табличку надо выучить. Приду, проверю.

Кто не работает, тот срань.

ГЛАВА 18

Как я на спор поебался.

Я подумал и решил, что об этом расскажу позже, а сейчас о другом.

ГЛАВА 18.

Хуюс, Членис, Пенис, Пиписис.

А когда мы отмечали введение антиалкогольного Указа, названного в народе сухим законом, купили несколько бутылок вина и шарахнули их вкруговую из майонезной баночки в беляевском лесу. Никто не блевал...

На лекциях мы тоже времени даром не теряли, а играли в литературные игры, поскольку были рафинированные интеллигенты. Один пишет на листочке первые 2 строки стихотворения в рифму, другой — другие 2 строки, и так стих ковыляет сам по себе, ища себе дорогу. Вот пример.

Детишек много, на спинах ранцы,
Все утром в школу идут, засранцы.
Идет Ванюша в расцвете лет,
В кармане финка, в руках кастет.
Потянет Таня на первый сорт:
В 12 лет — второй аборт.
Кто в том повинен — поди дознайся:
Ромашкин Вова иль Дубов Вася?
А может Коля, а может Сидор,
А может Юра по кличке Пидор?
Приходят в классы, садясь за парты,
А на камчатке играют в карты
На человека — училку Зинку,
В нее продувший запустит финку.
Продулся в дупель Печенкин Стас,
Попал ей ручкой под левый глаз,
Поскольку финки кидает худо
Тот сраный Стасик, паршивый муда.
Шел мимо завуч, услышал крики,
Дверь открывает — о ужас дикий!
Помчался завуч, старик несчастный,
Ведь это дети — народ опасный.
Бежал он быстро, всем жить охота,
А у детишек своя забота:
Пинают Зинку и в глаз и в ухо,
А кто-то хочет разрезать брюхо.*

* Для динамизма я некоторые двустрочия выкинул.

*Вдруг слышат голос: «За парты всем!»
Вошел директор, в руке ПМ.*
Попробуй вякни, жесток грузин!
И в лоб залепит весь магазин.
Ребята быстро за парты сели,
Убрали финки свои в портфели.
Училка встала, как ей не злиться?
Плюется кровью и матерится.
И то спасибо, что хоть живая:
Ведь в этом классе она восьмая!*

По тому же принципу рисовались комиксы: одна картинка одного автора, другая — другого.

Но интереснее всего были прозаические полотна, написанные поочередно несколькими авторами. Каждый выбирал себе персонаж, одного или нескольких героев и говорил, и действовал за них поочередно в пределах реплики или какого-то небольшого участка текста. Каждый вел своего персонажа и, в зависимости от сюжета, старался сделать ему хорошо.

Иногда разворачивалась жуткая борьба между авторами через персонажей. Усложнялось дело тем, что персонажи действовали в основном через разговоры. Надо сказать, что мои герои чаще одерживали победы, я упорно гнул свою линию. Это свидетельствует, на мой взгляд, о превосходстве моей фантазии, некоторой природной агрессивности и упрямстве, умении настоять на своем, когда нужно. Хороший я мужик.

Очень долго и нудно у нас тянулась эпопея о некоем неудачном сицилийском мафиози Родригесе и его приятеле Санчо Паноса с названием «Из жизни мафии». Я вел Родригеса, Бен — Санчо, Яшка — лейтенанта Интерпола Дэрмо и старика Гандоне. Двое мафиози поехали в Ленинград, чтобы выкрасть из Эрмитажа статую амура, просящего подаяния. За ними все время охотится лейтенант Дэрмо.

Была у нас космическая история, где действовали Хуюс, Членис, Пенис, Пиписис.

Были истории о средневековых инквизиторских допросах, абстрактные диалоги, эпизоды о стычках работников МВД и КГБ... Была повесть на шести клетчатых тетрадных листах о

* Пистолет Макарова.

том, как мы в лагерях едем в танке на стрельбище, а кто-то в танке бзднул, а потом насрал в снарядную гильзу. Были шпионские страсти. И многое другое.

Очень трогательная история, помнится, сложилась про бандитов. Хороши там были действующие лица: главарь бандитов Скотопизд, его дочь Любовь Скотопиздовна, некая Блядина Демидова, грузин Мандулия, грузин Боулия, старик Еблыська, поручик Хуевич в пенсне, с наганом.

Отрывок подобной эпопеи для примера и строгой оценки нашей студенческой деятельности литературоведами, я быть может приведу в Приложении. Его читать не обязательно, это только для продвинутых. А также для заядлых эстетствующих молодчиков от литературы. Иногда в охотку случалось и индивидуальное творчество. Я вот стихи написал:

*Хочу в стихах я, а не в прозе
Про радость жизни написать:
Люблю пописать на морозе,
А проще говоря — поссать.*

*Привычным жестом, по старинке,
Над предрассудками смеясь,
Я извлекаю из ширинки
Холодный член, не торопясь.*

*Чуть-чуть помедлю, ожидая,
И вот с улыбкой вижу я,
Как, снег пушистый разъедая,
Журчит ядреная струя.*

*Клубится пар густым туманом
И попадает в глаз и в рот.
И будь ты трезвым или пьяным —
Душа ликует и поет.*

Или.

*Не надо!
Не орите на меня звонко,
Я могу умереть от страха.
Я поэт, человек тонкий,
И идите вы все на хуй!*

Писулю с этим стихом я направил Бену. Он написал: «Сам пошел!» Имея в виду на хуй. Тогда я послал писулю Воле Моренблиту на повторную рецензию. Вова написал: «Присоединяюсь к предыдущей рецензии.» Козел. Ни хуя нет пророка для местных распиздяев.

Но я и разные другие стихи писал. В том числе и про офицеров, конечно. И вот однажды, вдохновленный моими виршами, Рубин показал их своей даме сердца и будущей жене, а потом притащил мне ответ — фронтовой треугольник. Но прежде чем огласить его содержание, я должен познакомить аудиторию со своими шедеврами.

РУССКАЯ РУЛЕТКА.

*Снова дым над столом,
Снова водка в стакане,
Тупорылый патрон
Притаился в нагане.*

*Вновь бокалы звенят
В бестолковом угаре.
Ну и масть у меня —
Всякой твари по паре.*

Припев:

*Позабудьте, барон,
Бесполезные споры.
Все равно для ворон
Что святые, что воры.*

*Мои карты, барон,
Так смешно наблюдать —
Короли без корон,
Они биты опять.*

*Затрещит на ладони
Барабаном судьба.
Вспоминаются кони,
Где-то стонет труба.*

Припев.

Припев.

А еще вот стих:

Нын
Сует
Что
Лишь

Пулем
И ста
Лошад
Это бь

Над же
Я лечу о
Сын, кон
Но упави

Мой случ
Придерж
Все доро
Из России

Тройка ска
Тройка мчи
Мы прожи
Будто день

В небе груст
Шелестят э
И следы на
Пропад

Как всегда дам зарок —
Брошу пить и уйду,
Если щелкнет курок
По пустому гнезду.

Повезло. И привычно
Снова карты сдаю.
И клянусь как обычно
Эту слабость мою.

Припев.

А еще вот стих:

Нынче все потерялось.
Суета и обман.
Что от жизни осталось?..
Лишь потертый наган.

Пулеметные ливни
И станичные хаты,
Лошадиные гривы —
Это было когда-то.

Над желтеющей нивой
Я лечу от беды,
Сын, конечно, счастливой,
Но упавшей звезды.

Мой случайный попутчик,
Придержите свой кнут:
Все дороги, поручик,
Из России бегут.

Тройка скачет удало,
Тройка мчится вперед.
Мы прожили так мало,
Будто день или год.

В небе грустно и бойко
Шелестят журавли,
И следы нашей тройки
Пропадают вдали.

Колокольчик старинный —
Чистый звон в облаках,
А дорога пустынна
Будто в старых стихах.

С бесполезным стараньем
Мы бежим от судьбы.
И мелькают в тумане
Верстовые столбы.

Дышим хрипло, устало
И глядим тяжело.
Мы прожили так мало,
Может быть ничего...

А склоны все круче.
А ветер в лицо все сильнее,
Я прошу вас, поручик,
Я прошу, не гоните коней.

А вот прочитав стихи «Пока 12 не пробилло», будущая рубинская жена и написала мне треугольник. У меня там как-то так было:

Пока 12 не пробилло,
Пока не начат артналет,
Выпьем мы за то, что было,
Выпьем, господа, за старый год...

И так далее. И вот я получаю от нее треугольник — «ПИСЬМО НА ФРОНТ».

«Действующая армия. Штабс-капитану Его Императорского величества Тверского непробиваемого полка Николу А. П.

Сher Александр!
Вы помните то время,
Когда еще Вы жили на Тверском?
Не думайте, что Вы забыты всеми,
Кто до германской с Вами был знаком.

Перед войной, в собрании, на бале
Мой брат-повеса познакомил нас.

Вы Б.
Когда

Призн
Фигур
И как
Мне со

Мой бр
(У каж
Я знала
Теперь

Вы б не
Не в шл
С крест
Дежурю

Я к Вам
Виной то
Что (не д
(Я часто

Храни Вас
Я каждый
Как стран
А голос Ва

Прощайте
Что очень

PS. А на Ар
И у Никит

Штабс-капитан тут

ПИСЬМО

Дожди. Дожд
Воды в окопа
Но все же мь
Я вспоминаю

Вы Блока, Северянина читали,
Когда мы танцевали па-де-грас.

Признаюсь, мне потом частенько снилась
Фигура Ваша в блеске аксельбант..
И как судьбы негаданную милость
Мне сообщил Ваш адрес интендант.

Мой брат при государе адъютантом
(У каждого, конечно, свой талант)
Я знала Вас поручиком и франтом,
Теперь Вы, говорят, Штабс-капитан.

Вы б не узнали девочку-курсистку:
Не в шляпке я с цветками на полях —
С крестом косынка над бровями низко
Дежурю по ночам в госпиталях.

Я к Вам пишу, как сказано в романе.
Виной тому не взбалмошность, а страх,
Что (не дай Бог!) убьют Вас или ранят.
(Я часто вижу смерти — медсестра.)

Храни Вас Бог от пули иль осколка.
Я каждый день и час молюсь за Вас..
Как странно — мы не виделись так долго,
А голос Ваш я слышу как сейчас.

Прощайте. Жду письма. Живу надеждой,
Что очень скоро немцев разобьют.

PS. А на Арбате музыка как прежде,
И у Никитских розы продают.

Штабс-капитан тут же нахуякал ответ девушке.

ПИСЬМО С ФРОНТА.

Дожди. Дожди стоят над нами,
Воды в окопах до колен,
Но все же мысленно я с Вами,
Я вспоминаю Вас, Элен.

И нет уже окопной глины,
Не липнет к телу мокрый шелк,
Вдруг испарился, умер, сгинул
Окочаневший третий полк.

И я не ежусь в грязной бурке.
Мне в воспаленной голове
Вдруг кажется — я в Петербурге,
Или напротив — я в Москве.

Холодный ветер на опушке
Доносит странные слова:
«Монетный двор», «Литейный», «Пушкин»,
«Замоскворечье», «Яр», «Нева».

Неужто все когда-то было —
Река и розы в полынье?..
Мы познакомились так мило.
«Pardon, madame» — «Pardon, monsieur».

«Et je vous pris...» — «Ну что вы, право...»
Тверской бульвар, парадный строй,
Потом театр и крики «браво»...
Все это было... Боже мой!

А вот теперь в осенней каше,
Где то и дело «в душу мать»,
Лицо, улыбку, жесты Ваши
Мне все труднее вспоминать.

Теперь мне ближе вой снаряда,
(Как итальянцу близок Тибр).
И если ляжет где-то рядом,
Я точно укажу калибр.

Ну что ж, быть может, так и надо,
Как говорят попы — «юдоль»,
За все прошедшее награда —
Неутихающая боль.

Но все же пульс надеждой бьется,
Лишь в том я вижу смысл и суть,

Что все ушедшее вернется,
Что все пройдет когда-нибудь...

И вот снова она пишет:

ПИСЬМО НА ФРОНТ.

*Mon cher! Благодарю сердечно!
Письмо! Вот радость, Боже мой!
Вы вспоминали наши встречи,
И я все помню до одной.*

*Знакомясь, я нашла Вас дерзким:
Едва ль не в первый же момент
С апломбом чисто офицерским
Вы мне сказали комплимент.*

*Я вижу вновь как это было:
«Pardon, madame, vous etes tres belle...»
«Pardon, monsieur, — я возразила, —
Je suis encore mademoiselle!»*

*Зачем в Москве была к вам строже,
Чем мне хотелось — не пойму,
Но — случай, промысел ли Божий —
Весной мы встретились в Крыму.*

*Под ветром с запахом полынным
Там, на понтийском берегу
Упрямо древние руины
Элады память берегут.*

*Гекзаметр прибоя мерный
И парусов крылатый крен...
Сравнив с Прекрасною Еленой,
Вы стали звать меня Элен.*

*Лазури празднество и света,
Прогулки к морю допоздна
И звездопад на склоне лета —
Все вдруг оборвалось — Война!*

Вдруг — как по злому мановенью —
Нет места счастью и стихам,
Вой бабий, да в солдатском пенье
Тоска и удаль — пополам.

Знать, наших дней беспечных стая
Снялась и взмыла в синеву —
На поиски такого края,
Где боль и горе не живут.
W...

ПИСЬМО ИЗ ГОСПИТАЛЯ.

Приказ. Привычно, терпеливо —
В атаку, сбросив сон и негу.
Но что-то нынче мне тоскливо:
Я так соскучился по снегу...

Бежим по этому же лугу
Как час назад, как день, как век.
Мир будто движется по кругу.
Я так устал... Когда же снег?

И вдруг, как будто вниз с обрыва —
Удар и боль, оборван бег...
И дым шрапнельного разрыва
Как чистый снег, как первый снег.

Мне снег покоем обернулся
И долго плыл в бреду, увы.
Но вот случайно я очнулся
И показалось — рядом Вы!

Да, я, конечно, обознался,
В глазах плыло, как в том бою...
Я победить себя старался,
И вот теперь уже встаю...

PS. Смотрю в окно и вижу прелый,
Замерзший, позабытый стог
И первый снег. Такой же белый
Как госпитальный потолок.

ПИСЬМО В ГОСПИТАЛЬ.

Простите меня за молчанье, мой друг,
На ваш треугольник последний.
Я ездила к бабушке в Санкт-Петербург
И только вернулась наведни.

Прочла — обомлела. Какая беда!
Вы ранены, Боже всевышний!
В бреду и горячке металась, когда
Кружил меня вихорь столичный.

Смеялась, плясала, не зная того,
Что гибель Вам, друг, угрожала.
Каталась на тройках и под Рождество
Красавицу-ель наряжала.

Лишь в праздник — за воинов тост прозвучал —
Вдруг сердце предчувствие сжало,
Из рук моих выпал со звоном бокал,
И я вся дрожа убежала.

Потом в бывшей детской сидела тайком
В вольтеровском кресле большущем
И год уходящий листала, потом
Мечтала о годе грядущем.

День Нового года настанет. Пришлет
Нам солнышко зайчиков стаю.
Чертя в синеве прихотливый полет,
Снежинки как зайцы играют.

Рассыпал на пол, на узоры окна
Камин свои зайчики-блики...
Сквозь стекла озябшая смотрит Луна
На танец тепла многоликий.

Над каждою крышей (зима-то строга!)
Пусть теплятся дыма колечки,
И Огненный Заяц огонь очага
Хранит неустанно и вечно.

*Пусть кончатся месяцы страшной войны, —
Ах, Заяц, ведь ты не задира! —
Верни же друзей из чужой стороны,
Верни же безоблачность мира,*

*А нам поскорей подари rendez-vous...
Лечитесь, себя берегите.
Надеюсь, в Крещение вернетесь в Москву.
Иль я к вам приеду, — хотите?*

На этом переписка обрывается, видимо, штабс-капитан был убит...

История знает романы в стихах и письмах. Революционный герой Шмидт, еще там кто-то. Один взор, пятиминутная встреча — и переписка на всю жизнь. В письмах любить легче. Мазохизм какой-то, самолюбование своей придуманной любовью к придуманному персонажу. Окучивание, старательное взращивание, лелеяние придуманной любви к придуманному человеку. Так легче, так чище, так идеальнее, так воздушнее, так печальнее и оттого острее. Так надрывнее, вразнос, остро до бритвы.

...Милый друг... Смею ли я... Как я взволнована Вашим прошлым письмом, я сама, как и Вы, много об этом думала...

А если б они вдруг встретились, то что ж, любовь скульптурирована — надо автоматически под венец.

Только разлука оттачивает тонкую любовь. Разлука — это письма, чуткие переживания. Совместная жизнь — это быт, стирки, ругань. Опять спит в бигудях. Опять пепел на ковер стряхивает, идиот.. Опять она в драном халате, мымра.

А разлука... Дух взмывает ввысь, вдаль от пресыщения, к звездам, навстречу любимой. И тоскует, тоскует там, облакаясь в эпистола, утончаясь до платонизма.

...Но у нас не было любви. У нас была красивая игра. Очень красивая, правда?

ГЛАВА 19.

Говно на лопате.

Бывают на свете мудаки. Они существуют объективно, вне зависимости от нашего сознания и даны нам в не очень

приятные ощущения. Мудака можно увидеть, пощупать, послать на хуй, взять анализ кала. Но мудака нельзя полюбить беззаветной любовью, его нельзя убедить и что-либо мудаку доказать. Соломонов мудака. Один из прославленного племени Мудаков. Он ведь что сделал — принес на лопате говно от коровы и...

Не знаю, будет ли такое в будущем и как долго, но в застойные годы студентов посылали осенью в колхозы убирать с полей урожай картошки. Поехали и мы. Очень строго. Пить нельзя, утром линейка, из расположения отряда не отлучаться, наряды, планы, дисциплина. Полувойна. Поэтому до магазина в ближайшую деревню, расположенную в трех километрах мы с Яшей ходили по-партизански. Чуть завидим вдалеке какую-нибудь черную «Волгу» — сбегает с шоссе и залегает в кювете. А вдруг начальник?! Засечет — выебет. Такая у начальника работа. Сечь да ебать. Жрать да пить.

Мы работали на сортировке. Есть такой агрегат, трудится от электричества. Картошка высыпается в бункер посредством самосвала, затем транспортерной лентой подается на сортировочные ролики, где сортируется по размеру и развозится боковыми транспортерами. Земля — в одну сторону, мелочь — в другую, крупняк — в третью. И у бокового транспортера стоит живой человек с мешком и пара других еще, выбирающих с ленты крупные комья земли, которые сортировка не отличает от картошки. У ленты транспортера существует две скорости: большая и охуенная. На охуенной скорости сортировка въебывает так, что не успеваешь мешок подставить, как уже пора с мешком убегать, ибо наполнился. Хуяришь, как электрон на орбите. А ручные сортировщики не успевают выбирать комья земли. Короче, кто не был, тот будет, кто был не забудет.

Таких сортировок было две. На одной, где работал я с Яшкой, компания подобралась сволочнейшая. Соломон, Марципан и другие лентяи да двоечники. Мы с Яшей там были как два жемчужных зерна в навозной куче. Этого было слишком мало, чтобы облагородить всю кучу. Поэтому вся бригада работала как кодла зеков, как огрызающийся тигр в цирке, из-под палки, злобно задевая друг друга. Недаром колхозный дед-механик, присматривающий за сортировками, говорил о нашей бригаде:

— Работают как пленные.

В нашей бригаде вполне могли затравить слабого, а один

раз чуть не облили керосином крысу с целью сделать из нее живой факел. Благо я шуткой тут же увел разговор в сторону и не дал этой мысли воплотиться.

На другой же сортировке сложилась компания людей более интеллигентных, более интеллектуальных, с лучшим воспитанием, хорошо успевающих по всем предметам. Поэтому они работали не как огрызающиеся друг на друга волки, а дружно и почти задушевно. Как будто в шляпах.

Как-то случился такой казус: не помню уж по какой причине один КамАЗ, нагруженный отсортированной картохой в мешках, на приемке развернули. Вечером, перед ужином, нас всех вызвал начальник отряда Плавкин, построил и повел психическую атаку:

— Произошло ЧП! Нам вернули один КамАЗ с картошкой из-за ...

(Хуй знает чего, какой-то нашей хуевой работы, земли что ли в мешках много было, якобы...)

Потом выяснилось — мы не виноваты, но что в тот момент оставалось делать Плавкину? Только давить, только нагнетать, только пробуждать комплекс вины, только угрожать отчислением. Чтобы возврат ночью на сортировку казался нам меньшей неприятностью.

Хотя это была большая неприятность. Перед ужином мы возвращались с сортировок с черными от пыли лицами, мокрыми от пота портянками, которые едва успевали просохнуть к утру. Мы снимали грязные телаги, портянки и сапоги, тащили все в сушилку, умывались ледяной водой и с наслаждением передевались в теплое и сухое. До утра. И, казалось, не было силы, способной заставить нас снова одеть стальные, мокрые, грязные тряпки и уйти в ночь, под собирающийся дождь. Тем более после сытного ужина, когда хочется полежать на койке в светлом и сухом бараке.

Но такая сила была — блядский хитрый Плавкин. Наши две бригады — злые волки и нежные овцы, черные и белые, ошую и одесную — стояли перед ним и мучительно размышляли: с чьей же сортировки был развернутый КамАЗ, кому идти разгружать?

«Наверняка наша сволочная бригада напортачила», — стоя в строю, думал я, не волк по натуре, но жизнью загнанный к волкам и, как человек с сильной социальной мимикрией, начавший по волчьей выть и огрызаться. Чтоб не сгрызли, чтоб приняли хоть и не в стаю, но за похожего.

— Сейчас пойдём разгружать, — тоскливо кляцнул мне на ухо зубами Марципанов.

Плавкин порылся в каких-то бумагах:

— КамАЗ со второй сортировки. Вторая сортировка идет разгружать после ужина.

Наша волчья сортировка проходила под номером 1. Божья кара по какому-то недосмотру пролетела над головами адских грешников и поразила святых и ангелов.

— Фф-у-у! У меня прямо от сердца отлегло! — бегал по лагерю радостный Марципан. — Я уж думал, сейчас, блядь, пиздец, на хуй, все оборвалось до самой жопы... думал, блядь, пойдём разгружать это говно...

Наша черная бригада еще сидела и жрала ужин, когда подошел группен-капо — староста группы и одновременно бригадир 2-й, «белой» сортировки Игорь Марков.

— Ребята с первой сортировки, мы просим вас помочь нам раскидать машину. Кто?..

Мы позорно молчали. Марков окинул нас глазами и ушел. Я оглядел длинный стол. В волчьих головах шел умственный процесс, пленные что-то решали.

Решал и я. Если бы в той бригаде, среди этих чистюль не было Бена... Если бы просил не Марков, а кто-то другой... Перед Марковым мне было отчего-то стыдно. Чувак авторитетный. Он и по возрасту и по жизненному опыту, по характеру в нашей студенческой группе был шишкой. Ему ведь к тому времени было уже до хуя лет — 23. Старик. Мужик он был тертый, крепкий, справедливый. И я, внутренне тосковал от неизбежного ужаса — снова портянки и в ночь.

Я встал из-за стола:

— Пошли, Яшка!

Яшка застонал, запричитал и поплелся переодеваться.

...Чуть-чуть позже нас к КамАЗу подошли Соломон и Марципан. Марципана чуть ли не насильно привел Соломон. Что-то выиграло в проебце уебищ. За 20 минут раскидали КамАЗ, а на обратном пути ливануло, и мы прибрели в сушилку мокрые до трусов (включительно), и Соломон, дрожа от холода, раздеваясь, пел: «А у меня волшебные трусы, завидуют все белки и жучки...» Там же в сушилке Марков сказал нам свое человеческое спасибо:

— Да!.. Ребята с другой сортировки, спасибо вам...

Приятно, хули.

По случаю такого героизма, начальство даже официально

разрешило нам выпить. Но ни у кого ничего не было. А жаль. Это был единственный случай в моей жизни, когда мне действительно хотелось выпить, не психологически, а прямо-таки физиологически, брюхом. А потом завернуться и уснуть в тепле. Чтоб завтра с утра снова пойти на эту срань.

Заместителем начальника Плавкина по комсомольской линии был некто аспирант Круглов, козлина комсомольская. Больше всех он там выебывался, строя из себя начальство. Деревенские его, мудака, тоже не любили. Он там вроде бы даже какому-то деревенскому джигиту пизды дал по комсомольской линии. По ебальнику, с комсомольским приветом. А тот парень обиделся, взял где-то старую ржавую лимонку Ф-1 и пришел выяснять отношения с Кругловым. Круглов обосрался, забежал к нам в казарму и залез под самую дальнюю кровать, спрятался, значит от гранаты. (Кстати, насчет кроватей Круглов утверждал, что они должны быть отодвинуты друг от друга на 40 сантиметров — среднюю длину полового члена. Комсомольский демократический шутник.) А тот обиженный парень все ходил с лимонкой в руке, держась за кольцо, искал Круглова и хотел его взорвать к хуям за нанесенное оскорбление. Горская кровь ударила в голову колхознику. Пьяный он был, забыл, что у оборонной Ф-1 радиус разлета осколков 200 метров. Полбарака, к ебени матери...

Но я тогда всего этого не знал еще, а просто лежал на койке и читал книгу. Вдруг вижу — вбегает Круглов, бежит по казарме и лезет под самую дальнюю кровать. Я, конечно, ничего, читаю дальше: комсомольский работник, мало ли, может им так положено. Большой демократичный шутник. Это только потом выяснилось, что в комсомольца Круглова кулаки хотели гранатку бросить.

Деревенские студентов почему-то не любили, один раз даже входную дверь замотали какой-то хуйней, изнутри не открыть. А мне в ту ночь как раз ссать захотелось. Вышел я в предбанник, куда выходят еще 4 двери из длинных комнат-казарм, а входная дверь не открывается. Тьма. Я уж шарил-шарил в поисках запоров или выключателя какого-ни на есть — ничего не нашел! Ну что делать? В форточку ссать? Невозможно: высоко, не доссу. Не ссать вовсе? Не уснешь. Взял да и поссал в притолку запертой двери. И уснул. А утром никто даже ничего не заметил! Помню все только возмущались злобной деревенщиной: закрыли, а если б пожар, а если

кому бы ночью поссать приспичило? Ну, насчет поссать, не знаю, а если пожар, тогда, конечно, в окна...

Тот самый говеннолопатный случай произошел в предпоследний день. Получилось так, что мы — бригада с первой сортировки работали на второй сортировке, а «ангелы», кажется, в поле пахали. Следующий день был последним днем пребывания в колхозе. И после работы разыграли волчьи инстинкты. Взяли наши придурки да и сожгли старый диван, валявшийся у второй сортировки. Соломон принес говна на совковой лопате и аккуратно положил его на выходной рукав транспортера. Завтра, мол, в последний день его «ангелы» включат, а мимо сортировщиков вместе с картошкой проплывет чуть подсохшая коровья лепеха. Сортируй, брат! А может и в мешок с бульбой упасть, если сразу на охуенной скорости запустить. Кроме того, Соломон тем же говном испачкал пусковую кнопку сортировки.

На следующее утро колхозный дедушка при всей ихней бригаде, ждущей пуска установки, нажал кнопку «пуск».

— Что это? — подслеповатый ветеран войны принюхался к большому пальцу и произнес с оттенком удивленного узнавания. — Говно... натурально.

А потом то же зеленое говно выплыло на транспортер. Но их более всего допекла именно кнопка. Вечером эти деятели со второй сортировки начали угрюмо допытываться, кто же измазал говном кнопку. Более всех в дознавании усирался некий Бурдов. Думаю, если бы он работал в нашей бригаде, был бы обычным серым волком. А там он прикидывался овцой, как мы с Яшей здесь косили под волков.

— Дима, — наседавал Бурдов на Яшу. — Говори, кто кнопку говном измазал?

Но все равно мы не выдали этого мудака-говномаза Соломона, хоть и не одобряли его исканий.

(Но дедушка колхозный тоже хорош. Он однажды выпил Яшин огуречный лосьон из моей пластмассовой кружки. Я прихожу — ба! — кружка зело лссьоном отдает. Яша приходит — ба! — пузырек пустой. Так и выбросили оба предмета.)

Я так скажу: колхоз — это не рай господень. Не рай ни хуя. Нет, там жить можно было бы, если бы не работать. А так — вечером придешь, поужинаешь и спать, а утром снова на работу. Либо на сортировку, либо в поле. Скучно, когда голова простаивает.

Все ужасно стремились побыстрее эту каторгу закончить,

безбожно клевали на грязные плавкинские обещания отпустить всех пораньше за хорошую работу. Клевали, в смысле верили, а не в смысле лучше работали. Работали обычно, то есть по-социалистически, то есть хуево: треть, наверное, картошки в поле оставляли.

Все приличные люди сходились на том, что если бы отпустили нас вдруг пораньше, пешком бы до дому ушли! А это очень далеко!

Вывод: студент работать не любит, Студент работать не хочет. Такая тварь. Все бы ему мозги ебать.

ГЛАВА НЕОБЯЗАТЕЛЬНАЯ.

Для людей тонких, неуспокоенных, ищущих смысл в жизни.

В перерывах между поебаться хорошо думается о высоком. Действительно ли душа бессмертна? Это вопрос вопросов, да.

Как-то я пришел к такой мысли, что если существует закон сохранения массы-энергии, то почему бы не существовать закону сохранения информации? Существует, конечно. А что такое информация? Отец кибернетики Винер писал, что информация — это не материя и не энергия, это нечто третье, отличное от них. Информация обратно пропорциональна энтропии, то есть хаосу, Чем больше хаос, тем меньше информации, и чем дальше от хаоса, чем больше упорядочена система, тем больше в ней информации.

Идем дальше. Душа — это во-первых, накопленная за жизнь информация, а во-вторых, способ ее обработки. Но если информация сохраняется в соответствии с законом сохранения информации, то значит ли это, что душа бессмертна? Вовсе не обязательно.

Закон неубывания энтропии требует нарастания хаоса, то есть рассеяния энергии, превращения ее в тепловую. Слышали, наверное, про тепловую смерть Вселенной, козлы? Эта хуйня называется второе начало термодинамики. Оно гласит: в замкнутой системе энтропия может только возрастать. Второе начало незыблемо и грозит нам всем большим говном — распадом и хаосом. Но несмотря на то, что физики никогда не наблюдали нарушения второго начала (хотя чисто теоре-

тически, статистически это возможно, мы живем в вероятностном мире, где даже все физические законы носят вероятностный, строго говоря, характер), несмотря на это он, казалось бы нарушается. Кое-где мир идет от хаоса к неравновесию, к гармонии, по пути накопления информации. Возникает жизнь, эволюция порождает разум, люди строят дома, ДНК делится. Но все это лишь видимое нарушения второго начала. Землю нельзя рассматривать как закрытую систему, то есть систему, не обменивающуюся веществом и энергией со средой. Энергии поступает на Землю от Солнца весьма до хуя. Солнце, в полном соответствии со вторым началом, стремится к хаосу, распадается, излучает избыток энергии в пространство и эта поступающая на Землю энергия порождает такие феномены и выкрутасы как «Краткий курс ВКП(б)». Порождает эволюцию материальных систем, конкурирующих между собой в эффективности утилизации дармовой солнечной энергии и накопления информации. У кого больше КПД, кто больше поглощает энергии в единицу времени, грубо говоря, тот победитель. Кто сожрал, тот и прав, кто смел, тот два съел. Это прогресс в живой и неживой природе. Неравновесные системы изучает синергетика, насколько я понимаю.

Короче говоря, раз рассеивается энергия и увеличивается хаос, значит информация тоже рассеивается. Но может ли она сохраняться в открытой системе Земли, может ли она подпитываться от Солнца, болтаться где-нибудь в ноосфере в виде более-менее стабильного и локализованного объекта? Душа, я имею в виду. А если информация сохраняется длительное время, то может ли она действовать сама? То есть является ли оставшийся информационный комплекс самодостаточным для функционирования? Или это мертвая книга, дискета с записью? Сохраняется ли самоосознающая личность, мое «Я»?

Далее. Человеческий мозг — это носитель информации навроде дискетки, или это сам компьютер? А если компьютер, то где и что такое дискета? А еще интереснее: если мозг — дискета, то где компьютер? Или мозг является одновременно и компьютером и носителем информации?

За время работы журналистом я встречался с очень многими интересными людьми. Некоторые из них были просто сумасшедшими. Но очень интересными. Биолог Готов,

например, считал, что вся информация записана в вакууме, а мозг — просто настроенный приемник, считывающий ее. Я так понимаю, что настройка приемника — это и есть личность. Расстроенный приемник — это шизофреник или тому подобное. Впрочем, сама идея Вселенского банка информации — не глотовская, она очень распространена.

А вот есть такой физик Исаков, он, вроде бы сделал теоретическое обоснование и математику паранормальных явлений. Такой хитрый мужик. У него в формулах есть коэффициент рассеяния информации. По Исакову полевой носитель информации хранит ее несколько миллионов лет до окончательного рассеяния. Правда он считает, что сохраняется только мертвая информация без личности. Вопрос лишь в том, как к ней обратиться, к этой информации. Как добратся до файла? В спиритизм я не верю, но какие-то способы должны существовать.

Эволюция — это накопление информации, удаление от термодинамического равновесия, усложнение процессов отражения. Разум будет вечно двигаться по пути экспансии, овладения природой. Он растворит себя во Вселенной. На каком-то этапе должна стереться грань между «я» и «мы», между разумом и природой. Я-МЫ дуализм — это сохранение индивидуальности и одновременно почти безграничное усиление мощности разума за счет слияния в единое информационно-обрабатывающее поле. А растворенный во Вселенной и, может быть, во времени, разум — это и есть Вселенский банк информации, это и есть Бог. И вопрос о первичности духа и материи здесь просто теряет смысл, становится некорректным. И курица — и яйцо.

(А в переходном этапе я вижу слияние человека с «машиной», превращение его в человека искусственного. И уже сегодня протез зуба или ноги, электростимулятор сердца — предтечи эры слияния. Человек «машинизируется», машина биологизируется. Они сольются. Бля буду. Вот так я считаю, выдающийся философ современности.)

И еще попизжу... А есть ли вообще это самое пресловутое Я личности? Что такое сознание? Не набор ли это культурных штампов, вбитых в голову с детства? Наши реакции, обиды и желания — это на самом деле не наши реакции, обиды и желания (кроме естественно-примитивных, конечно), это

культурные предрассудки, сделанные воспитанием и тысячами лет цивилизации.

Почему мы автоматически обижаемся на плевков в лицо? Культурный слой, воспитание. Почему мы плачем о родственниках на похоронах? По той же причине. Некоторые племена не горюют, теряя соплеменников. Они считают смерть естественным природным процессом. Как дождь, как смену дня и ночи. Но самое поразительное, что мы, цивилизованные люди, зная, что смерть естественна, горюем и убиваемся. Плачем, прекрасно понимая бесполезность этого занятия, поскольку слезами горю не поможешь. Но — культурный пласт заставляет лить культурные слезы. Гуманизм Ренессанса, осознание уникальности человеческой личности, религия — и вот вам плачущий менталитет.

Мы — конструкция из заложенных генами склонностей и воспитанных обществом штампов, реакций. Убери штампы и гены — что останется? Дырка от бублика, называемая Я? Хуй его знает...

А вот того же Исакова интересуют философские аспекты такой проблемы: если все люди овладеют так называемыми паранормальными способностями и прочей хуйней, какова будет этика этих сверхлюдей? Мораль там, прочая поебень...

Люди всегда путаются в этом дерьме, не отличают мораль от нравственности, пидарасы. Даже энциклопедия пишет: «Мораль — см. Нравственность». А вопрос простой — как два пальца обоссать. Юридические законы — писанные. Моральные каноны — неписанные. Но это такие же законы и нарушение их чревато моральным наказанием — подвергнут нарушителя остракизму, закидают, как в народе говорят, ссаными тряпками.

Мораль не обозначена с юридической точностью, но примерное направление этого вектора каждый может указать пальцем. Вот это морально. А вот это — аморально. Правда, не все и не всегда можно так однозначно разложить. Могут возникнуть разногласия, споры. У каждого свой маленький единичный векторок-моралька. Все эти орты* складываются в один большой вектор — мораль общества. Это похоже на историческое сложение человеческих волей по Марксу, где

* Орт — единичный вектор. А вы не знали?

большая результирующая стрелка — направление истории. Между вектором большим и малым (личным) обязательно есть какой-то угол несоответствия.

Итак, мораль — это свод довольно жестких правил. Например, сытно отрывивать и пердеть в обществе «неприлично», то есть аморально. Не потому, что плохо, а потому, что неписанные законы так сложились. Ебаться на улице еще аморально, а вот целоваться уже, кажется, нет. А если будешь ебаться на площади тут могут даже не полениться и пришить юридический закон — привлечь за хулиганство. Хотя где ебля, а где хулиганство! У них ведь и стимулы разные! Вот...

А нравственность — это ближе к понятию гуманности, души, добра. Это нагорная проповедь. Это «возлюби ближнего», это хорошая практическая психология. Нравственно жить умножая любовь и добро. Человек нравственный и свободный вообще может наплевать на мораль и на совесть. (А что совесть? Сам с собой-то неужели не договоришься? Совесть — это типичный невроз. А я человек, например, здоровый.) Не нужно себя наказывать совестью. Если уж совершил что говенное, или даже хуевое, спокойно извинись и сделай выводы. Работу над ошибками. А хули ночи не спать, совеститься? Так же глупо, как и плакать на похоронах. Не давайте увлечь себя отрицательным эмоциям, беспокойству, горю. Перестаньте беспокоиться и начните, наконец, жить. Подумайте на похоронах о чем-нибудь приятном.

Так вот, нравственный и свободный человек может, наплевав на условности, делать все, что захочет не ущемляя при этом НЕПОСРЕДСТВЕННО интересы других людей. Ну, нельзя покушаться на жизнь, здоровье, физическую свободу, имущество, тайну личной жизни человека. (Может это делать государство в некоторых случаях. Что ж, без государства никак нельзя. За удобства существования в обществе приходится частично расплачиваться свободой, не ходить на красный свет. Важно только, чтобы ограничения сводились к минимуму.)

НЕПОСРЕДСТВЕННО — это ключевое слово. Общество не должно запрещать проституцию, порнографию, наркоманию, свободное ношение оружия. Если я колюсь наркотиками, это мое личное дело, никого не касается. А вот если я захочу кого-то насильно напичкать наркотой, вот тогда меня

нужно брать за жопу. Предложить кому-нибудь наркотики могу — свобода слова. Но насильно вкалывать — хуй.

Вообще, общество не должно запрещать, общество должно пропагандировать.

Нравственный человек любит делать добро. Это приятно. Нравственный человек любит себя. И плюет на мораль, если она ему в чем-то мешает. (Если это не слишком дорого обходится: живем мы еще в диком мире сраных моралистов-ублюдков).

Вот такая будет нравственность у сверхлюдей.

А теперь я бросаю на хуй философское любомудрие имени Сократа и перехожу к дальнейшему повествованию.

ГЛАВА 20

Я хочу написать про море. Оно Черное.

Да, блядь, все закладывается в детстве. В меня заложено хорошее море. Не та корабельная романтика, что в жопе юношей играет, а курортное море с пальмами... Глянул я тут недавно на темно-синюю металлическую крышу длинного ангара на фоне бледно-голубого колхозного неба, мелькнуло на мгновение — Море! Как будто с гор — бирюзовой полосой до дальнего неба. И сразу — шипение прибоя. Лежа на крупной гальке, чешешь нос о плечо — запах нагретой солнцем кожи. Много света, инжир, аджика. Синие горы в дымке... Горы обязательно.

Выезд к морю — событие, вне зависимости от частоты выездов. Встречи с морем ждешь. Остр первый момент первого видения — когда под белым крылом на адлерском развороте наконец открывается зеленая синева. И все сразу детям и друг другу: «Море!» И припадают к иллуминаторам... Или поезд выворачивает, грохоча на стыках и открывается горизонт. «Море!» Состав еще долго будет ехать вдоль него, но самый первый момент... Общий выдох. Море...

Быстрее устроиться, разобрать, раскидать вещи и — туда, зачем приехал. В море. Скорее, будто от этого что-то зависит. Потом успокоишься, осмотришься, полежишь на хрустящей гальке.

Море липкое. От соли. Как кровь. Разделся — и к волнам, навстречу. Первое море. Брызги на губах. Первая соль.

Входишь, бывало в него, родное, тихо и ласково матерясь, шлепаешь нежно по волнам. Здравствуй, маленькое. Я опять пришел, хули. Я шел к тебе целый год.

Вылезешь, подсохнешь, соль чуть стягивает кожу.

А утром оно как зеркало. Волны малюсенькие. С ноготок. Вода прозрачная, не засранная еще. Небо чистое. Хорошо, где нет волноломов, волнорезов, а есть море по косой дуге.

Ни разу мы там не поебались, только обезьян ездили в Сухуми смотреть.

ГЛАВА 20а.

Немного о том же.

Немного потому, что еще немного уже местами было...

Мы туда приехали сами должны знать в каком году. Я, Микоян, Стасик и Танюше Половцева. Был там и Вова Моренблит. А Бен тем летом похуячил в строяк в Польшу, а Баранов — в строяк в Мурманскую тундру, тянуть кабель, заколачивать деньги, мудашка. Ну если Бена еще можно понять: в застойные годы вырваться за границу было из ряда вон событием, то Барана просто жадность стубила — денег захотелось срубить по-легкому. Бену хоть интересно было — ему перед поездкой мозги компостировали насчет того, что ходить только парами по Польше, а то подпольная буржуазная Солидарность выкрадет, будут пытаться советского. Раскаленные утюги в жопу засовывать.

А Баранов среди комаров ростом с птицу, на лету пробивающих хоботом 3-дюймовую доску, долбил ломом вечную мерзлоту, тянул пудовый чудовищный кабель, пока мы не жили под густо пахнущими эвкалиптами, магнолиями и олеандрами.

На хуй они, эти деньги, в рот их ебать, если за них надо так усердно въебывать. Пошли они на хуй. Ну срубил он там 500 рублей, и где они теперь эти деньги? Ушли они, на хуй.

...Побросали вещи и отправились на пляж. На студенческом пляже лежали коровы и свиньи. Они там же и срали. И студенты лежали среди говна. Но мы впятером (см. выше)

ушли влево, подальше от людей и студентов, мы бросили их, предали, ушли перевалами, под нависшей скалой, прыгая по огромным валунам, и волны обдавали нас солеными брызгами.

Прыг-скок, прыг-скок, я ебаться — будь здоров.

Ушли вдаль до ровного места, разделись и взошли в Него. Оно приняло нас прохладным теплом. И мы с блаженным матом отдались ему, до дна прозрачному. (Кроме Танюши Половцевой, как она отдавалась без мата, я не знаю.)

Я, хлопая волны по ляжкам, рассыпался в любезностях, признавался морю в любви, лепетал всякую хуйню. По горизонту ползали силуэты горбатых корабликов.

Когда человека кормят 3 раза в день и у него есть море, наступает у человека состояние блаженного неведения. Он себе ходит по теплу во вьетнамках и с темными очками на носу. Время течет медленно и оттого быстро проходит. 10 дней неотличимы от 15, 15 от 20. Все течет, но ничего не изменяется. На второй день кажется, что ты здесь уже вечность. В последний — что только вчера приехал.

Несмотря на застой, в Абхазии, Грузии среди восточных людей сильно пахло частной собственностью, торговлей. Это резко контрастировало с социалистической Россией. И мы потом смеялись над Беном, что он был в соцстране, а мы — в кап, в Грузии.

— Нет в Грузии советской власти. Совсем другая страна, — говорил наблюдательный, как молодой Маркс, Стасик.

А я тогда вдруг отчего-то стал писать книжку о гражданской войне в Грузии, но так и не закончил: уж больно фантастично выглядел военный конфликт между русскоязычными и местными аборигенами. Не смотрелись танки под эвкалиптами. Не могло быть такой войны в одной стране, тем более в стране дружбы народов. Да и с чего воевать?.. Я оборвал рукопись. Шел 1984 год.

...И вот что еще я хочу сообщить — только в синих пляжных раздевалках, глядя на гадские менструальные тампоны и мерзкие куски ваты со следами отторжения слизистой, которые валяются там в обязательном порядке, начинаешь понимать, что женщины устроены несколько иначе, чем прочее человечество. Разбрасывают свою менструацию везде, суки.

...Мы прекрасные люди. Раз пошли купаться в третье

ущелье. А там уже как раз голые нудисты загорают.купаются даже. Пришлось нам в противовес идти купаться прѣям в одежде — в рубахах, тренировочных штанах, панамах. А уже в море я снял штаны, скрутил их в комок и начали мы ими перебрасываться в волейбол типа водного пола. Весело время провели.

...На море серый песок...

ГЛАВА 21.

Череповец.

Череповец — город контрастов. Он остался в моей памяти серым дождливым унылым краем. Над Череповцом периодически опускается рыжий туман, пахнувший большой металлургией.

Теоретически мы поехали туда набираться ума для курсового проекта, практически же я работал на упаковке листов, а Бен «крутил» вагоны, остальные тоже страдали хуйней. Чуть позже оказалось, что можно было и не работать. Нас неявно наебали, мол, устраивайтесь, ребята. А когда ребята скрепя сердце получили сраную спецодежду, когда уже походили в ночное, вдруг выяснилось, что работа-то — дело добровольное. А вы не знали? А мы просто хотели дать вам возможность подзаработать.

Да на хуй нам ваши деньги, мы отдыхать приехали! Вот, блядь, застой! Никакой справедливости. Хуя вам, а не справедливости! А ведь кроме работы, копания в патентной библиотеке, лекций и консультаций, были еще обязательные экскурсии в цехи. Глядеть на все это говно.

Полгруппы было в Череповце, в том числе я и Бен. А полгруппы — в подмосковной Черноголовке — Яша и Баранов: По полбанды разбросало. Мы обменивались письмами. Я как раз сидел срал, когда...

Срал на унитазе, бачок которого починил Вова Королев, который сильно блевал в своей комнате, я рассказывал. Нас поселили в жутко клопиную общагу. Общага эта — подъезд в обычном жилом доме. Казематы квартирнoгo типа. Местные как раз переезжали из этого старого клоповника в новый. А

нас как раз селили. Клопов там было — смертная жопа! Хуева туча! Все стены и трещины — в клопиных следах.

— Надо спасаться, чуваки, — сказал я. — Поставим кровати на середину, подальше от стен, а ножки кроватей — в консервные банки с водой. Авось перезимует.

Мы уже купили и врезали в раздолбанную дверь новый замок, но по счастью, Марков нашел еще одну пустую подходящую квартиру, двухкомнатную, сразу нами не замеченную. Там было меньше клопов. В маленькой комнате жил он с Татищевым. А в большой мы поставили 5 кроватей, стол и стулья. На кроватях лежали — я, Бен, Рубин, Королев, который блевал и Косокин, который учил в преферанс.

Мы выдрали замок, и я начал врезать его в новую дверь. Мы стали обживать. Марков, встав на унитаз, бился с бачком. Бачок брызгал на Маркова и не сдавался. Мокрый Марков запустил в него по локоть руки и шуровал. Тем временем кто-то мыл ванну, кто-то шерудил на кухне.

То, что не удалось доделать Маркову, доделал Вова Королев. Он привязал к рычагу унитаза проволочку, испробовал, а потом лично каждого подводил и учил говно спускать по Королеву.

— Так, иди сюда, я тебя научу говно спускать, а то ломаешь. Смотри: посрал — тащишь проволоку. Видишь — течет. Смыл говно — заталкивай аккуратно проволочку обратно, а то так и будет течь и в бачке не накопится. Только так. Ничего больше с бачком сделать нельзя. Усвоил?

Клопов тут было совсем ничтожное количество, но на всякий случай мы чуть отодвинули от стен кровати, чтобы эти ублюдки со стен падали на пол. Меня за весь срок ни один клоп не укусил. Может помогло то, что мы с Беном купили в хозмаге бутылку какой-то отравы, кисть и, хитро избебнувшись, промазали все клопиные места, изведя на этих блядей полпузыря. А сами ушли в ночную смену. Мы специально так сделали перед самой ночной сменой, чтоб во сне не дышать гнусной отравой. Представляю, как было приятно спать всем остальным! Они, козлы, правда, все проветрили, открыв балконную дверь, чем свели до минимума отравляющий клопов эффект. Не уважают ни хера чужой труд! Могли бы одну ночь и помучиться.

Но Косокин тем не менее жаловался, что его-таки кусают клопы.

— Покажи нам хоть одного клопа! — настаивал я.

— Откуда же? Я ж их насмерть затапываю. Я парень резкий...

Но все это было позже, а в первый день мы решили периодически скидываться по 5 рублей для ведения совместного хозяйства.

— А это не слишком до хуя? — засомневался я. Сумма в 35 рублей показалась мне слишком большой. — Этого нам надолго хватит.

Но хватило меньше, чем на неделю. Ответственный за общественные бабки маленький хитрожопец Королев все как-то быстро, в течение трех-четырех дней растранижил. Бабки уходили на сахар, пряники, мелкий жор, и Вова постоянно по этому поводу сокрушался.

Вечером же, дождавшись посланников из магазина, отмечали день приезда. За выпивкой старик Марков пересказывал рассказы каких-то своих приятелей о войне в Афганистане. О том как там наши каратели целыми кишлаками расстреливали в поле мирных жителей. Я не верил. Не верил я, что советские солдаты могут так нехорошо поступать. Мне было 20 лет. Шел 1984 год.

Между тем Косокин связался с Москвой и разузнал адрес нашей черноголовской половины. Я тут же решил написать любимым бандитам — Яше и Баранову. Я вечером писал письмо, а Вова сидел рядом и бубнил:

— Пока я не ушел в ночную смену, ты там им напиши как я унитаз починил. Он не работал, а я его в 5 минут починил!.. А вообще, я тебе скажу, ночная смена — это нечто противоестественное. Все нормальные люди, блядь, пьют чай, готовятся к отходу ко сну, электрический свет горит в лампочке Ильича, тепло. Все дома. Телевизор хуярит. А ты, блядь, как дурак должен одеваться и уходить в ночь. Дико! Дико!.. Про унитаз напиши!

А на следующий день, когда я мирно срал, усевшись на толчке, как петух на насесте, услышал королевский вопль о том, что из ихней Чернозалупки пришло письмо. В возбуждении я запрыгал на унитазе. Это же надо, какое совпадение, они — нам, мы — им. Одновременно! Параллельное мышление. Калиостро...

«Калиостро» — это наш бандитский термин. Как-то раз мы с Беном сидели в читальном зале МИСиС. В зале горел свет.

За окном хмуро пропадал день. «Калиостро. Граф Калиостро», — вдруг отчего-то всплыло у меня в голове. Тогда еще не вышел этот фильм про Калиостро, и о графе мало кто знал. — Слушай, а кто такой Калиостро? — внезапно спросил Бен.

Типичный случай параллельного мышления. С тех пор мы такое частенько отмечали у себя. Когда двое одновременно о чем-то одном думают, что-то одно хотят сказать, напевают одну песню про себя. В таких случаях мы произносим все объясняющее:

— Калиостро...

И с тех пор в нашей банде во время всех попоек всегда один тост поднимается:

— За Калиостро!

Что означает — за дружбу, ребята! За нашу прекрасную дружбу! За любовное сродство душ. За сверхжопное чутье. За нас, таких пиздатых.

Я сейчас перечитал это наше письмо в Черноголовку (мне его потом Яша передал для Архива) и увидел, что все было не совсем так. Оказывается не Вова Королев сказал мне о письме, когда я срал, а Косокин. И я не запрыгал на унитазе, а спокойно отосрался и с достоинством вытер себе жопу. И, оказывается, это случилось перед самым нашим переездом в другую общагу, коридорного типа. (Там мы уже вчетвером жили — Я, Бен, Рубин и Вова Королев). Видите как здорово писать документальные романы, все всегда можно уточнить. Вот я сейчас даю слово документам, они бесстрастны.

«Дима, ебанный в рот!

Это охуеть можно! Я сидел сегодня в туалете, срал... Нет, не так. Значит, вчера мы с Беном отправили тебе письмо, в котором все невъебенно описали, а сегодня сру я себе спокойно, а Косокин кричит, чтоб вылезал: он ссать хотел. Вдруг он сказал, что пришло письмо от Димы.

«Пиздит, сука, — понял я. Еще бы — мы-то свое только вчера вечером кинули и вдруг — бац! — ответ. Я спокойненько отосрался, вышел — ба! Разъеби мя в кочерыжку! И вправду! Вай-вай-вай! Дима-то, оказывается, тоже послал письмо и примерно в то же время, что и мы. Ты прислал нам те же вопросы, о которых мы тебе уже написали, ебть.

Дима, может, это граф Калиостро?!
Дима, встретимся — выпьем!
Елки-палки, нельзя не выпить...

Димка, пока Сашка чай пьет, я вклинюсь.*
Во-первых, поздравляю тебя с круглой датой, двадцатилетием с того самого дня, когда земля услышала твой голос. Думаю, орал ты, Дима, просто замечательно...

А у нас новость. Переселяют в другое жилище. Сашка и Рубин уже переселились. Но пока живем в старом общежитии. О деталях — Ляксандра тебе, надеюсь, расскажет своим неповторимым, исконно русским языком. Сашка сейчас лежит на остоле своей кровати (постельное белье уже сдал) и читает Ардова.**

Рубин, как и Сашка, лежит на сетке кровати, положил под голову мою подушку и читает Г. Уэллса «Россия во мгле». Королев лежит на своей кровати и читает фантастику. А я пишу тебе письмо.

Огромный привет передавай Петрухе Уралову, Олежке Баранову и иже с ними. Все.

Пользуясь любезно предоставленной мне г.г. Никоновым и Будулаевым возможностью передаю всем большой привет со всеми вытекающими отсюда последствиями, хотя и не беру на себя всей ответственности за этот шаг.

С уважением. Рубин

Заебали, блядь.***

Перебили. Значитца так, Давыдов, Соломон и К пропадают целыми днями в кабаке и передают вам привет.

В Череповце тишь да благодать.

Нас переселяют в другую общагу, коридорного типа, с одним сральником на весь этаж. Королев спрашивает, мол, как там дела у Бараныча. Что, мол, он рассказывает о Мурманске? Напиши.

Да! Дима, как приедем, дождемся Стаса и загудем к нему и Таю на хазу****.

* Это уже Бен встрялся писать, пока я сделал перерыв на чай.

** Ничего не помню из этого Ардова, будто и не читал. Есть же такие книги!

*** А это снова я пишу, как вы поняли.

**** Чан Ван Тай, наш корифан из Вьетнама, учились вместе.

Стас — пиздатый чувак.

У меня осталось 50 рублей на 2 недели.

Письмо отправь в тот же день, когда получишь это. Из твоего письма, Микки, я понял, что вам там очень плохо живется. Вы заняты 10 часов в день.

А мы — 8 часов работаем, потом идем на лекцию или семинар или экскурсию. Потом домой, готовим ужин (у нас ведь плита на кухне: общага квартирного типа). Вообще нам легче. Вы там изучаете какую-то хуйню и невьебенную науку, запарашиваете мозги... Кстати, у меня завтра доклад на тему «Технические решения по совершенствованию конструктивных характеристик оборудования станков холодной прокатки». И весь тут хуй.

Димитрий!*

Это все хуйня! Я вот что расскажу. Когда мы переселились, в этой общаге здесь не работал унитаз. А Я ЕГО СДЕЛАЛ ЗА 20 МИНУТ! Все довольны. А теперь FOR IRON FELIX, который с тобой живет, а ты и не подозреваешь.

Олег, как ты там? Вспоминаешь ли Дальние Зеленцы, NORD, Мурманские тундры, как мы мерли и дохли там каждый день?*

Снятся ли тебе кабели?

Соломон здесь совсем спился. Не удалось сделать из него человека. Ходит каждый день в кабаки, на работу приходит пьяный.

Не разучился ли ты ходить Челентаной?***

Ну, я пошел на работу. Соломон сидит над душой, зашедши в нашу комнату и говорит про тебя, что ты, наверно, ебешься с лаборантками, а мы с кувалдами.

* Это Вова Королев не выдержал, решил сам про унитаз написать.

** Это он про Мурманск пишет. Очень они там тяжело работали. Соломон опять тогда превратился в волка и приставал к безвредному Королеву, третировал. Есть такие люди-оборотни. Однажды даже Королеву пришлось в критической ситуации схватиться за лопату и выставить ее штыком вперед на Соломона. Ситуация была серьезной, а могла бы стать кровавой. По счастью, до этого не дошло. Кто сказал, что труд облагораживает?

Кабель в тундре — это была их узкоколейка... А мы тем временем под олеандрами...

*** Это уже что-то сугубо ихнее, мурманское, непонятное непонятным.

Ну пока. Идем в ночную.
22-30 28.09.84

Да, ну так вот.*

Однажды, когда мы с Будулайкой батрачили в вечернюю смену, наши орлы (Марков, Татищев, Косокин). выпили по 3 литра пива, окосели и Косокин дал пизды Рубину. Почти как тогда, на Магнитке.**

Только на этот раз Рубин остался без синяка, а отделался тем, что разбил головой стекло, когда ему по очкам Косокин пизданул.

Было так: Косокин доебался до Рубина, обзывался на него, пускал дым сигареты ему в лицо, потом погасил свет в туалете, где в данный момент находился гражданин потерпевший.

* Это снова я пишу.

** Вообще-то Рубина и Косокина в группе не очень любили за их человеческие качества. Ведь Рубин же был отличником! Он однажды даже подвел всю группу, которая решила сбежать с рентгенографии. Он нас всех буквально сдал. Ну можно любить такого человека? Я прямо ему сказал тогда:

— Рубин, ты своей смертью не умрешь!

К тому же Рубин совсем не пил. Это сейчас мы с ним дружим, а тогда я на него строго смотрел и не особо так водился. Потом он исправился, съехал на тройки, иногда к рюмке прикладывался. А то раньше, бывало, на ознакомительных экскурсиях вперед всех бежал, расталкивая народ, к агрегату, чтобы услышать, что «куровод» расскажет. Наших это бесило. Меня раздражало. Но, помудрев, я примирился с Рубиным.

А на Магнитке, невлюбивший Рубина Косокин приставал к нему, и Рубин вызвал Косокина на дуэль. В натуре. На кулаках. Дуэль состоялась у нас в комнате, куда набилась и расплзлась по стенкам вся мужская половина нашей группы — посмотреть. Это была, так сказать, спарринг-драка. Немного похоже на карате, которым Косокин раньше занимался. На средней дистанции, с ногами, с руками. Рубин, который ничем, кроме чтения книжек, раньше не занимался, держался хуже. Косокин разбил ему нос и поставил синяк. Пару раз, сцепившись, они заваливались на кровати под восторженные вопли зрителей. Я как раз сидел на кровати, они и на меня завалились.

После драки в комнату пришел отсутствовавший Баранов. (Блин! Вспомнил! А ведь он, урод, потому отсутствовал, что и там работал, разгружал гад, какие-то вагоны. Любовь к деньгам до добра не доводит! Все самое интересное пропустил — и драку и Пицунду.) Вот он пришел и увидел свою постель смятой, а подушку окровавленной.

После того, как Рубин вышел из туалета, Косокин преградил ему путь в комнату и не пускал его. Рубин оттолкнул Косокина. Это было искрой. Еблысь! Косокин вмазал в лобешник Рубину, и тот головой выбил небольшой кусок (почти правильной круглой формы) окрашенного дверного стекла.

После чего перепуганный Рубин выбежал на балкон, а Косокин закрыл его там, но затем снова открыл, забоявшись, что тот простудится на балконе без одежды. Рубин, увидев Косокина, идущего к балкону, и не зная его добрых намерений, совсем испугался, перелез через перила балкона и повис над бездной.

Увидев такую страшную картину, Косокин в свою очередь перепугался и ушел вглубь комнаты. Посудите сами — приходит, допустим, милиция и видит: Рубин мертвый лежит под балконом, а Косокин лыка не вяжет. Тюряга.

Повисев немного, переждав, Рубин выскочил с балкона и устремился к двери. Ему удалось выбежать. Минуты через две он нагрянул в комнату с комендантом, крича: «Где Косокин, где Косокин?!» А Косокин в это время прятался в туалете. Не найдя преступника, все во главе с Рубиным опять убежали (Рубин сообщил коменданту, что, мол, в 30-й комнате все пьяные и дерутся.)

Через малое время, нигде не найдя Косокина, компания снова нагрянула и застучала Косокина в комнате.

Все начали кричать, а Гена Татищев сказал, что Рубин пьян и сам ко всем пристаёт. Комендант с дежурными чуваками ушли, а Рубин побежал за милицией.

Все эти факты сообщил нам Вова Королев. Версия Косокина несколько отличается от всего этого. По его словам выходит, что Рубин первый пристал к нему, то есть ударил двумя кулаками в грудь ни с того ни с сего.

Когда пришли мы, буря уже улеглась, милиция не приходила, Рубина не было. Мы с Беном поели и пошли искать его. Он оказывается спал в квартире у Давыдова на свободной койке (Давыдов приютил его, видя такой разбой).

Дима, прошу тебя сохрани это письмо, в Москве вместе поуссываемся.

Напоследок главное. Дима! 20 лет назад в мир пришел пиздатый чувак — Макеев. Ура-а-а-а! Там-пам-пам-пара-бара-бара-тара-рам-пам-пам-пам — туш!

Поздравляю с дн. рожд.!

Алекс. Никонов.»

Все-таки жаль, что нас с Беном не было тогда, мы бы этой бойни не допустили.

Кроме того, в Череповце у нас с Беном была привычка шляться в шляпный отдел универмага и мерить шляпы. Бен нравился себе в шляпе, а я хотел купить соломенное сомбреро за 3 рубля. Сначала мне было жаль денег, но в конце срока с получки я все же расщедрился и купил его. Теперь валяется на даче...

Кстати, о получке, Все-таки студентов изрядно наебывали там. Да и везде, и в Запорожье тоже. Такие суки заводские. Все время нам недоплачивали. Парашные люди. Мухлевали с нарядами. Что это такое — 150 рублей заплатили! Помню, Вова Королев с Соломоном ходили к начальству чего-то выяснять по бабкам.* Начальник снял трубку и начал на кого-то орать: зачем вы студентов обманываете, вы что, хотите международного конфликта?

Вова с Соломоном переглянулись: неужели из-за них может разгореться международный скандал? Они совсем забыли, что в их бригаде работал черный негр Акааза, студент наш, и его наебывали под горячую руку в общей куче. В конце концов оказалось, что студенты-негры и немцы получили раза в 1,5 больше наших. За ту же работу. Вот когда мы уже превратились в колонию.

...А ночные смены я любил. Приходишь с Беном с утра, продрыхнешь часика 4 и весь день твой. Можно идти мерять шляпы. Или в кино на худой конец.

А вот утренняя смена — хуево. Вставать надо в 5-30. Будил меня поганый зуммер масенького электрического будильника (он и сейчас валяется у меня в столе, только не работает. Починить что ли?)

С тех пор я этот зуммер ненавижу. Встаем, блядь, а еще темно, ставим с Беном чайник, на хуй. Вскрываем «Завтрак туриста» за 33 копейки — рыбный паштет с перловой крупой. Жрем. И хуячим с крейсерской скоростью пешком на завод. (Общага находилась недалеко от проходной). Идем во тьме и совместно поем из Северного: «Звезды зажигаются хрустальные, под ногами чуть скрипит снежок...»

На работу как на праздник.

* Я бы на месте Королева после Мурманска с Соломоном водиться не стал. Не люблю злых людей. Я их убиваю.

ПОДГЛАВА 21.1

Белозерск или Беново счастье.

...Я сломал Бена. Он долго сопротивлялся, не хотел отрывать задницу. Но в конце концов я сломал Бена.

— Поехали, старик! Хули, экскурсия... Посмотрим хоть. Название-то какое — Белозерск! Поглядим Белое озеро! По карте тут 100 километров. За полтора часа на «Икарусе» долетим. Сядем в кресла, откинемся, посмотрим северную природу. А вечером обратно. Церковки, музеи, хуе-мое... В ресторации там поедим. Сувенирчик купим...

Сломал. Мы плюнули на отчет по практике, пришли на автовокзал и купили 2 билета до Белозерска. Подошли к перрону и честно стали ждать красный «Икарус».

Еби меня пономарь! Подъехал маленький желтый ПАЗик. Наши места, о которых я думал, что они в самой середине, оказались в тряском задке раздолбанного автобусика. Это нас несколько обескуражило. А где же крейсер дорог с откидными спинками?..

Узкая лента трассы на Белозерск составленная из бетонных плит кончилась километрах через 20-30 после выезда из Череповца. И до самого Белозерска тянулся по деревням разбитый проселок, в грязные лужи которого автобус въезжал как пограничный катер в волну — раскидывая ее в разные стороны. Это была очень хуевая дорога. Это не было дороги. Мы тряслись до Белозерска 4 часа. А когда приехали, в покосившейся избушке автостанции узнали, что сегодня в Череповец рейсов уже нет. В гостиницу переночевать нас не пустили. Потому что 2 дурака не взяли с собой паспорта. Ночлега у частных мы не нашли. И нам ничего не оставалось делать, как только гулять по городу, фотографироваться и шляться по музею и магазинам...

В каждом провинциальном городе я имею обыкновение заходить в краеведческий музей. И ничего никогда от этих музеев в голове не остается, кроме каких-то первобытных черепков, нарисованных вручную зеленых карт с путями славян да крестьянской утвари, непременно элементом которой является прялка. Но привычке я своей не изменяю и в обязательном порядке заруливаю в музей. Традиция, хули. Плетью обуха...

Мы попеременно сфотографировались возле камня с над-

писью «Град Белозерск основан в 862 году». На этой фотографии я стою с таким довольным видом, будто это лично я основал град Белозерск в 862 году.

Хотя радоваться, в общем-то, было нечему. Пиздец подкрался на тоненьких ножках. Холодная осенняя ночь нависла над нами морозящим дождем, когда старушка-процентщица повесила амбарный замок на дверь автостанции.

— Где же ночевать будем, ебтыть?

Мы побрели обратно от станции и вскоре наткнулись на междугородный переговорный пункт. Слава яйцам, он работал круглосуточно. В книжном магазине я купил научно-популярную книжку «Неисчерпаемость бесконечности» и полночи читал ее, а полночи пытался заснуть. Зашел в телефонную кабинку, где сидел на стульчике Бен, втащил туда еще один стул, сел рядом, упершись Бену головой в пузо и уснул на хуй. Вдвоем теплее.

С первым шестичасовым автобусом мы бежали из города. А если бы устроились в гостиницу, улетели бы 12-часовым пролетающим кукурузником. Билет до Череповца стоил 3 рубля.

— Я теперь только понял, что такое счастье. Это теплая постель ночью. Вот же наши дураки не знают своего счастья, дрыхнут. Завалились, блядь, под одеяло и дрыхнут, пидоразы. — сказал Бен.

...Алетом, наверное, хорошо в Белозерске. Огромное озеро до горизонта. Корабли плавают... Хуево ли...

ГЛАВА 22

Жопа.

Тут недавно в редакции Шендерович* делился воспоминаниями об армии.

Он служил в образцово-показательной части, где зеленой краской красили траву и обтрясали деревья от осенней листвы перед приездом начальства.

— Несколько часов подряд метем плац, а листья все падают и падают. Наконец начальство принимает решение — обтряс-

* Виктор Шендерович писатель-сатирик, мой современник.

ти деревья. А те листья, которые не упали, обрывали солдаты-якуты. По двое залезали и обрывали желтые листья. Зрелище, я вам скажу...

А вечером в 21-00 подходим к майору, спрашиваем, что, мол, делать. Телевизор из «Ленинской комнаты» унесли в ремонт, а по расписанию положено смотреть программу «Время». Может быть, личное время дать людям? Но разве ж это можно?! Представь — приходит в казарму высокое начальство, а там — кто воротнички подшивает, кто чем занимается. Бардак! Никак невозможно! Поэтому майор приказывает: раз положено находиться в «Ленинской комнате» и смотреть телевизор, значит собраться в «Ленинской комнате», рассестись перед экраном на стульях на полчаса, пока не кончится программа «Время». А то, что телевизора нет, это частности, главное — дисциплина! И полчаса рота сидела перед кирпичной стенкой со штепселем. Кафка!

Помню, в первый раз на переключке прапор по списку выкликает: «Шендерович!» Я поправляю: «Шендерович.» Он, не глядя на меня, снова повторяет: «Шендерович». Еще раз поправляю, ведь ошибается же человек: «Шендерович, товарищ прапорщик». Он поднимает на меня бессмысленные рыбы глаза и объясняет мне, как не понимающему, еще раз: «ШендерЕвич». И тут только до меня доходит, что теперь я действительно Шендерович — там так написано.

...Сержант у нас был большая сволочь. Сейчас он в Ростове, капитан милиции, я слежу за его судьбой... Однажды не выдержал и высказал ему все, что о нем думаю. Нет, он бить не стал. Дедовщины у нас не было, все-таки образцово-показательная часть. Он решил меня по Уставу доконать. Наряд, наряд, еще раз наряд. Придирки за любые нарушения. Далее — вся рота одевает противогазы и вперед — «вспышка справа! Вспышка слева!» Все падают, бегут, снова падают а сержант поясняет:

— Это вам за Шендеровича!.. Так, Шендерович раненый.

И вся рота, по очереди тащит меня на руках. Потом из-за того, что у Шендеровича пуговица вверх ногами пришита, а не как у солдата на плакате, вся рота лишается увольнения. Всех заставляет по очереди перешивать пуговицы на моей шинели. А потом — уходит. Представляешь, что потом со мной делают... Всегда найдутся желающие поучить.

Нет, у меня с армией свои счеты... Когда я читал «Один день

Ивана Денисовича» мне все казалось знакомым — вся эта система подавления.

Когда Шендерович пришел из СА, он написал один из первых рассказов — о том, как солдаты от безделья затравили крысу. Рассказ, естественно, никуда не брали. И только в одном журнале тетка сказала: «Давай сделаем так. Рассказ хороший. Ты будешь как будто переводчик с испанского. А рассказ измени, пусть это будут не наши солдаты, а где-нибудь в Латинской Америке в казарме солдаты от безделья затравили опоссума. Тогда напечатаем».

...Я тоже очень люблю армию. Она радует меня какой-то первобытной прущей силой, животной жизнерадостностью, простой линейностью решений и зеленым цветом надежды.

...Раздался стук в дверь. Я открыл. На пороге стояли танки.*

Сначала я обрадовался. Люблю все, что ездит, все что стреляет люблю. И в квадрате, когда и то и другое. К тому же это очень романтично — ах, танки! Проходите, ребята, не толпитесь, по одному, ковры не помните. Ума не приложу, какие вам тапочки подобрать.

Проползайте в комнату, обратите внимание, дверь закрыта... Не заметили...

...Ковры помяли. Целку порвали.

Осталось только правило: в танке главное — не бздеть. Так проходит любовь.

Очень я хотел поглядеть на танк. И очень танк меня удивил. Я думал, он такой гладенький, а он, блядь, как ежик. Весь весь утыканный какой-то хуйней, оборудованием, прожекторами, антенной, зенитным пулеметом, коробками, штуками железными. Лохматенький, но все равно до жопы приятный, милый, застенчивый. Только не краснеет.

А легендарный полковник Лутошенко краснел. И даже бурел, когда орал. Он, говорят, жил совсем без образования, а на войне был сыном полка. Потому и дослужился до полковника. Лутошенко — это не просто Лутошенко, это притча во языцах.

— Я завидую вам, что у вас столько образования! — орал полковник перед строем. — А вы не хотите учиться на

* Это было на первом курсе. Тогда я узнал, что у нас именно танковая военная кафедра.

военной!.. Кафедре! Вы все — одна большая!.. Жопа! Почему вы не смываете за собой в туалетах?! Говно?! Вы деревня! Напились портвешка, нажрались кислой капусты с водой и дрищете в туалетах!.. Свиньи! Где была совесть, у вас там хуй вырос!

Или:

— ...напились портвешка! А моя жена не курит!.. Не пьет!.. И в рот не берет!.. Это яд!

— Я вас всех!.. Из института уволю! И кто не служил — пойдет в армию! А кто служил... Пойдет дослуживать!

Лутошенко всегда ставил только двойки.

—...Так... Я успел опросить до звонка только 5 человек! Они получили оценку «два». Но я знаю, что никто из вас ничего не знает! Поэтому я всему взводу ставлю «два». По «двойке»... Нет, по две «двойки». Учиться, учиться и еще раз учиться, как завещал вам великий Ленин.

Так же он проверял и листочки с контрольными вопросами.

— Так. Первый вопрос — «пять». Второй вопрос — «пять». Третий вопрос — «пять». Четвертый вопрос — «три». Итоговая оценка — «два».

Про Лутошенко ходили народные стихи:

*Говорят, что дядя Ваня
В детстве сыном был полка.
Если б знали кем он станет,
Удавили б мудака!*

Все двойки, полученные на «войне» нужно было отрабатывать. Родина не могла допустить, чтобы офицер чего-нибудь не знал. Например, химическую реакцию восстановления в аккумуляторах 6СТЭН-140М. А вдруг это понадобится в бою! Родина хотела быть уверенной в своих сыновьях и крепить свою обороноспособность. Поэтому все двойки надо было отрабатывать. А что такое отрабатывать, Родина? А это покрасить забор. Смастерить стенд, выкопать яму. В общем, на кого-либо из офицеров поработать. Упаси бог, не на них лично, а на благо военной кафедры, чтоб она хорошо выглядела и можно было пустить пыль в глаза проверяющим.

Все офицеры на кафедре делились условно на две большие категории — «фанаты» и «похуисты». Суть этих явлений ясна из их названий. Фанаты хотели научить нас чему-нибудь всерьез и потому ебали. А похуистам лишь бы вечность проводить, они ебали нас шутки ради. Лутошенко же в равной

мере принадлежал к обеим группам. Он был фанатичный похуист. И поэтому ебал всех вдвойне.

Между прочим, когда я прочитал «Один день Ивана Денисовича», у меня тоже возникла сильнейшая ассоциация с армией. Правда, г-н Шендерович служил 1,5 года, а я 1,5 месяца, но ведь вкус говна не является функцией от количества съеденного.

«...Дождь шел третий день. Он то сыпался мелкой надоедливой сечкой, то повисал в воздухе водяной пылью, то вдруг проливался длинно и холодно, закрашивая день в серый цвет.

К вечеру он прекратился, и еще целую ночь с ветвей утомленных сосен на промокший, отяжелевший брезент палаток падали редкие, крупные капли.

Светало. Нахохлившийся дневальный в сырой шинели поглядывал на циферблат, и как только стрелки растопырились на шести часах, холодное утро раздвинул проклятый окаянный крик:

— Рота! Па-адем!

Так начинается день...»

Это отрывки из моих документальных лагерных воспоминаний под названием «7 шагов в прошлое», которые я раздарил в виде машинописных книжек друзьям по нарам. А написал я их, между прочим, на дипломной практике, сразу после прочтения «...Ивана Денисовича». Сидел себе на трубном заводе, делать было нечего, я и писал...

«Здесь, как и повсюду в армии, царь и бог — показуха. Кто-нибудь из офицеров ходит и выгоняет всех из палаток и с территории лагеря. Не любит начальство, чтобы курсанты спали. Даже если ты в наряде по кухне и еще с утра можешь поспать, все равно выгонят. Начальство боится, что ему нагорит от его начальства. И так далее. Цепная реакция боязни. Все боятся, только курсант ничего не боится. Курсант лишь слегка опасается. Слегка, но многого.

А чтобы не погореть на чем-нибудь, нужно выполнять лишь одно правило — не высовывайся. Не попадайся на глаза начальству, если тебе нечего делать, а не то заметут на работы. Не становись с краю шеренги или колонны. А если отбирают людей куда-нибудь вкалывать, ссутулься, сделайся ниже

ростом, отклонись вбок, чтобы прикрыться спиной стоящего слева, справа или спереди, и ни в коем случае не смотри на начальство, лучше опусти глаза, а то напорешься на встречный взгляд, и могут замести на работы.

А если не замели, лучше спрятаться в палатку, полежать там, поспать. Можно также пойти на Волгу, расстелить шинель и поспать. Вариантов много.

Как-то после обеда, то есть тогда, когда формально, по расписанию занятия были, а фактически, как всегда ни черта не было, мы с Беном лежали на травке, за первой линейкой, на полпути к помойке и лениво смотрели как Фатхулла дрючит свою вторую роту. Вторая рота — это Физхим, физико-химический факультет. Одни евреи, так считается. О Физхиме ходит слава факультета чересчур заумного, а в практической жизни беспомощного до идиотизма. Именно Физхим пишет кляузы на славных офицеров кафедры, именно с ним случаются самые невероятные истории, о которых потом долго ходят легенды...

За все эти вывихи студентов с Физхима офицеры очень не любят. Весь их опыт говорит, что с Физхимом хлопот не оберешься. Поэтому второй роте и дали в кураторы зверя — Фатхуллу».

В армии хорошо всяким художникам да артистам. Плакатики рисовать, агитбригады, хуе-мое. Вот, например, хорошо было у нас Мише Грушевскому * с Физхима. Он пародировал кафедральных офицеров и разъезжал с агитбригадой.

«У солдата самая веселая жизнь, — говорил подполковник Ласевич, — идет в столовую — поет, из столовой идет — поет.» Жизнь, да, была веселая, интересная.

Очень интересное дело — вождение танка.

«Танк!

Когда стоишь метрах в 20-и от ползущего, рычащего танка, то чувствуешь как дрожит под ногами земля. Дрожит в буквальном смысле, без преувеличения.

40 тонн рычащего железа. В башне стоит такой грохот и дребезжание, будто перетряхивают ведро с гайками, ничего не

* Михаил Грушевский, пародист, прославился пародиями на Горбачева. Мой современник.

слышно. Только видно как рот раскрывает сидящий рядом с тобой...

Дергаешь рычаги, перемалываешь траками желтый песок со следами гусениц и видишь, что впереди дорога вдруг куда-то проваливается. Когда едешь с открытым люком, еще ничего, а когда с закрытым, то весь мир сужается до тонкой полоски смотрового прибора. И в тот момент, когда танк переваливается в яму, ты видишь только песок и грязную лужу на дне. Поддаешь газу, и танк, задрав ствол, начинает с ревом выползать наверх. Тогда видно только синее небо и верхушки сосен. Выполз — и снова желтый песок и зелено-коричневые сосны, только теперь уже без макушек.

И все-таки на месте механика-водителя лучше, чем в башне. Во-первых, потому что меньше шуму, во-вторых, занят делом и держишься за рычаги, в-третьих, сидишь ниже всех и меньше кидает. А в башне крутом одни углы, сиденье маленькое, грохот, в приборы эти ни черта не видно, а главное, нужен постоянный контроль, чтобы на очередном провале не пиздануться обо что-нибудь головой.

Масса проблем. То ли дело на стрельбище...»

А между прочим, на стрельбище я в первый раз стреляя из ПМ в грудную мишень выбил 24 очка, в то время как остальные настреляли 0. Вот уж не зря говорят: если талант, так уж во всем.

Я особо подробно про лагерь-то, которые мы еще называли Жопой, не хочу расписывать, это уже отражено в мировой литературе, в частности, в тех же «7 шагах в прошлое».

ГЛАВА 23.

Запор.

Запор не тот, что в жопе, как вы уже поняли, а тот, что после Жопы. Запор — это город на Украине. Еще мы называли его Запарижье.

...Иногда идешь, а твой рот чего-нибудь поет. Несусветное. Мозг играет, изощряется. Подберет, манда, какой-нибудь мотив и давай его гонять на разные слова. Вот например:

*Твое влагалище, большое как градирня,
Напоминает мне осенние трусы.*

*А я люблю тебя, игрушка заводная,
А я люблю тебя, медведик мой простой.*

Ну что это такое?! Хуйня чистой воды, за которую всякому человеку должно быть стыдно. А вот поди ж ты, имеет право на существование: искусство. И ничего не поделаешь. Плетью обуха...

Мы приехали в Запор ранним утром, в 7 часов утра после «войны». Уже будучи лейтенантами. И поперлись устраиваться в общагу.

Это была середина августа. Ну, лето! Юг. Тепло. Днепр. Пляж. А нужно было, напротив, устраиваться на работу простыми рабочими. А не хотелось. Хотелось спуститься из общаги по южной аллее с пирамидальными тополями к набережной Днепра, к громадному пляжу. И упасть там в горячий песок.

Но злая неволя тоталитаризма заставляла нас работать на металлургическом комбинате. Ебала в жопу. Нужно было к отчету по практике подколоть заводскую справку о получении рабочей специальности. И у всех у нас в этих справках с чисто заводской непосредственностью было написано «Здал техминимум на резчика горящего металла».

Если б не работа, это была бы лучшая практика: солнце, дешевые изобильные продукты, разные колбасы, пирожки, десятки соков, фруктовые кефиры, печенья, фрукты, пряники, овощи, арбузы, дыни, пирожные, конфеты, пирожки, булочки-хуюлочки, маслице-хуяслице. А в Центральном гастрономе, несмотря на антиалкогольную компанию, светлым приветом застоя стояли батареи разноцветных разнокалиберных бутылок. Глаза разбегались, и их потом трудно было собрать в одну кучку. Проклятый застой! Окосеть можно! Спаивали народ картинками всякими.

Мы жили вшестером в одной очень большой комнате: Я, Бен, Яша, Баранов, Вова Королев и Рубин.

Как и в Черепе скидывались помаленьку, Рубин ходил в ближайший гастроном, покупал сахар, сухарей-хуйрярей и какой-нибудь колбасы. Развращенный изобилием пищи, я как-то на пробу купил кругляк узкой кровяной колбасы черного цвета. Она почему-то омерзительно воняла. Специфически, наверное. Как заморский плод дуриан. Колбаса

лежала на столе и имела такой непрезентабельный вид, что, когда Королев вошел в комнату и увидел ее, то подумал, что совершен хулиганский акт: на стол насрали. Такой вид имела запорожская кровяная колбаса. Мы ее потом съели.

А как приятны и душевны были наши вечерние чаепития! Хорошо было, собравшись вечером, попить чаю. Отдохну-венно, на закате дня, перед погружением в объятия Морфея испить стаканчик-другой ароматного грузинского напитка номер 36. Под интеллигентную беседу о целках.

Раскусывая ароматный сухарик, Вова поделился, как он в общаге сломал одну толстую целку. Был такой случай. Маленький росточком Вова задался целью поебаться. Привел толстую девку, на которую никто не зарился, и которой тоже давно уже пора было расставаться с девственностью, потому что дальше оставаться целкой было уже просто неприлично. Вова замесил круто, по всем правилам — вино, карты, музон. Но на звуки музона после 23-00 нагрянули оперы. И обнаружили весь спектр запретных удовольствий в Вовиной комнате: музыка после 23-00, азартные игры, спиртные напитки и баба после 23-00 в чужой комнате. Вове обломилось моральной пизды в виде хозработ. Но Вова не сдался.

На второй раз все получилось. Вова наконец в беляевской общаге потерял невинность, попутно обесчестив честную до того девушку.

— Кстати, после этого она начала всем давать напропалую, — закончил свой рассказ Вова Королев, хрустя ароматным сухариком и скромно позвякивая ложечкой в стакане.

— Да, Вова первым взял эту крепость... Теперь там сделали музей, — как всегда остроумно заметил я.

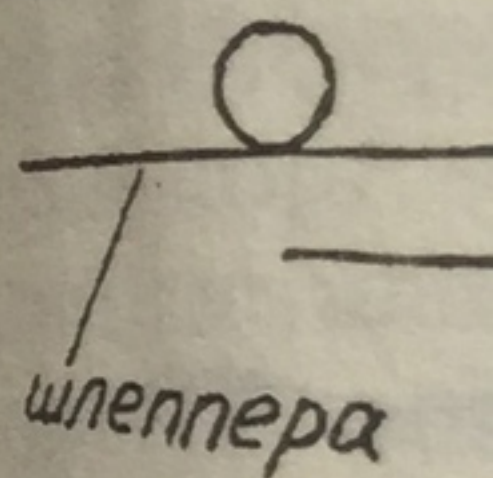
Между прочим, последнюю, про музей, фразу мы с Яшкой выпалили одновременно. Он точно поймал мою мысль. Калиостро — не хуй собачий.

Нам слишком хорошо жилось, это не могло долго продолжаться. Мы даже съездили на «Ракете» в Днепропетровск. Мы всячески оттягивали устройство на работу. Прослышав об этом, нас вызвал руководитель практики композитор Берковский и сильно поругал, сказав, что мы его подводим:

— Вам лишь бы насрать руководителю!..

Пришлось устраиваться. Нам с Яшей и Вовой Королевым не повезло больше всех. Мы попали в ад...

Промедлен
точно. Мы по
Микоян и Ко
Мы стояли
борке раскала
Раскаленные
через форштор
боковой отвод
Бутеля — это в

РАБОЧЕЕ М

Виэ

Вот он падает
звешивать. Но
искусство это «к
Ведь просто так э
ких протов или
кучу хвороста. П
прутов вручную
и за них вручнук
Кольца вязали
проволоки нужнос
кожу на наковал
кольцо в 4 витка
поскольку в пр

СОШЕСТВИЕ В АД.

Промедление смерти подобно, говорят некоторые. Это точно. Мы попали в самую жопу. В теплое местечко. Я, Микоян и Королев Вова.

Мы стояли в обороне на последней точке. Мы работали на уборке раскаленного металла с линии стана 550.

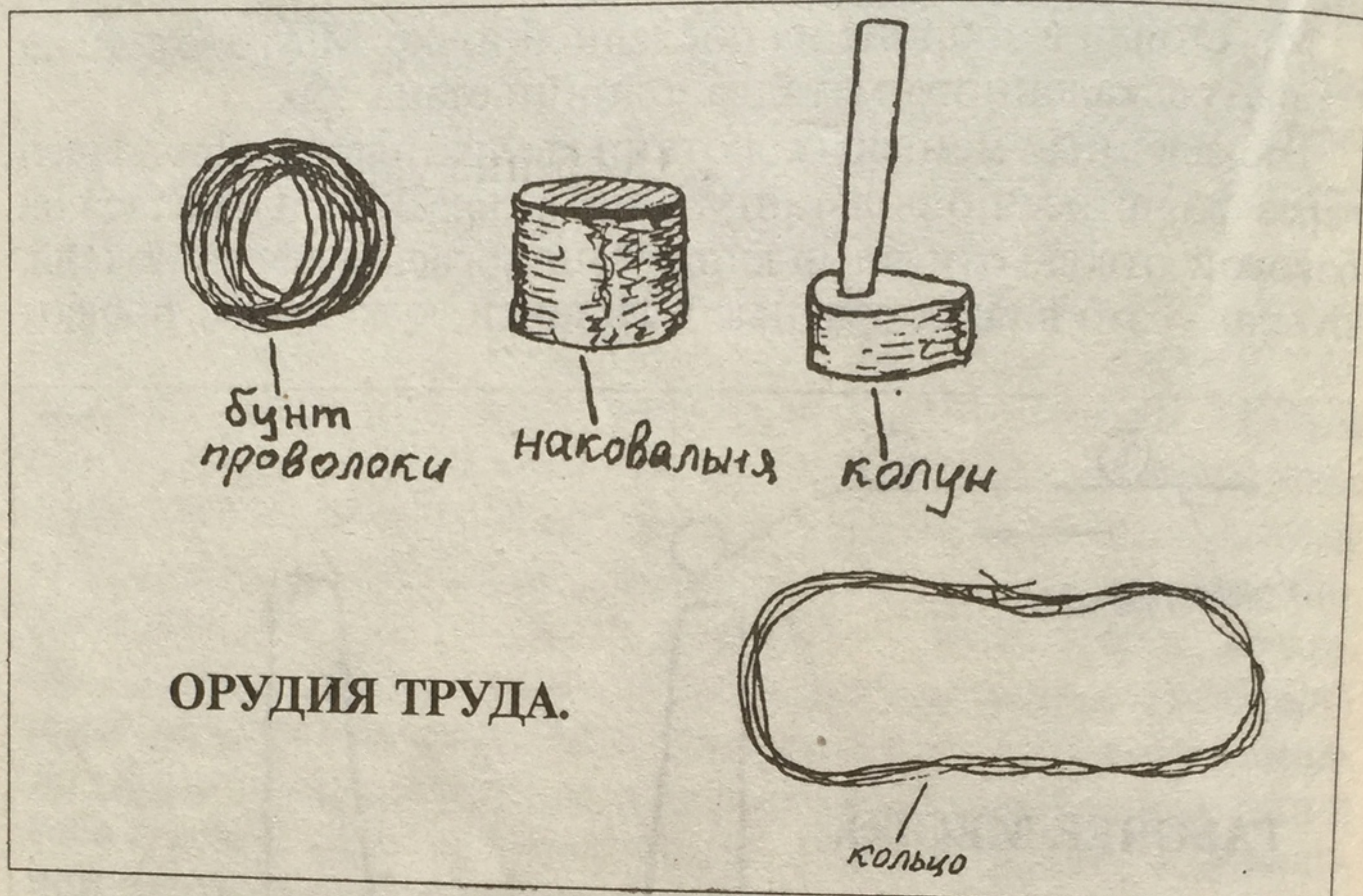
Раскаленный меньяр (короткий квадратный профиль) шел через форштосс по рольгангу, автоматически сталкивался на боковой отвод, откуда шлепперами сбрасывался на бугеля. Бугеля — это вилкообразные подставки, куда падает прокат.

Вот он падает, падает, а потом его надо краном убирать и взвешивать. Но хуй не в этом. Искусство это не «что», искусство это «как». Хуйня крылась в технологии подъема. Ведь просто так эту массу раскаленных докрасна металлических прутков или бревен не поднять. Надо перевязывать как кучу хвороста. Поэтому с двух сторон на раскаленную пачку прутков вручную набрасывались кольца из толстой проволоки и за них вручную же цеплялись крюки крана.

Кольца вязались из отожженной проволоки. От бунта этой проволоки нужно было отсчитать 6 витков, положить проволоку на наковальню и отрубить колуном. Потом связать кольцо в 4 витка — работа очень высокой интенсивности, поскольку в процессе производства строповочного кольца

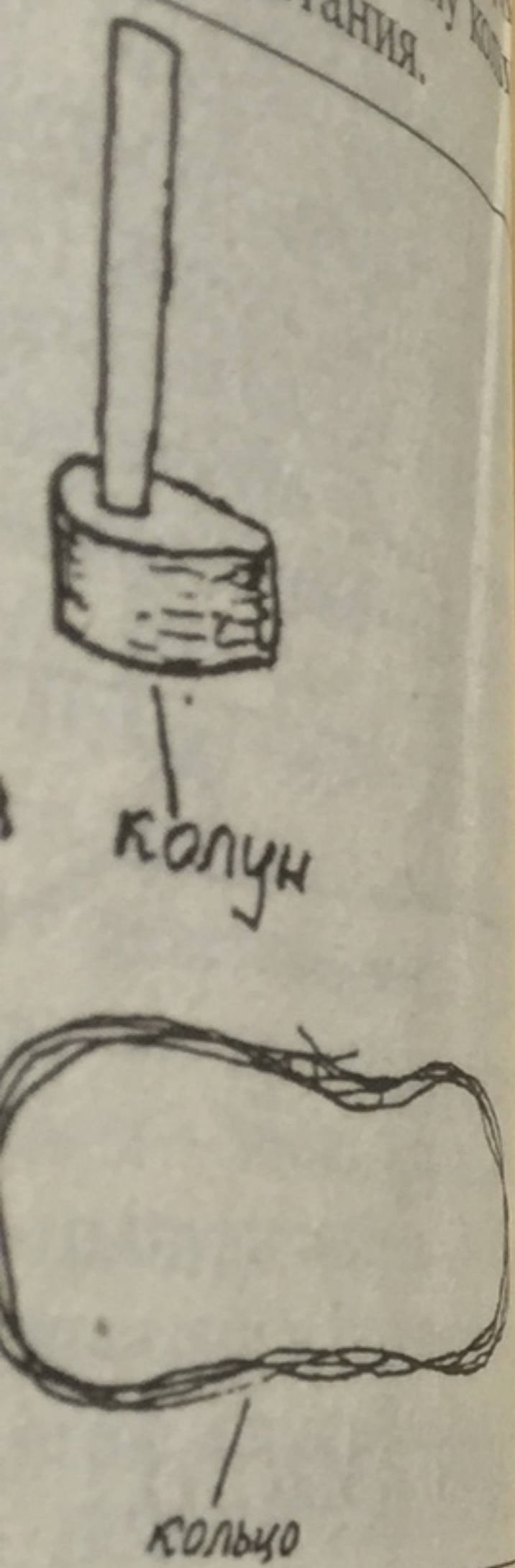
участвовали не только руки и не только ноги (ими придерживались нижние витки проволоки), но и живот, который служил для формовки кольца. Животом связанному кольцу придавалась овальная форма. Методом налегания.

Два кольца накидывались по бокам на связку металла. Вот это и было самым ужасным: 4-5 тонн раскаленного докрасна или добела металла излучали нестерпимый жар. К этому раскаленному мареву нужно было подойти вплотную и надеть кольца на торцы связки и зацепить за них опустившиеся крановые крюки.

Знаете, впервые я почувствовал смутное беспокойство еще когда нам троим на складе вместо обычной спецодежды выдали штаны и куртку из толстого войлока. И еще рукавицы из шинельного сукна обитые кожей и пропитанные негорючим составом. Но они все равно горели, дымясь белым дымом. Случайное неосторожное касание металла во время строповки — и черная рукавица вспыхивала, а на коже оставался ожоговый, трудно выводимый черный след — въевшиеся в руку остатки сгоревшего огнегасящего состава.

Поначалу у нас не было даже пластиковых щитков на лице, которые пристегивались к каске. Их выдали только через несколько смен, поэтому сперва, надевая кольца и цепляя крюк, я отворачивал рыло, щурил глаза, работал практически вслепую и чувствовал как на лбу в буквальном смысле

закипает пот. И рожа была вся красная, обожженная. Зенки лезли из орбит. Ну а после того как выдали щитки, стало полегче, жгло только шею.

Технология стана 550, равно как и других заводских станов, не менялась десятилетиями. Еще отец Яшки, проходивший в свою бытность практику в Запорожье, вязал эти кольца. А теперь мы. А говорят, в одну речку нельзя войти дважды. До хуя можно войти. Особенно у нас.

На холодильнике проходящий металл, пока он не остыл, клеймил специальный мужик. Подбегал, прикладывал к торцу клеймо и хуячил молотком. Раньше здесь был специальный пневматический клеймитель, но он сломался, и остался один мужик. Интересы у нас с мужиком были разные. Когда шел мелкий сорт — «макароны» — нам была лафа: во-первых, тонкий металл успевал остыть почти до малинового цвета, а во-вторых, пока насыплются полные бугеля этой мелкоты, можно посидеть на лавочке. А мужик заебывался клеймить каждую макаронину. Долбил как дятел. Зато когда катали крупный сорт, нам приходил пиздаускас. Клеймовщик вразвалку приближался к металлу, вальяжно хуякал по нескольким бревнам и садился. А мы въебывали как пчелки папы Карло: с одной стороны, несколько таких бревен полностью заполняли бугеля и мы то и дело бегали делать подъемы, вязали кольца, звонили в колокол по крану. С другой стороны — толстый металл не успевал остыть на холодильнике и оставался бело-желтым. Мы горели. Горели на работе. А иногда бревно ложилось на бугеля косо и приходилось в два лома выворачивать его в нужном направлении. Просовываешь лом под белый раскат в плывущем мареве раскаленного воздуха и виснешь на нем в противовес животом, а напарник в это время делает тоже с другой стороны.

Картина дополнялась общей грохочущей чернотой гигантского цеха с редкими белыми лампами высоко-высоко да сантиметровым слоем окалиной пыли на всем вокруг.

Поначалу я работал в куртке-шинели, потом выбросил ее. В ней было неудобно вязать кольца, а надевать ее перед каждым подъемом я заебывался. Мы старались быстро накинуть кольца, зацепить крюки и отвалить от жаровни. Какое-то непродолжительное время пока накидываешь и цепляешь, военная рубашка, в которой я там уродовался, держала жар, потом, если замешкаешься, так раскалялась, что обжигала кожу. После месяца работы рубашка из зеленой превратилась

в черную и почти все пуговицы на ней отгорели. Когда перед самой первой сменой Баранов впервые увидел меня в ней, он похвалил:

— Пиздатая рубашка.

— Пиздатая, в смысле засрать не жалко? — уточнил я.

— Да, — засмеялся Баранов.

Я ее засрал и оставил на заводе. Хуй с ней, говна не жалко. Отстирать все равно невозможно.

Между прочим, жар от металла вредный. Клеймовщика из нашей бригады даже в армию не взяли: из-за жара у него по телу пошли какие-то красные пятна. А у меня не пошли.

Кроме того, бригада страдала от угрей на глазах. Раскалившись у металла, наши бригадные люди лезли под гигантские вентиляторы, стоявшие на треногах возле каждого рабочего места. Сильный поток воздуха людей продувал и получались угри на веках. Я под вентилятор не лазил, пошли они на хуй со своими угрями.

Самым большим удовольствием в работе было ее отсутствие, приятно было также наблюдать по часам, что смена кончается. После смены можно отодрать мочалкой черную копоть с лица, рук, тела и поехать домой.

Получали рабочие за такую работу 300 рублей и горячий стаж. А на стенах цехов завода вместо пятилетних призывов и обещаний решения XXXXXXVIII съезда выполнить, висели плакаты: «Пройти трудовой путь без травм — дело чести каждого заводчанина!»

У нас травмы в один день получили двое — Марков и Рубин. Во время строповки им крановыми крюками раздавило пальцы. Оба потом ходили в гипсе. Рубин заорал, когда ему пальцы-то прижало, крановщица как-то в гуле цеха расслышала, испуганно сдала крюк вниз, потом уронила голову на руки и зарыдала.

В металлургии много гибнет. Меньше, чем шахтеров, но тоже до хуя.

ПОДГЛАВА 21.1

Баранов идет ебаться.

Большой кот достойного белого цвета, важный как толстый пароход, хвост трубой, покачиваясь причалил к моим ногам и

заурчал на низких оборотах. Стоп-машина! Он терся о мои кроссовки — белым бортом о пирсовые шины — и мне на мгновение показалось, что сейчас откуда-нибудь из котового уха высунется капитан в фуражке, крикнет что-то морское в мегафон, и кот уберет трап, отдаст швартовы и протяжно загудит, предупреждая об отплытии.

— Кис-кис-кис! — я нагнулся и почесал большую белую голову. Кот ткнулся лбом мне в ладонь и отчалил. А я зашел в Центральный универмаг. Там стоял за спиртным Баранов.

...Готовилась пьянка...

Яшка стоял в соседней очереди за пряниками. «Интересно, — подумал я. — А сколько стоит килограмм пиздюлей? Уж не рупь ли двадцать, как пряники?»

— Баранов! — я дернул Баранова за фалду фрака. — Сколько стоит килограмм пиздюлей?

— Рупь 20, — не задумываясь, ответил Баранов.

Ну вот, а вы говорите, что телепатии не бывает. Калиостро!

...Готовилась пьянка. Правда, Бен с Королевым пить не захотели. А мы скинулись, Рубин как раз пригласил двух своих знакомых крановщиц с завода. Это было до того, как ему прижало пальцы, но после того, как мы переехали из нашей большой 6-местной комнаты в две соседние трехместные и разработали систему перестуков. Я жил с Барановым и Королевым. Бен с Рубиным и Микояном.

Мы перестукивались. Два стука в стену означало «иди ко мне пить чай».

4 стука — «иду к тебе».

3 стука — «хуйня поперла».

3 стука означало следующее. Нетрезвые или трезвые Медведкин, Марципанов, Соломонов и т.п. начинали вдруг от нечего делать, по общежитской привычке, шастать по комнатам в пустых рассуждениях или поисках открывалки. Их общество на хуй было нам не интересно, поэтому, если к кому-то из нас шатун заходил в комнату, это означало, что он скорее всего мог позже зайти докучать и к соседям. Как вариант — вслед за ним могли зайти остальные шатуны и похозяйски рассестись на кроватях. Выпроводить этих закоренелых общажников было нелегко. Поэтому та комната, в которую забредал шатун, давала три стука в стену: хуйня поперла, закрывайте двери, прикидывайтесь, что вас нет.

... Готовилась пьянка...

Ее идейным вдохновителем и идеологом был, конечно,

Баранов, поскольку рассчитывал поебаться с крановщицей. Организатором — Рубин. А мы с Яшей готовились хорошенько надристаться. Во славу Господа.

...Одна крановщица была толстая и все время липла ко мне — потанцевать там, то да се, поебаться. Но как можно ебаться с толстыми? Никак невозможно. А просто так плясать я не люблю, хуевое это занятие. Только если с перспективой на поебку, тогда могу еще пляски вытерпеть, хуй с ним, я с тобой попляшу, но потом за это выебу хорошенько. Если ты не толстая, конечно. У толстых нет перспективы. Но толстая знала моей жизненной философии, поэтому все липла, тянула плясать, а хули плясать без толку? Я твердо понимал свою боевую задачу — пить спиртосодержащие напитки (раз деньги плочены). И на толстые провокации не шел. Пошла ты на хуй, девушка...

Пока мы с Яшей успешно шли к намеченной цели — упорно надристаться водярки — Баранов методично соблазнял вторую крановщицу. Он, противу ожидания, тоже изрядно надристался и пьяный вусмерть пошел с тонкой крановщицей в туалет блевать. Она тоже была бухая в жопу. Поблевав, Баранов вышел из туалета и сказал своей девушке:

— Давай ебаться.

— Потом, — ответила девушка.

А мы с Яшкой тем временем пошли вниз смотреть в телевизор... С этим кино — одна неясность. Я давно заметил — как выпьешь, так фильм не понимаешь.

— Пойдем, Микоян, там сейчас кино «Игрушка».

— Но ведь мы же ничего не поймем.

— Не поймем... Комедия французская...

Ничего, конечно, не поняли. Когда пьян, всегда так — каждое отдельное слово, предложение, действие — понятны. А общий смысл пропадает. И исчезает интерес вообще смотреть этот фильм, напрягаться. Все вокруг чего-то смеялись, а мы с Яшей, нахмурившись, сосредоточенно смотрели в экран.

— Пойдем отсюда, — дернул я Яшку. — Хуйня какая-то, ничего непонятно.

Стоило нам выйти на воздух, как мы тут же развеселились без всякого кино. Пьяный человек самодостаточен. Мы пошли быстрым шагом вниз, к Днепру, по пути болтая на каких-то иностранных языках. Потом побродили по воде и быстрым шагом погуляли обратно.

А Баранов с Рубиным отправились провожать крановщиц до их общаги. На пути следования Адам периодически блевал в кусты. Но несмотря на эти досадные отвлечения, вроде бы у них все уже было на мази. Они сосались, и крановщица пригласила Баранова к себе через несколько дней. Проводив, Баранов и Рубин приползли обратно, и я уложил Баранова спать, потому что он был совсем квелый.

Это случилось уже под конец практики, мы уже не работали, а писали отчеты. Точнее, списывали с каких-то старых, позапрошлогодных отчетов. (Благо технология десятками лет не меняется.) А в воскресенье решили расслабиться и съездить на Хортицу. Это такой заповедный остров на Днепре с музеями и озерами. Большой.

А Баранов сидел и сосредоточенно хуячил отчет. Вообще-то, время действительно поджимало. Скоро была защита. Но как же не посмотреть Хортицу, на которую мы уже два месяца собирались!

— Адам! Поедем с нами на Хортицу. А то уедешь, так и не увидишь!

— Не пойду! — твердо сказал Баранов. — Буду отчет писать. Вам хорошо. Вы придете и будете писать отчет вечером, а мне надо идти ебаться!

— Старик, ебли у тебя в жизни будет еще до хуя, а Хортица — одна. Уникальный шанс упускаешь!

Но в те годы для юного Баранова и ебля была уникальным событием. Бедный Адам к тому времени поебался только один раз в жизни и хотел второй. А свою официальную московскую невесту Белову не ебал.

Так Баранов променял вечное на сиюминутное. Любовь к пиздам и деньгам не доводит до добра, а ведет к погублению бессмертной души.

...Когда мы вернулись с Хортицы, Адам уже закончил списывать отчет и даже успел сбегать в магазин за презентами крановщице. Он купил бутылку коньяка, бутылку вина и, что нас более всего развеселило и поразило, коробку шоколадных конфет.

— Ты бы еще цветов купил! — усовывались мы с Королевым.

— Ты же ебаться к крановщице идешь, а не с родителями профессорской дочки знакомиться!

Но у Адама деформированные мозги: он купил крановщице — коробку конфет! Разве нормальному человеку в голову

придет?.. Я думаю, в данной ситуации даже бутылка коньяка была лишней.

Короче, ебля обошлась Адаму, как он сам подсчитал, примерно в 35 рублей, учитывая первую пьянку — охуенные деньги.

— Хуйня, мне на еблю денег не жалко, — утешал себя Адам.

— Хуйня, ты давай рассказывай, как все было, — наседал Яшка.

— Хули, блядь... Пришел я к ней, а у нее уже какой-то народ, сидят, пьют. Ну я, конечно, огорчился, думаю, не судьба, наверное, поебаться. Начал бутылки вынимать, думаю, зря деньги трачены. Но она вдруг говорит: погоди. Положила это все, кроме коньяка в мою сумку, и мы ушли в соседнюю комнату, закрылись. Там ебнули и стали ебаться. Я две палочки бросил. Но она потом в слезы пустилась, плакать начала. Я, говорит, поняла, что у тебя в Москве кто-то есть. Это морально очень тяжело, бабские слезы... Пизда у нее такая склизкая...

А вскоре после поебки Баранов подрался с пьяным Соломоном. Пришел я, почистив зубы — и отсутствовал-то всего минут 5, хуйня, а Королев мне и говорит: мол, Баранов с Соломоном подрались. Пришел-де, Соломон в комнату в жопу пьяный, начал говно мутить. Вот на этой почве и задрались мужички. Ладно, хуйня, думаю. Вернулся откуда-то гневный Баранов. Сели за стол, пишем отчет. Вскоре опять вваливается пьяный Соломон. Баранов встретил его почти у самых дверей и хотел вытолкать из апартаментов, но Соломон как ебнул ему по ебальнику! А Баранову это показалось обидным и он Соломону тоже как ебнул по ебальнику! Хуяк! Они и сцепились. Моментом все произошло. Мы с Королевым ломанулись из-за стола разнимать. Королев сидел ближе и вылетел первый, влез между Соломоном и Бараном и начал их расталкивать. Я сбоку растаскиваю. Но пьяный боров Соломон прет как кабан, наклонив лысеющую башку. В этот момент проходил мимо по коридору нетрезвый Крупихин из параллельной группы, который на следующий день распустил слух, что Королев и Баранов били Соломона. Соломон ходил с фингалом. А когда я пришел зачем-то к нему в комнату, Соломон хмуро осведомился:

— Шеф, ты зачем мне вчера фингал поставил?

...Сохранилась фотография — как мы уезжаем. Ох и до хуя

же вещей у нас было! Чего мы там до хуя купили, я уже мало помню. Ну, штормовку, кепку за рупь, вельветовые штаны за 16 (я в них сейчас на даче картошку копаю). Кепка мне теперь мала, голова с тех пор охуенно выросла, увеличилась в размерах, опухла что ли... А может просто кепка села после стирки.

Но вот что я очень хорошо помню — кроссовки. Стояли там в спортивном магазине красивые кроссовки, бело-синие-красные, охуенно дорогие — 33 рубля. И мы очень долго решали — покупать или нет. Много раз ходили в магазин, смотрели их. Первым не выдержал Баранов — купил.

— Мне на хорошие вещи денег не жалко!

Потом и мы с Яшкой и Беном купили (сохранилась фотография, на которой мы все стоим в одинаковых кроссовках.) Много воды с тех пор утекло, у нас с Яшкой давно эти кроссы разорвались к хуям и выбросились. И только у педантичного немца Баранова они до сих пор как новые. Умеет, сволочь...

В поезде наша банда ехала, естественно, в одном купе. Мы чинно закрылись и не выглядывали в коридор. Только пили. Мы затарились вином и двумя бутылками совхозного шампанского. На этикетках шампанских бутылок с алюминиевой фольгой на пробках было написано, что это ягодное шипучее вино производства такого-то совхоза имени кого-то. На этикетку, в самую серединку, прямо на яблочко, я наклеил вырезанное по овалу лицо Баранова с фотографии 3х4. И всю дорогу мы это шампанское винцо называли «Барановским шампанским». Уж очень удачно смотрелась рожа Баранова на этикетке.

Кстати, винцо-то было говенным. Даже господин Баранов, по легенде его производитель, который, между прочим, хмелеет быстрее всех из нас, морщился и делал попытки сблевнуть «барановским».

А наутро проводница несправедливо, но ласково назвала нас тихими алкоголиками.

И вот еще что необходимо заметить: я в Запоре, в урне нашел пачку надорванных порнографических фотографий и притащил ее в общагу. Все восторженно загудели и слетелись смотреть. Посмотрел внимательно и Баранов, после чего заявил:

9* — У меня хуй встал!

ГЛАВА 24.

Как я на спор поебался.

Однажды мне надоело неебаное положение и я решил подойти к проблеме поебки вплотную. Чтобы подстегнуться, я заключил с Яшкой спор.

— Яшка, поебаться не проблема, — говорил я. — Ни хуя не проблема. Давай спорить, что в течении 2, ну хуй с ним, 3 недель я, блядь, кого-нибудь выебу. На пятерку спорим. Давай даже заключим взаимный спор. Ты со мной тоже поспорь, что кого-нибудь выебешь за 3 недели. То есть засунешь хуй в пизду. И вся любовь. Таким образом, если мы оба просрем или оба выиграем, то никто никому ничего не будет должен. А если один просрет, а другой выиграет, то просравший выплачивает выигравшему червонец. Свой проигрыш и его выигрыш.

Мы поспорили...

Объяснения для читателя. Это ясно. Спор-то двойной. Я с ним спору, что выебу, и он, что выебет. Он просирает, я выигрываю. Я выигрываю — он просирает.

ТАБЛИЦА 2

Варианты	Споры	
	Я побился об заклад, что за 3 недели кого-нибудь выебу	Яша побился об заклад, что за 3 недели кого-нибудь выебет
Я выебал и Яша выебал. Результат - 0р.	Я выиграл 5р. Он просрал 5р. Он мне должен 5р.	Он выиграл 5р. Я просрал 5р. Я ему должен 5р.
Я не выебал и он не выебал. Результат - 0р.	Я просрал. Он выиграл Я должен 5р.	Я выиграл. Он просрал. Он мне должен 5р.
Я выебал, он - нет. Результат - 10р.	Я выиграл. Он просрал. Он мне должен 5р.	Я выиграл. Он просрал. Он мне должен 5р.
Он выебал, я - нет. Результат - 10р.	Я просрал. Он выиграл. Я ему должен 5р.	Я просрал. Он выиграл. Я ему должен 5р.

Оба тут же приступили к активным действиям. Задача осложнялась извечным советским вопросом **ГДЕ?** У меня

дома предки, у него тоже. А ебать где-то надо. Причем еще не ясно кого.

И пошла гонка... Мы с Яшей рванули каждый в своем направлении напролом, ломая кусты и ветки, топоча по опавшим листьям по следу ебова, которое нужно было взять первым.

Сам факт поебки подтверждался честным словом. Мы знали, что друг друга не обманем. И мы оба вели отчет о проделываемой работе.

...Не то чтобы каждый день из этих этапных и судьбоносных мы с утра до ночи бегали — язык на плечо — в поисках пизды. Нет, были дни, когда в отчете появлялись надписи типа «практически ничего не сделано». Или: «Проебал позицию. День пропал.»

И вот под фанфары души в моем отчете на 13-й день появилась запись: «СВЕРШИЛОСЬ... НЕ ЗНАЮ, ЧТО И ПИСАТЬ-ТО. В ОБЩЕМ, ПРОСРАЛ МАКЕЙ.»

Как же это случилось? Сейчас, сейчас, поудобнее сяду и все-все хорошо и подробненько опишу. Бля буду.

У меня была телефонная тактика: ходить по улицам и снимать баб было некогда, я сидел на аппарате и обзванивал плохо знакомый и незнакомый бабский пол. Яшка же вручную разрабатывал старые связи. Я палил веером, работал по площадям. Он методично бил в одну цель. У Яши была какая-то, с его точки зрения, перспективная в этом плане знакомая. И он решил ее срочно доработать. Она была дура, и у Яши были шансы. Забегая вперед, скажу, что на следующий день после моей победы ему удалось привести эту бабу к себе домой, раздеть до пояса и щупать за сиськи. Штаны ему с бабы снять не удалось, несмотря на все попытки, хотя от трения яшкиными ладонями по сиськам баба тащи́лась. Но хуй дала.

У меня же клюнула некая Оксана. На голый крючок взяла. Здесь необходима предыстория. Ведь кто такая Оксана... О-о, я буду рассказывать в подробностях! Слушайте все, как я поебался, и что этому предшествовало!

Однажды, когда Яшкины предки по традиции смотались в Литву отдыхать (никто и подумать не мог тогда, что это Литва), я и Саша Суворов по той же традиции приехали к Яшке с ночевкой. У нас, помню, не было выпивки.

— Может одеколону ебнуть? — усомнился я. — Люди же пьют.

Микоян же достал большой пузырь заграничного

одеколона, мы налили 3 маленьких стопочки, добавили «Тройного». Для коктейля, наверное. Сейчас не помню. После добавления «Тройного» на поверхности жидкости появилась белая пена. Из стопок резко разило одеколоном. Некоторое время мы сидели за столом над этими стопками, но выпить так и не решились. Вылили в раковину.

— Тогда давай сделаем чефир, — выдвинул я новую версию кайфа. — Люди же пьют.

Мы вбухали в заварной чайник пачку чая и заварили крутым кипятком. Когда заварилось, опять наполнили стопки.

Я опустил язык в рюмочку.

— Ф-фу, бля!.. — меня перекошело. — Ф-фу, бля, горечь! Хинин! Бля!

Тем не менее, мы хлопнули по две стопки этой срани.

Сидим, ждем кайфа... Но он не пришел. Зато мгновенно распухла голова. Рожи покраснелись, давление повысилось. Башка стала тяжелой. А кайфа не было.

После игры в карты мужчины пошли спать. В одну комнату, чтоб попиздеть перед сном. Яшка спал на своем диване, Суворов на кровати, а я на раскладушке. И в темноте предсонного пиздежа Суворов рассказал историю про Оксану. Как я теперь понимаю, все он напиздил. Все, кроме телефона и имени. За Суворовым это водится, он большой пиздун и распиздяй. Ему спиздить, что мне два пальца обоссать. А я это запросто. Лучше многих.

...Якобы, он обнаружил у себя в институте на парте телефон и имя «Оксана». Якобы ходили слухи по институту, что Ксюша баба блядовитая. Он позвонил, они начали встречаться. И у нее дома он ее выебал.

Фантазия Суворова не знала лимита. По его словам получалось, что он бросил Ксюше 7 палок, не снимая гандона! Явные враки. Рассказывал он долго, живописно и красочно. Жалко, что я не мог тогда записать его байки, смерть как интересно! С тех пор прошло уже много времени, и я просто запамятовал технические подробности... Оксана-де, здорово возбудилась, увидев в его гандоне сперму первой палки. И так далее...

Потом он, якобы, ебал ее еще в институтской лаборатории. В общем, я запомнил номер телефона, встал с раскладушки, с понтом поссать, а сам пошел в коридор, вынул из своей сумки ручку и бумажку и записал его (номер) на бумажечку. И, как видите, не зря.

Я начал еблю со звонка. Перед разговором тщательно подготовился, набросал на бумажке текст, возможные повороты беседы. Ведь главное в разговоре с бабой — натиск, напор. Главное — не останавливаться. Без перерывов вешать лапшу, запарашивать мозги. Понимаете? Ебать мозги все время надо, постоянно. Женщина любит ушами и ими же слушает... Текст должен быть веселым, интересным.

Несколько подготовленных телефонных звонков — и, наконец, первая встреча на Пушкинской площади. Я очень надеялся на счастливый конец, но тетка мне не понравилась. Капельку полноватая троечница. Неинтересное, постное лицо. Но выбирать не приходилось, цигель-цигель, ай-лю-лю, время поджигало за яйца...

Я заливался соловьем. Мы брели по Москве, и я свиристел. Нет, я работал! Я отрабатывал спорный червонец не как сумму, а как принцип. Я упорно бежал к цели. Бежал, зная, что с таким же упорством и скоростью идет к своей цели и мой соперник. Нужно было спешить. И нужно было не пережать.

Я произвел на ее слабый мозг сильное впечатление, да. «Может уже сегодня удасться поебаться?» — в надежде думал я, когда вдруг по ее просьбе мы поехали куда-то по синей ветке метро: «Сейчас пригласит куда-нибудь на пустую хазу и мы поебемся. Почему бы нам действительно не поебаться?»

Увы, она не пригласила. Оказывается, я ее просто проводил. Сказала: «Звони после первого сентября». И мы расстались. Срыв! Да еще перерыв на целую неделю! На целую неделю она выключилась из обращения и мне пришлось крутить другие варианты. Впрочем, впустую. Там все пообломалось, как вы уже знаете.

...Я позвонил после первого сентября. Мне было уже нечего терять, кончался срок, и я надавил: мол, давай в субботу встретимся, сходим ко мне, тем более мои предки уехали на дачу и мне, калеке, некому даже яичницу приготовить. Смехуечки, пиздохаханьки.

Встретились мы опять на Пушке, под памятником засранному белым голубиным говном величайшему арапскому поэту начала XIX века. Я ждал ее первой, как мне казалось, определяющей фразы. И она сказала что-то типа «пошли». Я понял так, что гулять, и разочаровался. Ладно, подумал я, дойдем до ближайшего метро, а там сведу вопрос к поездке ко мне домой.

Мы начали гулять в направлении к Арбату, пиздить, и где-то возле здания ТАСС она вдруг произнесла:

— Ты, кажется, говорил что-то насчет яичницы.

А-а-а! Это хорошая фраза! Она движет нас в нужном направлении. После этой многообещающей фразы я еще на километр приблизился к совокуплению, то есть победному проникновению эрегированного члена в чужую пизду!

Единственное, о чем я теперь жалел, что поехали мы ко мне не с «Пушкинской» — полчаса без пересадок, а с этой ебаной «Арбатской» — хуй знает сколько с 2 пересадками. Такое метро.

Мы ехали, пиздили, а я мучительно размышлял — выгорит или нет? С одной стороны, конечно, она поехала кодинокому хую на квартиру. С другой — бабы дуры, а бабская душа потемки. Охуенные, причем...

— Долго еще? — спросила Оксана, когда мы уже шагали от метро к моему дому.

— Волнуешься? Идем, идем, а конца все не видно...

— Какого конца?

Но даже эта ее двусмысленная фраза еще не гарантировала поебки. Так же как наличие пизды еще не гарантия ее доступности.

В упор не помню, ел ли я тогда яичницу. Ел, наверное, раз по сценарию было запланировано.

Потом мы сидели на диване, кажется, смотрели какие-то фотографии, и я начал постепенный и упорный нажим — волосы, плечи. Засосы. Целоваться с ее ртом, похожим на слизняка, было неприятно, но ведь не всегда в жизни приходится делать только приятную работу. Много в мире и грязной черновой. Кофту, под которой был только непривлекательный белый лифчик, Ксюша сняла сама, обнажив небольшие жировые складки на боках и прыщ на спине. И то и другое было плохо, но передо мной стояла сверхзадача, святая цель, и я пер к ней, плюя на средства. Так бы я ее ебать, конечно, не стал. Но я уже себе не принадлежал. Я принадлежал теперь народу, ждущему от меня подвига. Тысячи лет, многие поколения героических предков, воинов и первопродцев, проливавшие кровь за отечество, с тревожным ожиданием смотрели на меня: оправдаю я их былые подвиги или нет. Да, я знаю, предки, теперь наступила моя очередь встать в полный рост на бруствер, вдохнуть полной грудью, не посрамить земли русской.

А ведь когда ебать не хочется, но надо, может и хуй не встать!

...Под черными штанами оказались почему-то еще и колготы, которые мы сняли совместными усилиями. Упал лифчик. Дольше всего оборонялся последний бастион — белые трусера. Впоследствии мне неоднократно приходилось убеждать, что именно этот редут стоит крепче всего. Баба может без боя сдать юбку, лифчик, колготы, но белые трусера, прикрывающие вход в цитадель, бункер, логово, так сказать, зверя, будут стоять насмерть. И даже не у целок. У всех молодух, кто ссыт залететь. Вроде бы она не против переспать с тобой, лизаться-обниматься, лапаться, отдает тебе на откуп 2 сиськи — бери-не-хочу. Но пизду... Впрочем, скорее всего это правило касается только баб молодых да ранних, а те, что ближе к 30-и, сами ворота отворяют — заезжай. Но по 30-летним бабам у нас Бен специалист. Я же молоденьких драл, от 16 до 25.

А вы знаете, как хуево оборона трусов отражается на потенции?! Очень хуево. Поэтому юноше, обдумывающему житье, я бы посоветовал начинать ебаться с одинокими 30-летними тетками с широченной пиздищей и богатым опытом, с бабами на пике сексуальной активности. А не этими микрошелками, которым еще романтики сопливой подавай. Джульетты сраные. Наше дело не рожать — сунул, вынул и бежать.

Девушки! Ебаться лучше без трусов!

Короче говоря, начиная от склизких поцелуев и до начала коитуса без трусов, в общей сложности я ломал ее 1,5 часа! А ведь это была не глупая целка, это была баба, пережившая искусственные роды и много уже накрутившая на спиздометр. Но она зело мандражировала залететь.

1,5 часа плюс абсолютное нежелание ебаться — вы представляете, что творилось с моим хуем? Бедняжка был ни жив, ни мертв. Он то падал духом вместе со мной, то вновь загорался надеждой. Я лапал эти толстые дряблые сиськи, до самого последнего момента не зная, выиграю я спор или нет. Сломаю ее на снятие трусов, заставлю ли хуй подняться из последних сил...

Но я все-таки сделал ее! Правда, учитывая просьбу публики, пришлось провести так называемое прерванное половое сношение с кончиной на пузо.

Зато после этого началась обычная бабская тряхомудия. Жалобы на тяжелую жизнь, подлеца, который в 15 лет заделал ей беременность, потом попытка самоубийства, искусствен-

ные роды, мятежные переживания. Тьфу ты... Хорошо еще слезы не развезла. Между прочим, после траха жалобы на тяжелую жизнь для баб тоже развлечение известное. Поебутся — и давай в слезы. Мне один профессиональный ебарь-проститут рассказывал, что, бывалоча, проебешь бабца, а она в слезы — жизнь свою расписывает. «Это, — сказал он, — морально очень тяжело слушать, даже деньги брать потом как-то неловко. Поэтому я всегда деньги беру заранее». 100-процентная предоплата. (250 рублей — цена середины 1991 года.)

Интересно, вообще говоря, было пообщаться с этим проституттом, он мне рассказал, что очень много встречается баб с извращенными наклонностями. Кто платит, тот и заказывает музыку. Поэтому ему и лобок брили бабы и в жопу свечкой трахали и так далее. Веселые тетки. Теперь этот проститутт решил заняться коммерцией, поставлять пизды богатым клиентам.

Впрочем, я отвлекся. В тот момент, когда я драл Ксюшу, раздался телефонный звонок. Это звонил Баранов. В самый причинный момент! Я быстро сказал ему, что занят, бросил трубку и больше не поднимал ее, несмотря на упорные барановские звонки.

Это поразительно, но с тех пор Баранов звонил мне во время каждой моей поебки. Если во время ебли раздастся телефонный звонок, можете быть уверены — звонит Баранов. Что за еб твою мать? Поразительно просто.

Несмотря на то, что подтверждением моей победы в споре являлось лишь честное офицерское слово, я на всякий случай попросил Ксюшу расписаться на листке настольного календаря и накропать какую-нибудь записочку. Я имел намерение продемонстрировать эти вещдоки Суворову, раз уж он хорошо знает Ксюшу и не раз драл ее. Но Суворов вещдоки не признал таковыми и более того, не поверил мне, что я еб Ксюшу. Он начал выпрашивать подробности — на каком такси я вез Ксюшу домой, сколько набил счетчик (около 5 рублей), где она живет, есть ли в подъезде телефон-автомат. Короче, выводил меня на чистую воду, подлец...

А перед самым нашим с Ксюшей уходом из квартиры, опять позвонил Баранов:

— Ты что там, ебешься что ли? Я слышал какой-то женский смех в трубке.

— Да. Я сейчас выхожу, примерно через час-полтора буду дома, так что приезжай с ночевкой.

За последнюю пятерку я отвез Ксюшу домой на тачке, вернулся затемно на метро. У подъезда меня уже ждал Баранов. (Он по наивности думал, что я приведу еще баб, и ему достанется хуй посовать.)

— Ну, рассказывай, — потребовал Баранов.

Я поднес к носу Баранова 3 пальца левой руки, которые погружал за какой-то надобностью в Ксюшино влагалище:

— Нюхай! Чем пахнет?

— Фу! Блядь! — Баранов сморщился и отшатнулся. — Пиздой! Ебанный в рот!

Дома Баранов с видимым удовольствием лицезрел разгром в виде двух невымытых чашек и слегка помятого дивана:

— Ага! Значит, вот на этом диване все происходило?!

— На этом.

— Молодец.

Мы пошли на кухню, я достал из бара бутылочку и мы славно посидели, отметив такое событие. Клянусь, от этой посиделки я получил большее удовольствие, чем от Ксюши. А если еще учесть, что из выигранного червонца нужно отнять 5 рублей на такси... Да еще червонец тот злополучный Яша отдал мне почти через год. Какой там бизнес!..

Кстати, через год подобная штука повторилась. После бурной трехпалочной ночи, после обязательных барановских звонков, я отвез маленькую Аню домой, и Баранов опять приехал ко мне лицезреть разгром: пустые рюмки, перевернутую постель. Измочаленная кровать поразила его больше всего. Баранов начал делать неприличные жесты руками, туловищем, показывать различные позы:

— И так драл, и так, и так... Молодец.

А с Яшей мы не раз спорили на баб. Однажды он проиграл мне пузырь водяры, купил (еще до Указа) бутылку болгарской черешневой водки, весьма отдающей блевотиной, и мы всей бандой распилили ее на солнечной ВДНХ, в открытой столовке, окруженные достижениями нашего народа, среди трудового подвига. Хорошо, блядь, было.

Вообще, с друзьями посидеть лучше всего. Это понимал даже вечно озабоченный Баранов.

— Когда-нибудь, лет через 10, — говорил он. — Когда все мы будем солидными женатыми мужиками, не озабоченными сексом, соберемся без этих баб в лесу, на осеннюю охоту,

расстелим на желтых листьях покрывало, поставим водочку. И посидим.

...Семь лет прошло с окончания института, всего только семь. Значит до осенней охоты — еще 3 года...Ты обещал, Адам.

ГЛАВА 25.

Пахучий городской.

Интересно...

Запах... Не зря говорят, среди чувственных ассоциативных воздействий — это самое сильное. Он неопишуем, как неопишуем цвет для дальтоника. Он не держится в памяти, как цвет, слово или образ. Но сразу узнается при появлении. Это так.

...Неопишуемый запах первого класса. Очень редко он встречается мне. Почти никогда. И всегда пробивает в памяти до семилетнего возраста, до углового класса. Там я учился с первого по третий. Это был запах дешевых учительских духов, которым пропиталось все в классе. И запах этот — эфирная машина времени — забрасывает мои щупальца ощущений туда, в далекое-далекое прошлое из моего сегодняшнего настоящего, о котором тогда, будучи маленьким-маленьким, я и не помышлял.

Это не просто знание — ага, такой запах был в первом классе. Это весь комплекс, это ощущение себя в «тогда», в первом классе. Солнечный класс, незамечаемый тогда запах, парта с чертиком в левом углу, тетрадь передо мной с написанными детскими буквами, указка, голос Натальи Ивановны. Уходит запах, уходит все. Меркнет. Остается информация: вот, только что было. Но нет уже пронизанности спицами ощущений. Хотя только что я ошетикивался ими.

Наверное, любому возрасту и этапу в жизни человека должен соответствовать свой доминирующий запах. Все ушло, полустерлось в памяти. И вдруг тебе капнули на ватку из пузырька с надписью «1989 год, август, Сочи, Светлана». Махнули этим белым хлопковым клочочком, и действительно — 1989 год, Сочи, Светлана, шум пенного прибоя, непросыхающие от влажного воздуха плавки, огромные листья, я навожу объектив на резкость, шторм, духота экскурсионного

«Икаруса», кукуруза за рубль, дальние горы за спиной, смешной экскурсовод на Рице.

Специально разработать фирменные запахи в пузырьках. Запахи-коды, запахи-ключи. Я помню, что все самолеты имеют одинаковый запах. Хороший запах. Свежий.

Вам посылка, месье, помните, 3 года назад вы были на Багамах, в отеле «Флорида»? В этом микроскопическом пузырьке часть вашей жизни, месье, — 3 года назад, отель «Флорида», аргентинское танго, длинноногая блондинка. Как ее звали? Понюхайте, месье, может быть приедете еще раз, прошлое притягивает. (Это фирменный запах нашего отеля, защищен патентом)... Ее звали Катрин... Понимаем, месье, давно прошедшее. Погрузитесь, месье, жизнь проходит, а это крючок, можно вытащить прошлое, отправиться туда, обмануть время. Попробуйте, месье, бесплатно.

Пузырек от «Люфтганзы».

Пузырек от...

На этом можно сделать миллионы. Попрошу отстегнуть за идею...

Запах акаций, эвкалиптов — это море. Запах гниющих водорослей — студенческая Пицунда. Пряный, тяжелый, смешанный с чем-то, наверное, тоже запах акаций, но чуть другой. Это один вечер в Стрые. 1990. Май. Чудный маленький прикарпатский городок. Мне сказали, что там по дешевке можно купить видак. Я выбил командировку и приехал. Неделью бегал как шальной. Лажа. Пустое. Цены довольно высокие, хотя и чуть ниже, чем в Москве. Всю неделю как угорелый — Львов, Драгобыч, Болехов, Ивано-Франковск — посетил за государственный счет. В поту и горячке.

Но отдохновеннее всего был тот самый первый вечер, когда, устроившись в гостиницу, пожрав, избавленный от необходимости суесться, я просто прогулялся по весеннему, теплему, вязкому стрыйскому вечеру. Повдыхал пряный цветущий запах, полюбовался на костелы, узкие улочки, старые дома с проходными подъездами и подворотнями, будто взятыми из фильмов о революционерах конца XIX века. Все неспешно сохранилось, и я все время ждал, что из проходного двора вдруг выйдет городской с селедкой или выбежит революционер с пачкой листовок.

Из частных окон нахально выглядывали жовто-блакитые, но тогда они казались еще неадекватным и забавным национализмом.

Так учил Заратустра.

А вот Стасик, с коим мы были в Пицунде, он известен как знатный изготовитель домашних спиртосодержащих напитков. Он изготавливает их из всего на что падает его острый глаз, используя при этом все до единой извилины пытливого ума.

С моей легкой руки его фирменное вино из забродившего варенья, дохлых яблок и всякого гнилья, которое он кучами сваливает в трехлитровые банки, теперь называется стасовкой. Он и сам его так называет. Говорит:

— В этом году я не буду делать стасовку. Сделаю наливочку из малины и вишни. Берешь трехлитровую банку вишни...

— С косточками? — уточняю я.

— Да. Они дают необходимый привкус... Так вот. Берешь полностью заполненную трехлитровую банку вишен. Практика и теория показывают, что там они занимают порядка 60 объемных процентов. Вообще, если пренебречь граничным эффектом, например, взять очень широкую банку, то теорема нашей порошковой металлургии гласит, что абсолютно упругие сферические тела занимают там 64 объемных процента. В зависимости от упаковки. Если с утряской... Ты, кстати, помнишь, что существуют три вида плотнейших упаковок — ГЦК, ОЦК и ГП?

— Гранецентрированная, объемноцентрированная и гексагональная плотноупакованная. Помню. Есть еще порох в металлургических пороховницах!

— Вот. В реальности же вишни не абсолютно упругие, а наоборот, приминаются. То есть по вертикали они уплотняются, а по горизонтали остается разрежение за счет того, что при утряске примятые вишни уже не в состоянии перемещаться в горизонтальном направлении до плотнейшей упаковки, потому что площадь соприкосновения и трение увеличились. Короче говоря, чем бы ты не заполнял емкость — маком, дробью, манкой, грецкими орехами — по хую — она будет заполнена на 60 объемных процентов. От радиуса сферы не зависит, только от формы. А остальные 40 процентов — это будет примерно 2,5 бутылки водки — заливаешь водярой. Но лучше спиртом, разбавленным до 50-70 градусов. Дело в том, что наиболее сильный вытягивающий эффект имеет именно такая крепость. Если крепость меньше 40 градусов, вещества из ягод или там травы не полностью переходят в спирт:

«мощности»
процентным
экстрагента
ли, коагуля
обожженных
вишни будут
спиртом уж
даже сама ви
В настояш
способ-то из
лучше от си
— Активи
— Не тол
сворачиваетс
перегоняеш
Хороший
его способа

Брага —

А сам я на
которые вооб
Все охуеваю
холодильник
миксер, разб

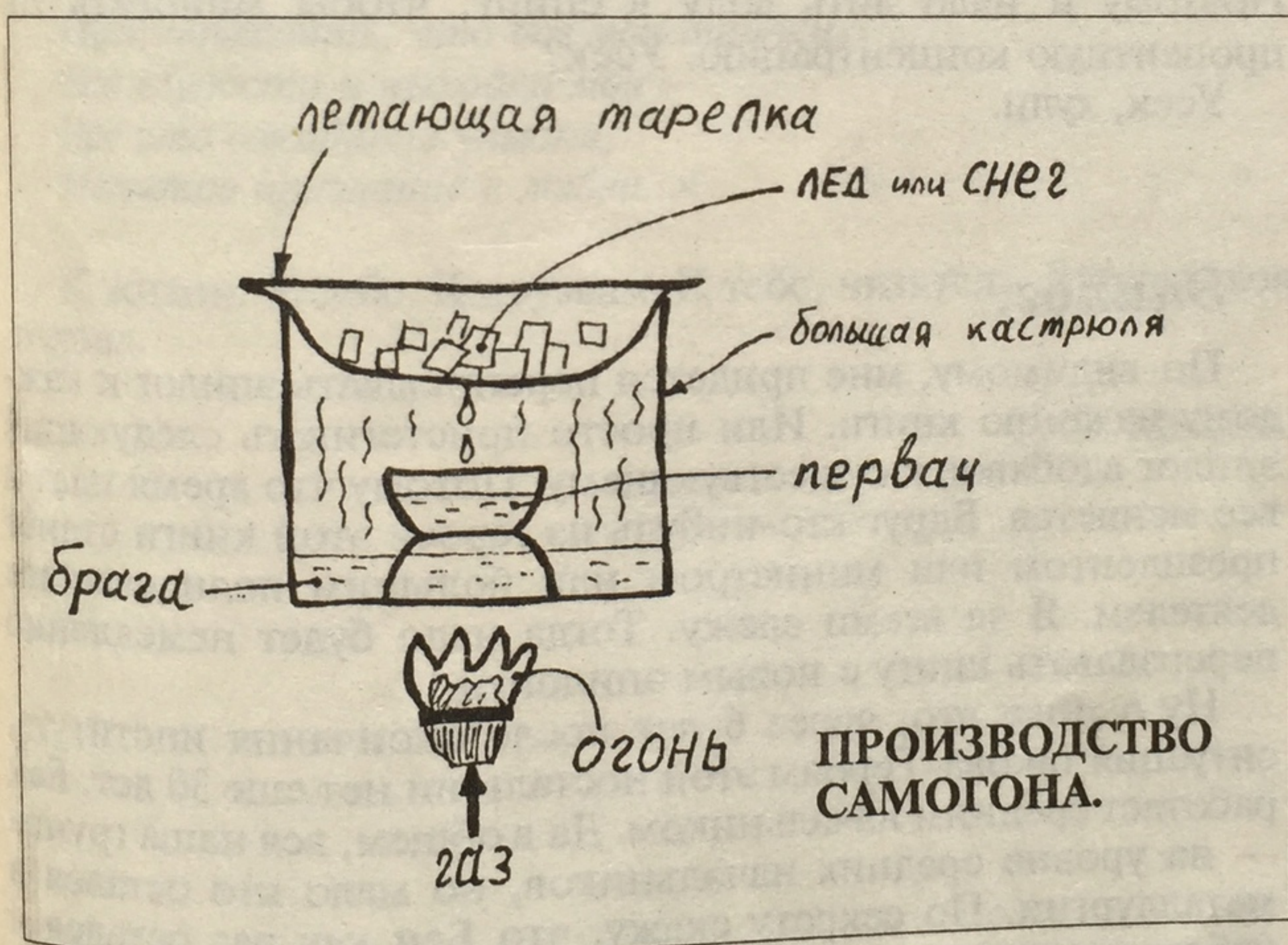
«мощности» не хватает, слишком слаб. Если же залить 96-процентным спиртом, то он просто обжигает поверхность экстрагента — твоих сраных ягод. Там, блядь, какая-то, что ли, коагуляция происходит — хуйня, в общем, образуется обожженный слой, затрудняющий вытяжку... Вот. Месяц вишни будут настаиваться. Потом откроешь крышку, а оттуда спиртом уж не пахнет, идет такой чижолый вишневый дух, что даже сама вишня так не пахнет. Охуеть.

В настоящее время я, блядь, гоню самогон без аппарата. Ну способ-то известный. Всякое говно перегоняю. А знаешь, как лучше от сивухи очищать?

— Активированный уголь, марганцовка...

— Не только. Заливаешь в первач стакан молока. Оно сворачивается и всю сивуху забирает. А потом еще раз перегоняешь. И уже никакого запаха.

Хороший мужик Стас, правда, люди? Я привожу рисунок его способа перегонки самогонки без самогонного аппарата.

А сам я наострился делать охуительные яичные ликеры, которые вообще люблю за пиздатость. Сам придумал рецепт. Все охуевают. Вот сидел раз на кухне и из того, что было в холодильнике стондобил невъебно вкусную хуйню. Берешь миксер, разбиваешь в емкость миксера три яйца, выливаешь

банку концентрированного (не сгущенного) молока, насыпаешь 4-5 столовых ложек сахара, чуток ванилина и заливаешь 100 грамм спирта. 2-3 минуты взбиваешь в миксере. Потом можно даже не настаивать: и так идет охуенно.

А Яшка мне сказал один секрет:

— Ты, когда настойки делаешь, ни хуя не путай, чего куда захуякиваешь. Надо захуякивать воду в спирт, а не наоборот.

— Помню, в школе нас учили: «лей кислоту в воду!» А здесь почему наоборот?

— Потому что спирт с водой — это не простая механическая смесь. Это все ж таки химическое соединение! Молекулы реагируют. Менделеев защищал диссертацию «О соединениях спирта с водой», думаешь, хуя ради?! Оказывается, при 20-процентной концентрации спирта происходят несколько другие реакции. Там какие-то то ли вредные, то ли невкусные гадости получаются из молекул. Нехорошие соединения. Поэтому и надо лить воду в спирт, чтобы миновать 20-процентную концентрацию. Усек?

Усек, хули.

Эпилог.

По-видимому, мне придется переписывать эпилог к каждому изданию книги. Или просто пристегивать следующий эпилог вдобавок к существующему. Потому что время идет и все меняется. Вдруг кто-нибудь из героев этой книги станет президентом или министром или большим политическим деятелем. Я за всеми слежу. Тогда надо будет немедленно переиздавать книгу с новым эпилогом.

Ну а пока что, через 6 лет после окончания института, ситуация такова. Героям этой ностальгии нет еще 30 лет. Бен работает средним начальником. Да в общем, вся наша группа — на уровне средних начальников, но мало кто остался в металлургии. По секрету скажу, что Бен как раз остался и работает старшим калибровщиком. Единственный в своем роде специалист в Москве. Не женат.

Дима Макеев. Кандидат технических наук, недавно защитился. Переехал с женой жить в Люберцы, в маленькую двухкомнатную квартиру. Детей нет. Хобби — пишет рок-музыку.

Олег Баран
сбыта и потом
имеет. Как и
досыта наебал
Петя Уралс
тачку, гараж,
Соломоно
и работает зус
Рубин — кл
6 лет старше
Вова Корол
чек на Питер
Стасик Се
Большой спе
Жизнью недо
никто не бер
Суворов —

«Как объяс
Все глупост
Все это о
Неловкое п

К жизни. I
голова.

Олег Баранов, 3-е лицо на заводице, начальник отдела сбыта и потому — крутит всякие левые дела и хорошо с этого имеет. Как и прежде, думает только о деньгах. Но зато уже досыта наебался. У него ребенок. Карапет маленький.

Петя Уралов. Глава собственного предприятия. Купил себе тачку, гараж, квартиру. Миллионер.

Соломонов — после института закончил зубной техникум и работает зубным техником.

Рубин — классный программист. Женился на женщине на 6 лет старше его. На той самой, что писала мне стихи. Сын.

Вова Королев, который блевал. Среднего уровня начальничек на Питерском заводе метизов.

Стасик Семченков — в частной конторе кем-то пашет. Большой специалист в области порошковой металлургии. Жизнью недоволен и хочет уехать на Запад. Да только вот никто не берет. Сын.

Суворов — инженер в ящике.

*«Как объяснить, что все мои ошибки,
Все глупости и выходки мои -
Все это ожидание улыбки,
Неловкое признание в любви...»*

К жизни. К себе. К друзьям. К тебе, читатель. Хуиная твоя голова.

1992. Москва.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Словарь-самоучитель.

Введение.

В наш век атома, электроники, нехватки времени во взаимоотношениях людей особенно важны коммуникабельность, взаимопонимание, быстрый и точный способ обмена информацией. Наряду с различными техническими жаргонизмами русский язык уже давно обладает такой системой оперативного обмена сведениями. Система эта — будем называть ее русским устным — порождена народом и практически используется людьми как в сфере бытовых, так и производственных отношений. В просторечии русский устный носит название матерщины или просто мата. Явление это так тесно срослось с жизнью, что назрела необходимость систематизировать наши знания в этой области.

До сих пор все знания в русском устном люди получали, общаясь друг с другом, так как все теоретические исследования в этой области являлись закрытыми. Это тем более странно, что мат существует столетия, и, как настоящая живая речь, претерпевает изменения вместе с людьми в ходе истории. Исторические исследования осложняются малым количеством и недоступностью материалов в архивах по данному вопросу.

В настоящее время нет единого мнения о происхождении мата. Согласно одной из существующих гипотез, матерные слова русского языка имеют монгольское происхождение и были принесены на русь монголо-татарскими завоевателями. Действительно, в монгольском языке есть слово, созвучное с нашим словом «хуй», что по-монгольски означает «сверток», «чехол», «футляр», «ураган». Но на этом, пожалуй, все

сходство и кончается. Многие из остальных матерных слов имеют бесспорно славянское происхождение, они существуют в языках славянских народов, не подвергшихся монголо-татарскому нашествию («блядь», «ебать» и др.).

Мат (основные понятия) существует в народе с незапамятных времен. Уже в XVIII веке русский поэт Барков И. С. широко использовал его в своих произведениях. Встречается мат и у Пушкина. Любопытно, что богатейшие матерные традиции сложились когда-то в русском флоте. Особой любовью моряков пользовались «ругатели», могущие крыть матом по нескольку минут, ни разу не повторив ни одного из своих многочисленных замысловатых колен.

Мат, очевидно, имеется у многих народов, но наибольшее развитие он, по-видимому, получил у нас. (Хотя писатель Фазиль Искандер считает, что самым богатым в этом отношении является турецкий язык, за которым следует абхазский, а затем уже русский).

В настоящее время русский мат имеет чрезвычайное распространение и отличается богатством средств выражения самых разных мыслей и чувств. Что же привело к поразительной эволюции мата от десятка грубых слов к современному «русскому устному», с помощью которого можно сказать практически все? Общеизвестной и общедоступной теории на этот счет сегодня не существует. Лишь один автор — к.ф.н. Г. Гусейнов — решился высказать в открытой печати («Знание — сила», № 1 за 1989 г.) свою гипотезу, согласно которой за годы советской власти мат заполнил вакуум, образовавшийся в результате падения высоких традиций русской словесности и вследствие частого употребления развился в «матерный язык». Из рассуждений ученого можно сделать вывод, что только социализм, как наиболее совершенная система общественных отношений позволил мату подняться на должную высоту. Можно только фантазировать, каких высот достигнет мат при коммунизме! (полемику со статьей Г. Гусейнова см. в ежегоднике СЛИС «Жареный петух» за 1989г.)

Многие люди к мату относятся с предубеждением. Подознательные предрассудки мешают нормальному общению людей, затрудняют работу на производстве, создавая непонимание между, например, инженером и рабочим. (Особенно неприятно, например, инженером и рабочим). Ничего плохого и постыдного в матерщине нет. (Действительно, почему одни

слова мы произносим свободно, а на другие налагаем табу?)

Табу на мат появилось как бы на пересечении двух множеств — множества бранных слов и множества слов, относящихся к области секса. Ханжеское отношение к вопросам пола обусловлено тысячелетним господством в России православной церкви с ее достаточно суровым каноническим телом. Достаточно вспомнить упоминающееся в «Истории государства российского» Н.М.Карамзина ставительное письмо митрополита Фотия архиепископу новгородскому Иоанну, в котором, в частности, говорится о недопустимости матерной брани. (Любопытно, что у старообрядцев до сих пор употребление мата считается одним из наиболее тяжких грехов.) Отнюдь не способствовал уменьшению этого ханжества и сталинский тоталитаризм.

В результате в настоящее время употребление мата в общественном месте считается мелким хулиганством и номинально карается по статье 158 АК РФ (хотя официального определения нецензурной брани в законе нет). И что же? Как не помог в борьбе с пьянством сухой закон, так не работает и закон против мата. Невозможно заткнуть рот целому народу! Это все равно, что законодательным порядком заставить всех не дышать.

Время доказывает истину — мат жив и по сей день. Но, к сожалению, даже сейчас, когда завоевывает свои права демократия, он редко встречается в литературе и кино. Это тем более непонятно, что мат знают практически все, все могут сказать матом или говорят. Так почему бы не оживить, не облагородить наше искусство живой народной речью? Примечательно, что в Польше, Югославии, др. странах, к примеру, нет запрета на мат. Сербско-хорватские «курац», «пичка», «курва» потоком льются с экрана, пестрят в книгах.

Мат неразрывно связан с жизнью. С ним шли в бой солдаты, без него не движется никакая работа. Мат отлично снимает нервное напряжение. Короче, русский устный доказал и ежечасно доказывает свое право на существование.

Некоторые люди владеют матом на грани искусства, являя просто чудеса речи, громоздя этаж за этажом. Это дается, конечно, не всем, но каждый более или менее образованный человек должен уметь материться хотя бы бытово.

Для этого, в помощь начинающим, и написан данный самоучитель.

Пособие предназначено для людей, желающих самостоя-

тельно изучить мат или углубить свои познания в этой области. В самоучителе делается попытка систематизировать слова и выражения, дать основные принципы их употребления. Прилагается словарь с основными (базовыми) словами и производными от них. Даны буквальные и переносные значения слов и выражений. Словарь включает не только чисто матерные, но и вполне, так сказать, «легальные», литературные и полулитературные слова. Часто бывает трудно сказать, матерным ли является то или иное слово.

С целью закрепления знаний самоучитель включает ряд упражнений различной сложности.

I. Основные принципы построения языка.

Для понимания русского устного необходимо хорошо знать базовые слова и их значения.

Мат имеет так называемые смысловое и «смазочное» (паразитное) употребление. Смысловым называют такое применение мата, при котором выражение можно перевести с русского устного на русский литературный язык. в этом случае выражение имеет конкретное, вполне определенное значение, которое можно понять, зная смысл матерных слов и контекст разговора.

«Смазочным» употреблением называют выговаривание некоторых матерных слов не в соответствии с их лексическим значением, а как бы без цели, в силу привычки вставляя их в разговор. Никакой смысловой нагрузки эти слова в данном случае не несут, но придают речи особый колорит.

Важным понятием при изучении русского устного является также термин «этаж». этаж — матерное слово или выражение, произнесенное вместе с другими (литературными) словами или выражениями и связанное с ними по смыслу в одно предложение. этажность предложения определяется, исходя из количества базовых слов или их корней, употребленных в предложении.

Первоначально составляющие матерщины имели грубую, оскорбительную окраску и употреблялись только в прямом значении, в качестве ругательств. Отсюда и пошло выражение «ругаться матом». Сами выражения «матерная брань», «материться» свидетельствуют о том, что слова эти искони

употребляли по адресу матери бранимого с оскорбительной целью. В настоящее время в качестве оскорблений и ругательств мат употребляется значительно реже; во всяком случае эта часть применения матерщины сократилась. Теперь матерные слова больше употребляются в переносном смысле. Сейчас уже не ругаются, а разговаривают матом.

Принципы построения матерных слов несложны, но все-таки для искусного и естественного их использования необходимо попрактиковаться. Нужно вместо обычных слов просто ставить матерные. Но русский устный имеет свои тонкости. о них будет сказано ниже, в процессе объяснения значений матерных слов.

Глаголы (глагольные обороты) даются в неопределенной форме или в форме наибольшего (иногда единственного) употребления. Вначале даются базовые слова (не только матерные) и их буквальные значения; затем их переносные значения; затем идут производные слова и выражения. Деление это весьма условно, так кажется удобным авторам самосудителю.

Конечно, словарь охватывает не все слова и выражения. русский язык все время находится в движении, постоянно развивается. Авторы будут благодарны читателям, которые сообщат им о новых, не включенных в настоящее издание оборотах.

Основные сокращения, принятые в словаре: -н/м — не матерное слово, -? — данных нет или они противоречивы, -букв. — буквально, -лит. — литературный, -см. — смотри, -ср. — сравни, -употр. — употребляется, -устар. — устаревшее слово или значение.

II. Словарь.

II.1. базовые слова.

блядь — проститутка, женщина легкого поведения. (н/м)
гандон — (искаженное «соNДом») — презерватив. (н/м)
говно — экскременты, кал, дерьмо. (н/м)
дрочить — заниматься онанизмом; по В. И. Далю: «дрочить — ... драгивать что, вздымать, подымать кого, нежить и тешить, ласкать, баловать любя, холить. Дрочить дитя по головке, гладить... дроченое дитятко, баловень... ребенок дрочится, нежится или дурит... скот дрочится,

дурит, шалит... дрочка, дrochenь, дrochenое дитя... дrouchливый, охотник нежиться, дrouchиться.»

ебать — совершать половой акт (о мужчине),

ебаться — вступать в половые сношения.

жопа — седалище, задница, ягодицы.

елда, елдак — см. **хуй** (устар.)

залупа — головка полового члена; по В. И. Далю: «з а-

лупа — ...залупывать или залупливать или залуплять или

залупать... задира́ть кожу... залупа, залупка, pRaepUtIUm...

залупчивый, склонный к залупке... залупщик м., -щица ж.

кто залупает или задирает что.»

мало́бья, моло́фья — сперма (устар.)

мудак — человек с большими **мудями** (см.)

муди (устар. — **муде**) — яйца (мужские половые органы).

пизда — влагалище, женские половые органы.

сери́ть — см. **сра́ть** (н/м)

сра́ть — испражняться, какать. (н/м)

сса́ть — писать, мочиться, оправляться.

манда — см. **пизда**. (н/м)

«**хер** — см. **хуй**; по В. И. Далю: **хер** — ...буква... игра

в херики, в крестики ... херить письмо, похерить,

выхерить, перекрестить либо вымарать вкрест... у него ноги

хером.»

хуй — мужской половой член, пенис.

целка — девственная плева.

II.2 Базовые слова в перносном смысле.

блядь — 1 наиболее употребительное смазочное слово:

употр. аналогично словам-паразитам «значит», «так ска-

зать», «это самое». 2 восклицание, аналогичное «черт

побери!» и т.п. или междометьям «ох!», «ах!», «ого!», «хм».

Выражает удивление, восторг, гнев, недоверие и т.д.

гандон (чаще применяется по отношению к человеку) —

скотина, подлец и т.п.

говно — плохая вещь, дрянь; подлец, негодяй.

дрочить — совершать какие-либо челночные движения;

тренировать, натаскивать, мучить.

ебать — 1 бить, лупить; мучить, третировать, ругать или

наказывать. 2 волновать. Часто: «не ебет!» — не волнует.

ебаться — работать, вкалывать, возиться, мучиться с

каким-либо делом.

ж о п а — задняя часть чего-либо; захоlustье, глухомань; неприглядное, нечистое место.

з а л у п а — какая-либо вещьца или деталь, обычно округлая, типа набалдашника; реже употр. в качестве бранного слова.

м у д а к — дурак

п и з д а — 1 женщина. 2 стерва.

с р а т ь — вредить; пачкать.

с с а т ь — бояться (часто: «не ссы!» — не бойся!)

х е р — иногда употр. в различных выражениях в качестве замены слова **х у й**

х у й — 1 мужчина. 2 частица отрицания («хуй достал» — не достал); часто употр. вместо слов «нет», «ничего».

ц е л к а — 1. девушка. 2. робкий, нерешительный; цельный, нетронутый, девственный.

II.3. Производные слова и выражения.

б л я ! — см. **б л я д ь** в значении 2. (п. II.2)

б л я д л о, **б л я д и н а**, **б л я д и щ а**, **б л я д и щ е** — превосходные степени слова **б л я д ь**.

б л я д к и — проведение времени с блядами

б л я д о в а т ь — 1 заниматься проституцией или развратом. 2 обманывать, ловчить, хитрить.

б л я д у н — тот, кто блядует

в ы б л я д о к — букв. ребенок проститутки; ублюдок, отродье и т.п.

б л я д о х о д — см. **б л я д к и**.

б л я д с т в о — проституция, разврат; беспорядок, безобразие; нечестность.

б л я д с к и й — 1 относящийся к блядам. 2 проклятый, чертов.

г о в е н н ы й (неправильно: **г о в н я н ы й**, **г о в н е в ы й**) — плохой, никудышный.

г о в н ю к — дерьмовый, пропащий человек; сопляк; жадина.

г о в н о е д — букв. питающийся экскрементами; жадина, жмот; кулак, мироед.

з а д р о ч е н н ы й — измученный, уставший, осунувшийся.

п р и д р о ч и т ь с я — привыкнуть, натренироваться.

е б а л ь н и к, **е б а л о**, **е б л о** — лицо, физиономия.

е б а р ь — мужчина, часто вступающий в половые сношения; любовник.

еба́ть — бить; делать.

ебну́ть, еба́нуть — ударить, стукнуть.

ебну́ться, еба́нуться, наебну́ться — упасть; сойти с ума.

ебну́тый, еба́нутый — сумасшедший

вые́быва́ться — вести себя нагло, вызывая; выпендриваться, стараться выделиться чем-либо из окружающих; нарываться на побои.

долбо́еб — человек, выполняющий работу, требующую однообразных ударных движений или стука (кузнец, телеграфист и т.п.); в некоторых русских говорах — дятел; тупой, ограниченный человек.

взе́быва́ть — работать.

зае́бись — хорошо или отлично.

зае́бать, нае́бать, дое́бать — надоесть, вывести из себя

еба́к ва́кнута́сь — упасть.

нае́бать, объе́бать — обмануть, перехитрить, провести за нос; выиграть.

зае́банный — см. за́дроченный

ебы́сь!, еблы́сь!, ебс! — междометия, выражающие удар или мгновенность происшедшего события (ср. «бац!», «хрясь!»)

нае́бка — обман.

подзе́бать — подначить, подколоть.

подзе́б, подзе́бка — шутка, «шпилька», подковырка.

пое́бать — наплевать

пое́бень, пое́ботина — ерунда, дрянь; штукovina

коно́ебля — возня, морока, пустая работа

коно́ебита́сь — возиться

ебля — 1 половой акт. 2 см. коно́ебля

уе́бище — 1 страшилище. 2 препятствие.

бомбоуе́бище — бомбоубежище

уе́быва́ть — 1 уходить, убегать, скрываться. 2 убивать, избивать.

сзе́быва́ть — см. уе́быва́ть в значении 1

иззе́бну́ться — исхитриться; выкинуть что-либо из ряда вон выходящее

иззе́б — что-либо неестественное или нестандартное; извращение.

невзе́бенно — странно, удивительно; очень

зае́батель, зае́бательский — отличный

разъебай, разъеба — разгильдяй, растяпа
поебка — см. *ебля* в значении 1.
еблан — человек с запоминающимся лицом; урод, выродок
ебанат — фанатик; не совсем нормальный человек
туебенъ — тунеядец
ебово — женщина; женский пол
еботятина — жесткое мясо; дрянь, ерунда
ебливый, ебучий — букв.: имеющий большую половую потенцию; в переносном смысле — зловредный; едкий
злоебучий — зловредный; въедливый; едкий или горький.
косоебиться — кривить рожу; воротить нос; *перекосоебиться* — перекошиться, измениться в лице
шароебиться — возиться, околачиваться.
проебать — см. *просрать*
жопак — сильно пьяный человек; чудака
жопорванец — карьерист
зажопить — поймать, застать врасплох; заметить за каким-либо недозволенным делом
жополиз — льстец, подхалим, прихвостень, «шестерка»
хитрожопый — хитрый, хитроумный
залупаться — см. *выебываться*
залупатый — см. *заебатый*
залупить — 1 залупить хуй — освободить головку от крайней плоти. 2 сказать или сделать что-либо неожиданное.
мудила — см. *мудак* (п. II. 2)
мудозвон — см. *мудила*
мудохать — бить с ожесточением
мудофель, мудель, мудень — см. *мудила*
мудильник — будильник
мандовуха, мандовка, прошмандовка — см. *блядь* в основном значении
мандовошка — вошь
пиздец — конец
пиздец! — отлично!
пиздатый — см. *заебатый*
пиздобол — букв.: женский вид спорта; обычно употр. в бранном значении
опиздол (неправильно: *опездол*) — дурак, остолоп
пиздить — 1 бить. 2 красть

спиздить — украсть
 пиздануть — 1 ударить 2 украсть
 пиздить (неправильно: пиздеть) — врать; говорить, болтать
 пиздеж — ложь, неправда; речь, болтовня, разговор
 пиздун — врун, болтун; рассказчик, оратор
 пиздяной, пиздной — см. говенный
 пиздюля — удар, оплеуха.
 пиздюлина — штуковина, деталь (например: пиздюлина от часов)
 пиздюшка — см. пиздюлина; пигалица, крошка, маленькая девочка
 распиздяй — разгильдяй, нарушитель дисциплины
 пиздовать — бежать
 пиздануться — 1 упасть. 2 сойти с ума
 пиздюк — бранный эпитет: балда и т.п.
 пездолочь — бестолочь
 спиздометр — спидометр или любой другой прибор
 пизданутый, припизднутый — ненормальный, сумасшедший
 пиздячить, пиздюхать, пиздовать, пиздѣхать — идти, бить, делать или совершать какие-либо другие действия
 пиздорванец — букв: человек, лишающий девушек невинности; человек, делающий не то, что надо
 пиздобратия — сообщество, коллектив, группировка, шайка; партия
 припиздь — чудачество, странность
 пиздотекарь — неологизм, смысл не устоялся; возможно, диск-жокей
 пизденыш — 1 маленький ребенок, младенец. 2. выродок, сукин сын
 чепиздон — 1 маленький мальчик. 2 проныра
 распиздон — разгром, разнос, выговор
 срака — см. жопа (выражение, характерное для южных областей России)
 сральник — 1 см. жопа. 2 туалет, унитаз
 засraneц — 1 сопляк, щенок. 2 грязный человек, замарашка
 срун — трус
 обосраться — испугаться, наложить в штаны
 пересрать — см. обосраться

просрать — проиграть, прохлопать
насрать — наплевать
засрать — засорить, испачкать; испортить
обосрать — подвергнуть критике; опозорить; опошлить
срач — беспорядок
усираться — стараться изо всех сил
подосрать — навредить, подложить свинью
высрать — 1 выдумать, высосать из пальца. 2 сделать что-либо после долгих мук или раздумий
обоссаться — см. *обосраться*
проссывать — понимать
ссыкун, ссыкло — см. *срун*
уссываться — смеяться
уссачка, уссывон — что-либо смешное, хохма
похерить — 1 зачеркнуть. 2 наплевать. 3 прогнать
хуйня — см. *поебень*
хуета, хуетень, хуевина, хуетина — см. *хуйня*
хули (от хуй ли) — что; зачем; почему
хуячить, хуярить, хуярыжить — см. *пиздачить*
хуевый — плохой
охуенный — удивительный; огромный
охуительный, охуевательный — см. *охуенный*
охуеть — сойти с ума, одуреть; сильно испугаться или удивиться
ни хуя — нисколько, ноль, ничего
не хуя, не хуй — нечего, незачем
по хую, по хуй — все равно, безразлично
хуяк! — см. *ебысь!*
похуист — человек, которому все безразлично, безответственный человек; флегматик, стоик.
похуизм — безразличие, равнодушие, безответственное отношение
на хуй — 1 зачем, для чего. 2 к черту. 3 смазочное слово, употр. аналогично слову «блядь» в значении 1, п. II.2
хуила — чудака
хуебьяка — предмет плохого качества, брак
хуйнуть — ударить; кинуть; начаться, грянуть
семихуй — неологизм, смысл не устоялся, возможно,

полухуй (ср.
 хуемпол
 хуесос —

II.4. Слово

выражений
 бля буд
 говно п
 еб (еби, еб
 отношения
 настоящее
 лей Кавказа
 п. II.2), а та
 ебаны й
 смазочном
 ебть, е
 твою м
 ебена м
 ный ст
 таз, еба
 ся, ебат
 ебать-м
 мои ст
 череп,
 — возглас
 ебнуть
 собеседник
 в рот
 ебом т
 конь не
 ср. лит. «Н
 муха н
 ебальн
 бездействи
 ебись
 — восклиц
 мозги
 пустого в
 гией
 мозгое

полухуй (ср. английское SEMICONDUCTOR — полупроводник)

хуемполбия — сказочная страна, земля обетованная

хуесос — 1 гомосексуалист 2 дурачок

II.4. Сложные и наиболее употребительные выражения, пословицы и поговорки

бля буду — ей-богу, честное слово, вот те крест

говно поднять — возмущаться, качать права

еб (еби, ебить) твою мать — букв.: имел интимные отношения с твоей матерью. В буквальном смысле в

настоящее время не употребляется (за исключением жителей Кавказа). Применяется аналогично слову блядь (см.

п. II.2), а так же как выражение презрения к собеседнику.

ебанный в рот — аналогично «еб твою мать в смазочном значении

ебть, ебтыть, ебенить — сокращения от еб твою мать

ебена мать, ебанный кракатук, ебанный стос, ебанный карась, ебанный экстаз, ебанный поголове, я ебу, я не ебался, ебаться-сраяться, ебать-колотить,

ебать-копать, ебать ту Люсю, ебать мои старые кости, ебать мой лысый череп, ебать мой хуй, ебитская сила

— возгласы, выражающие различные чувства

ебнутым привет! — употр. в случае сказанной собеседником явной глупости

в рот ебать — плевать, пренебрегать

ебом токнутий — исковерканное «током ебнутый»

конь не ебался — о большом количестве чего-либо; ср. лит. «непочатый край»

муха не еблась — о новой вещи

ебальником (еблом, ебалом) щелкать — бездействовать, хлопать ушами

ебись все в рот; ебись оно все конем — восклицания типа: «а пошло оно все к черту!»

мозги ебать — заниматься ерундой, переливать из пустого в порожнее, морочить голову, заниматься демагогией

мозгоеб — ебущий мозги

заебать в доску — надоесть до предела, довести до ручки

поебень-хуета — см. поебень

муму ебать; вола ебать — см. мозги ебать

ебу даваться — см. охуеть

до ебени матери; до ебени бабушки — очень много

до ебени ебуков; до ебени ебеней; до

ебени фени — см. до ебени матери

к ебени матери — к черту

ебуки пускать — материться

разъеби-колотун — холод, мороз; Дед Мороз

да заебись ты понотам! — отстань!, отвяжись!

нас ебут, а мы крепчаем — нет худа без добра;

отольются волку овечьи слезки

не учи отца ебаться — не учи ученого

поебень-травя — сорняк; зелье

муда-с-пруда — 1 чудака. 2 моряк

мудовые рыдания — тягучая, жалостливая музыка;

симфоническая музыка

муде-колеса — чепуха, бессмыслица

мудоеб — см. мудила

из-под муда! — шуточный ответ на вопрос «откуда?»

хозяйство вести — не мудями трясти

— хозяйство вести нелегко, требуются умение и старание

уплыли муде по полой воде — аналогично

лит. «поезд ушел» или «после драки кулаками не машут»

муде к бороде — не в лад, невпопад

в жопака — вдрызг, вконец

до жопы — очень много, в сильной степени

жопкин хор — галдеж, какофония; несыгранный,

непрофессиональный музыкальный коллектив

жопой чують — предчувствовать, чувствовать по интуиции

через жопу; через жопу накосаяк, че-

рез жопу раком — неловко, неумело, не кратчайшим

путем, нерациональным способом

рвать жопу — чрезмерно стараться

за жопкины выселки — глухомань, тьмутаракань,

далекое место; провинция

жопу лизать — быть подхалимом, угождать, льстить

в жопе торчать — находиться в плохом состоянии, быть отсталым, плестись в хвосте

хоть жопой ешь — очень много

в жопу чистить провода — ответ на неуместный вопрос «куда?»

и в рот, и в жопу — со всех сторон; окружен
как из жопы достать — имеющий плохой внешний вид, помятый, потрепанный

асунуть в жопу — оставить, выбросить из головы, послать к черту

сравнить жопу спальцем — сравнить несравнимое вещи

и на елку залезть, и жопу не ободрать — сделать одновременно два дела, «поймать двух зайцев сразу»

в жопу жареный петух клюнул — дело дошло до критической точки, дальше ехать некуда

до пизды — см. *по хую*

пизды давать — наносить побои

пиздюлей навешать — избить, надавать тумаков
не в пизду; ни в пизду, ни в красную армию — 1 неудобно, неудобный. 2 никуда не годный; ни к селу, ни к городу; не с руки

не-пришей-к-пизде-рукав — см. *не в пизду*

ни к жопе рукав, ни пизде заплатка — см. *невпизду*

пиздой накрыться — не выйти, не получиться; пропасть, сгинуть; кончиться

опиздохуительно — восхитительно; в очень сильной степени

от пизды — наобум, с потолка; конструктивно (в технике)

пиздец вора! — см. *ебанный в рот*

пиздец котенку, больше срать не будет — говорится по поводу плачевного, но закономерного результата чьих-либо действий

пиздоблядство — кавардак, беспорядок; безобразие
в пизде на верхней полке, где ебутся волки; в пизде, как зайдешь — налево; в пизде гвозди дергает — ответ на неуместный вопрос «где?»

опиздол (опездол) райский — человек не от мира сего, рохля

пиздоебля — см. *коноебля*

пиздоплюйство — наплевательское, безответственное отношение

пиздопроебина — выемка, выбоина, рытвина, колдобина

пиздопроушина — отверстие, дырка, зацеп

без пизды — не вру, ей-богу, чистая правда

курочка в гнезде, а яичко в пизде — говорится о не до конца сделанном деле или незавершившемся событии

не хочешь срать — не мучай жопу — не умеешь — не берись, не совершай над собой насилие

до усрачки — см. *до жопы*; до потери сознания, до белого каления

хоть усрись — 1 см. *хоть жопой ешь*.
2 выражает абсолютную невозможность сделать что-либо, например: «хоть усрись, не выйдет».

срать да срать — о большом пространственном или качественном расстоянии до кого-либо или чего-либо, например: «до дома еще срать да срать» или «срать да срать тебе до чемпиона».

всю малину обосрать — испортить дело

как два пальца обоссать — очень просто, легко

чуть свет, не срамши — очень рано; ни свет, ни заря

ссаными тряпками закидать — осмеять, осудить, подвергнуть остракизму

кипятком ссать — сильно смеяться, хохотать до упаду

не бай, кума, уссусь — не смей больше

с похмелья не обсеришь — о чем-то очень большом, объемном, например: «ну и рожа — с похмелья не обсеришь!»

идти на хуй — идти к черту

до хуя — много

на хуя — зачем

хуй сосать — оставаться с носом, быть обделенным; находиться на второстепенных ролях

хуева туча, хуево море, хуева гора — очень много

хуев тачка — ничего
хуем груши околачивать — ничего не делать,
бить баклуши, сачковать, валять дурака
хуи валять и к стенке приставлять —
1 см. предыдущее выражение. 2 ответ на неуместный
вопрос «что делать?»
хуй положить; хуй забить; хуй задви-
нуть — наплевать, пренебречь
хуйней страдать — заниматься ерундой,
бездельничать
хуйню пороть — говорить глупости
хуй просышь — не поймешь
и на хуй не обосраться — быть ненужным
ни хуя себе! — ничего себе!
однохуйственно — одинаково
один хуй — все равно, одинаково
с лихуем — с горкой, с гаком, с лихвой
хуль ты бродишь, жопой водишь, на
мой хуй тоску наводишь? — говорится человеку,
слоняющемуся без дела
хуеплет — человек, любящий все усложнять,
разглагольствовать; софист
не хуй срать — очень просто, нечего делать
не хуй собачий — не фунт изюма, сложно
хуй с бугра — большой начальник; ветеран
хуиная голова — простофиля
сам-хуй — один
сто хуев тебе в жопу и якорь для
равновесия; хуй тебе в жопу вместо
укропу — выражения отказа или нежелания; часто просто
веселые пожелания
хуи пинать — бездельничать
и на хуй сесть, и рыбку съесть — см.
и на елку залезть, и жопу не ободрать
хуи бросать — см. ебуки пускать
хуями обкладывать — материть, ругать
хуем полбу! — восклицание, выражающее нежелание
выполнить что-либо
по хуй море — все ни о чем, море по колено
по хую мороз, по пизде жара! — см. по-
хуй море
прикинь хуй к носу — пощевели мозгами, раскинь
умом

хуй в кожаном пальто — шуточный ответ на вопрос «кто?»; ответ на неуместный вопрос «кто?»
 доигрался хуй на скрипке — см. *пиздец*
 котенку, больше срать не будет
 весь в поту и хуй во рту — много трудов и
 все без результата, овчинка выделки не стоит
 и дом сгорел, и хуй не стоит — кругом
 одни несчастья
 хуй и пизда — из одного гнезда — ср. лит.
 «яблоко от яблони недалеко откатывается», «два сапога —
 пара»
 чтоб хуй стоял и деньги были! — традиционное
 пожелание благополучия, тост за счастье
 за просто хуй — просто так, задаром
 на хуя пону гармонь? на хуя козе
 баян? — о чем-либо ненужном; ср. лит. «как собаке
 пятая нога»

Наконец, в русском языке есть одно интересное слово, появившееся относительно недавно в результате искажения слова «педераст». Постепенно оно обрело другой смысл, «заматерело» (то есть стало полноправной частью русского устного, влилось в него). Слово имеет несколько вариантов произношения:

пидарас, пидораз, пидорас, пидор — дурак, скотина; реже употр. в первоначальном смысле.

Данное слово имеет следующие производные слова и выражения:

пидарасить — чистить, драить; работать задаром, покоммунистически; ишачить, делать тупую, бессмысленную работу

пидормот, пидорюга — см. *разъебай*

пидор гнойный — 1 прыщ. 2 нтипатичный человек.

пидорище — см. *убище*.

III. Упражнения.

Если вы совсем не владеете русским устным, не огорчайтесь. Не все еще потеряно. При систематических занятиях вы можете наверстать упущенное в детстве и практически полностью устранить этот досадный пробел в образовании.

Русски
иностран
трудно да
языков —
большое
не отлича
мер, вы
другое.

Занима
выражен
произнос
никто не
ние!)

Набер
пойдет ле
вот вы —
родного
магнитоф
народ, гла
в речь о
характера
тонкости

Не ун
помните:
Успехо

III.1 В
значения

ния (по
III.2 Ч

произнос
и т.д.

III.3. «

ебть, зря

вайте на

щелкаеш

5. Балет
вещь! 6.
достатый

III.4 п
денные
III.5 п

Русский устный учится несколько не труднее любого иностранного языка. Тем более, он не имеет того, что так трудно дается многим людям при изучении иностранных языков — специфического произношения. Это, конечно, большое преимущество мата. Ведь его произношение ничем не отличается от обычного русского. Слово «блядь», например, вы можете и должны произнести так же, как любое другое.

Занимайтесь языком каждый день, заучивайте слова и выражения, повторяйте их как можно чаще. (Не старайтесь произносить слова на французский манер, с прононсом — вас никто не поймет! Повторяем — чисто русское произношение!)

Наберитесь терпения, хорошей злости на язык, тогда он пойдет легче. Постарайтесь распалить себя мыслью о том, что вот вы — вроде бы интеллигентный человек, а не знаете родного языка. Это вас подзадорит. Можете использовать магнитофон. Но не стоит забывать: главный ваш учитель — народ, главный учебник — живое слово. Только вслушиваясь в речь окружающих вас людей независимо от их возраста, характера, профессии, вы в полной мере сможете постичь тонкости мата.

Не унывайте, даже если что-нибудь не будет получаться. Помните: главное — желание и упорство в достижении цели.

Успехов вам!

III.1 Выучите основные слова, их буквальные и переносные значения. после этого начинайте учить производные выражения (по несколько за урок).

III.2 Чтобы преодолеть ненужное стеснение, каждый день произносите в полный голос слова «на хуй», «блядь», «пиздец» и т.д.

III.3. Определите этажность выражений: 1. А хули, бля, ебть, зря пиздить-то? 2. На хуя до хуя нахуярили? Расхуярьте на хуй! 3. А мне ни хуя не по хуй, на хуй. 4. Хули ты еблом щелкаешь, опездол, сейчас все спиздят к ебени матери. 5. Балет «лебединое озеро» — опиздохуительная по красоте вещь! 6. Ты сегодня такой задроченный, прямо как из жопы достатый.

III.4 переведите с мата на литературный язык вышеприведенные выражения.

III.5 переведите на русский устный: 1. Он очень глупый,

нехороший человек, лгун. 2. Эта штука была мне совершенно не нужна, и я засмеялся. 3. Этот дядя совершенно не работает, валяет дурака, пусть он уходит, он уже надоел нам, тунеядец. 4. Я наконец понял, зачем нужна эта маленькая деталька на задней части прибора. 5. Хитрый Одиссей отлично провел за нос глупого циклопа Полифема. 6. Плохо, что сборная опять проиграла. Черт побери, когда этому настанет конец? 7. Этот размер нам безразличен, примем его конструктивно. 8. Я думал, он пришел один, но увидел много мужчин и женщин и очень удивился.

III.6 Отрабатывайте смазочное употребление мата. Тренируйтесь в повседневной речи произносить мат с различной частотой: а) после каждых 4-х слов — «бля». б) после каждых четырех слов — «на хуй». в) после каждых двух слов — «бля» («на хуй»).

III.7 Напишите сочинение или составьте устный рассказ на тему: 1. Мой дом, моя семья. 2. Что я делаю, когда работа не клеится. 3. Отдых в выходные дни. 4. СПИД — чума XX века. 5. Природа в моей жизни. 6. Я — гражданин России.

III.8 Попробуйте подобрать матерный эквивалент известному французскому выражению «C'EST LA VIE» (такова жизнь).

III.9 Мат имеет замечательное свойство — каждый может развивать его дальше, конструируя собственные выражения. пределов здесь не существует. К примеру, можно придумать бесконечное множество выражений по типу «ебанный стос» (с тем же значением). Ебанным может быть все, что угодно: галстук, полицейский, автобус, поплавок, унитаз, пиздец и т.д. Попробуйте в вашей повседневной практике пользоваться неологизмами собственной конструкции. Не исключено, что вам улыбнется удача, и ваши выражения станут народными.

III.10 С целью демонстрации красоты русского устного приводим здесь занимательную забаву — палиндромы (перевертыши): 1. Ма, на хуй уха нам? 2. сапожник Осокин — жопа-с! 3. Матка думала — мудака там! 4. Не срал, Арсен?

Прочитайте эти фразы наоборот. Прочитайте также наоборот небезгрешную фразу: «улыбок тебе, дед макар!»

Для успешного освоения языка необходима повседневная практика. Старайтесь больше использовать в речи русский устный. Говорите им на работе, в столовой, дома, на партийном и родительском собраниях — и вам будет сопутствовать удача!

Сказка о попе и работнике его Елде.

Давно уже известны миру
Лука Мудищев, Дон Жуан.
Но нынче я свою сатиру,
Простите, посвящу не вам.
Хоть вы блюли мужскую честь,
Ебали жопу и пизду, -
Настал черед рассказ повесть
И про веселого Елду.
Елдой он прозван был в народе:
Любил он хуй свой прославлять.
Тот хуй менялся по погоде -
Зимой аршин, а летом — пять.
Бывало встанет у дороги,
Елдак опустит поперек
И не пускает санки, дроги,
Пока не выплатишь оброк
Однажды на честном гулянье,
На пасху иль в усеньев день
Перед молитвенным собраньем
Он хуем выкорчевал пень...
Но чу! Я, кажется, отвлекся,
Меня немного занесло.
Воспоминаньями увлекся
И прочь от сказки увело.
Закончил присказку, и вот -
Черед для сказки настает...

Жил-был поп,
Прихожанок еб.
Пошел поп по базару,
Посмотреть кой-какого товару.
Нужны попу были не шмотки,
Не стиральный порошок,
Поп купил бутылку водки
И гандонов мешок.
Навстречу ему Елда
Идет, не зная куда.

«Что ты прешь, инда взопрел?
Может, сдуру охуел?»
«Да вот, нужен мне работник -
Повар, пахарь, конюх, плотник.
А где найти такого
Не очень дорогого?»
Елда кивнул головою,
Говорит: Ну, и с тобой,
Соглашусь, я, да вотъ,
Но меня не наебеш!
Я служить буду исправно,
Очень яро, очень славно.
Прекращу я водку пить,
Хуем груши колотить,
И пахать я хуем буду,
Все упомяну, не забуду.
Я согласен жопу рвать,
Но смотри, ебена мать!
Три удара хуем в лоб
Я влеплю тебе, набоб!»
Закручинился тут поп,
Стал чесать рукою лоб,
Но сказал не «пас», а «вист»
(Был он, видно, похуист).
Говорит Елде поп: «Ладно,
Это дюже не накладно».
«Как сказать,- сказал Елда,
Все же хуй не есть пизда.
Станет ясно и ежу,
Когда я свой наложу!»

Жил Елда в поповском доме.
Ночью спал он на соломе,
Днем работал, жопу рвал,
Дома хуем крыс щелкал.
Он хуярит, срок идет,
Ну а поп не ест, не пьет,
Будто кто его ебет.
Обоссался поп ужасно:
Жизнь красива, жизнь прекрасна,
Очень жаль во цвете лет
Тот на этот менять свет.

Признается поп жене:
«Знаешь, Фекла, грех на мне!
Сговорился я с ним, чтоб
Бил Елда мне хуем в лоб.
Видно я в поповском чине
Смерть приму по той причине».
А толстушка попадья
Отвечает: «Ни хуя!
Дай Елде такой приказ,
Чтоб он сгинул, пидарас!
Этим лоб ты свой избавишь
И Елду с концом оставишь».
Засмеялся поп тотчас
И отъеб жену шесть раз...
Через день зовет: «Елда!
Подойди-ка, друг, сюда!
Ведь платить должны бы черти
Мне оброк по самой смерти.
Так что ты мешок бери,
Недоимки собери»...

И Елда, с попом не споря,
Кинул хуй в глубины моря.
Стал он хуй кругом вращать,
По-площадному кричать.
Вылез старый, лысый бес:
«Что, Елда, ты к нам залез?»
А каков ответ Елды?
«Я пришел вам дать пизды!
Вы тут все осатанели,
Обнаглели, охуели!
Я еще насру вам в море -
То-то будет чертям горе!
Вы забыли об оброке,
Проебали вы все сроки!
Вам за это, вашу мать,
Мало яйца оборвать!
Будет мне ужасно потеха!..»
А чертям-то не до смеха!
«Погоди ты дрючить море,
Ты оброк получишь вскоре.
Подошлю к тебе я внука».

И нырнул обратно, сука.
Долго ждал Елда, вдруг — глядь,
Что за ебаная блядь!
Вылез на берег бесенок,
Замурлыкал, как котенок:
«Ты, Елда, мудака и труса,
Я ебать тебя берусь!»
Хмыкнул наш Елда лукаво:
«Что же ты надумал, право?
Вам ли справиться со мною,
С огромною елдою?
Я ж на хуй вас, балагур,
Насажу, как на шампур!..»
Метнулся чертик вглубь воды
Рассказывать про победу Елды...
Старый бес стал думать думу.
А Елда наделал шуму!
В синем море хуем крутит,
Без пощады воду мутит.
Вдругорядь бес вылезает
И опять условие ставит:
«Кто всех дальше палку бросит,
Тот пускай оброк уносит».
«Что ж, — сказал тогда Елда,
Это горе — не беда.
Мне знакомы ваши штучки...»
«Что ж ты ждешь?» — «Вон этой тучки.
Зашвырну туда я палку
Да начну с чертями свалку».
Испугался черт — и к деду,
Рассказывать про Елдову победу...
А Елда сильнее шумит,
Вертит хуем, материт.
Море грозно помутилось
Да волнами расходилось,
Будто море шевелит
Чудо-юдо рыба-кит.
Вновь бесенок появился:
«Что, Елда, разматерился?
Погоди, дружок, дай срок,
Принесут сейчас оброк».
Говорит Елда: «Вперед

Сам замолкни, мой черед.
Я условие буду ставить,
Не тебе Елдою править!
Посмотрю на вашу силу.
Видишь сивую кобылу?
Хуем лошадь подними,
Пронеси, потом сними.
А нести обязан ты,
Ну, к примеру, полверсты.
Отнесешь — оброк уж твой,
Не осилишь — будет мой».
Подошел к кобыле бес
И в кобылу хуем влез.
Крякнул, перднул, приподнял,
Шаг шагнул — да и упал!
Улыбнулся тут Елда,
Засмеялся, молвит: «Да,
Чую, слаб у вас кураж.
То ж не хуй, а карандаш!
Не тебе со мной тягаться,
Научись сперва ебаться!
Что пускаешь пузыри?
Показать тебе? Смотри!»
Подошел Елда без страха
И поднял кобылу на хуй.
Хлопнул сивую по крупу,
Натянул ее до пупа
И вприпрыжку побежал,
Так, что черт без чувств упал!
Детям ясно — дело мрак.
Спорить будет лишь мудаки:
Превзошел чертей Елда,
Опозорил навсегда.
Взял оброк, считать не стал
И домой попиздовал...

Поп как раз жевал блины.
Увидал — насрал в штаны!
Вонь стояла духовита,
Атмосферна, ядовита.
Но Елда, зажавши нос,
Первый в лоб удар нанес.

Ну, и с этого щелчка
Прыгнул поп до потолка.
От второго щелчка поп
Закатил глаза на лоб.
Удар третий прозвенел -
Поп упал и околел.
А Елда говорил с укоризной:
«Заебал ты, поп, своим мудизмом!»

* * *

И теперь поют везде
Славу нашему Елде!

Перо

(инер

Ни ху

Тоже

юзом, Ал

ленивый

порнуху

туда же,

Втор

Саша

какая бы

какой бы

Что ж

вступил

да и опис

Докум

Легче все

разборчи

Потом

А просто

«Жизн

нул Игор

ва).

А за тр

стыду о Н

нии чело

этом, а н

бытия.

Первое послесловие.

(инерция стиля)

Ни хуя себе — книжка, называется!

Тоже решил, блядь, удивить: Барков ебаний! Да пошел ты юзом, Алешковский нашелся, подумаешь! Да сейчас только ленивый мотом по-печатному не хуячит. Скоро в «Детгизе» порнуху ебашить начнут и в яслях за доллары продавать! И ты туда же, петушком за дрожками?..

Второе послесловие.

Саша Никонов написал книгу о своей молодости — такой, какая была. О друзьях — таких, какие были. О себе — таком, какой был.

Что же до языка... Сам того не подозревая, Никонов вступил на топкую тропу социалистического реализма: взял да и описал жизнь в формах самой жизни.

Документальность этого повествования обезоруживает. Легче всего встать в шестую позицию и пожелать автору быть разборчивей в связях, но он ответит: сам дурак! — и будет прав.

Потому что не в связях дело, и не о говне на транспорте речь. А просто...

«Жизнь проходит, господа, как это ни горько...» — воскликнул Игорь Иртеньев (поэт, современник Александра Никонова).

А за триста лет до него Мишель Монтень, ни черта к своему стыду о Никонове не знавший, писал о постепенном умирании человека — его страстей, желаний, возможностей... — в этом, а не в биологической смерти видя настоящий трагизм бытия.

Вот в чем дело!

Эта книга — прощание с молодостью — великолепной, дурацкой, единственной! — попытка вспомнить ее до мельчайших подробностей, записать и, записав, обессмертить. (Отсюда, может быть, некоторые информационные излишества: автору важно все, ничто из пережитого не должно кануть в Лету!)

Резонный вопрос: а стоит ли бессмертия молодость Александра Никонова? Подумаешь, Руссо!..

Стоит!

Потому что не имена героев важны, и не адреса стройотрядов (у каждого читателя были свои), а вот это вот «неловкое признание в любви» — строчка, которую автор постеснялся вынести в заглавие книги, что говорит в пользу его деликатности.

Жизнь — любая — бесценна. Вспомним ее, переживем еще раз, рассмеемся там, где смешно, задумаемся там, где текст этого стоит. И расслышим за матерком, стебом и самоироничным нарциссизмом автора ту высокую ноту, которая усадила его за письменный стол.

Виктор Шендерович

Предисловие
От автора

[illegible]

ЧАСТ
ГЛАВ
ГЛАВ
ГЛАВ
ГЛАВ
ГЛАВ
неус
ГЛАВ
ПОД
ГЛАВ
ГЛАВ
ГЛАВ
ГЛАВ
ПОД
ГЛАВ
ГЛАВ
ГЛАВ
Эпил

Прил
Посл

Содержание

Предисловие	3
От автора	4
ЧАСТЬ I. Унесенные ветром	5
ГЛАВА 1. Как я научился играть в преферанс	5
ГЛАВА 2. Преферанс — не главное в жизни	5
ГЛАВА 3. (вставная челюсть)	8
ГЛАВА 2, опять	8
ГЛАВА 4. Утренний туман	9
ГЛАВА 5, справочная	12
ГЛАВА 6. Половые бандиты	13
ГЛАВА 7. Господа офицеры	21
ГЛАВА 8. Господа пердуны	27
ГЛАВА 9. Фили	29
ГЛАВА 10. ТМП — Теория мировой пиздатости	34
ГЛАВА 11. Как надо и не надо пить	48
ГЛАВА 12. Сенеж	51
ГЛАВА 13, по всем приметам несчастливая	58
ГЛАВА 14, следующая, под кассет	60
ГЛАВА 15. Осень жизни	61
ЧАСТЬ II. Унесенные на хуй	63
ГЛАВА 16. Фотография	63
ГЛАВА 17. Хронология	63
ГЛАВА 18. Хуюс, Членис, Пенис, Пиписис	65
ГЛАВА 19. Говно на лопате	76
ГЛАВА необязательная. Для тонких, неуспокоенных, ищущих смысл в жизни	82
ГЛАВА 20. Я хочу написать о море. Оно Черное	87
ПОДГЛАВА 20а. Немного о том же	88
ГЛАВА 21. Череповец	90
ГЛАВА 21.1 Белозерск или Беново счастье	99
ГЛАВА 22. Жопа	100
ГЛАВА 23. Запор	106
ПОДГЛАВА 23.1 Баранов идет ебаться	112
ГЛАВА 24. Как я на спор поебался	118
ГЛАВА 25. Пахучий городской	126
ГЛАВА 26. Так учил Заратустра	128
Эпилог	130
Приложения	132
Послесловие	157

Александр НИКОНОВ

ХУЕВАЯ КНИГА

Литературно-художественное издание

Художник Д. Матвеев

Отпечатано
Формат 60
9,6

Отпечатано

ИКОНОВ

КНИГА

жественное издание

Д. Матвеев

Лицензия ЛР № 060337 от 22.10.1991 г.
Отпечатано офсетом с готовых фотоформ изд-ва «Васанта».
Формат 60×84 ¹/₁₆, бумага офсетная, гарнитура «Таймс»,
9,6 учетно-изд. листов, 9,3 усл. печ. листов,
тираж I завода 20000 экз. Заказ 3941.
Издательство «Васанта», 117-334
г. Москва, Ленинский пр., 36-333.
Отпечатано в АОЗТ «Полиграфобъединение»,
347900 г. Таганрог, Ленина, 44.

